

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 10 № 4 Часть 2 2018

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

С 1 января 2018 г. по группе специальностей 22.00.00 социологические науки под № 1072

В 2015 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор

к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 10 # 4 Part 2 2018

Web Version address: <http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

From January 1, 2018 on the group of specialties 22.00.00 Sociological Sciences under № 1072

The journal «Historical and Social-Educational Idea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:

PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:

A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA

Editorial Office

Journal «Historical and Social-Educational Idea»

Phone/fax: 8 (861) 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (КубГУ)
Краснодар. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Bederkhanova Vera Petrovna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, член диссертационного совета по историческим наукам при Кубанском государственном университете
Краснодар. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergey A. Kislytsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia

Valery N. Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Kuban, Honored Science Worker of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Higher School, Department of Russian History, Kuban State University, Member of Dissertation Council for Historical Sciences of Kuban State University
Krasnodar. Russia

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco. USA

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете
Омск. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер. Великобритания

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University
Omsk. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester. UK

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, временно исполняющий обязанности директора Института истории Сибирского отделения РАН
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург. Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board**Editor-in-Chief**

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences
Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg. Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY
Рокки Т. г. Торонто, Канада Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений	T.Rocchi Toronto, Canada Revolution from the right: the Russian black hundreds movement and its place in the history of european far right parties and movements
ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ <i>Исторический и социологический аспекты</i>	FALSIFICATION OF HISTORY AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY <i>Historical and Sociological Aspects</i>
Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. г. Нальчик, Россия История фальсификации лекарственных средств в России	L.A. Gelyakhova, M.Kh. Mashekuasheva Nalchik, Russia History of falsification of medicines in Russia
Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. г. Нальчик, Россия Некоторые вопросы фальсификации истории организации милиции Кабарды и Балкарии после гражданской войны (1920-1923)	N.P. Golyandin, M.Kh. Mashekuasheva Nalchik, Russia Some questions of falsification of the history of the organization of the Kabard and Balkarian police after the civil war (1920-1923)
Хачидогов Р.А. г. Нальчик, Россия К вопросу истории становления и развития системы образования мусульманских народов Северного Кавказа (конец XVIII - XIX вв.): мифотворчество и объективная реальность	R.A. Khachidogov Nalchik, Russia To the question of the history of the formation and development of the education system of the North Caucasus muslim peoples (the end of the 18 - 19th centuries): myth-making and objective reality
Шамаев А.М. г. Нальчик, Россия Ложная интерпретация исторических фактов как угроза национальной безопасности Российской Федерации	A.M. Shamaev. Nalchik, Russia False interpretation of historical facts as a threat to the Russian national security
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI вв. <i>Исторический и социологический аспекты</i>	THE FAR EAST IN RUSSIAN HISTORY: END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES <i>Historical and Sociological Aspects</i>
Вашук А. С., Дударенок С.М. г. Владивосток, Россия Историческое образование на Дальнем Востоке России: этапы столетнего пути	A. S. Vashchuk, S.M. Dudaryonok Vladivostok, Russia Historical education in the Russian Far East: stages of the centenary way
Дыбовский А.С. г. Осака, Япония Алексей Матвеевич Позднеев (1851-1920) и практическое востоковедение России	A.C.Dybovsky Osaka, Japan Alexey M. Pozdneev (1851-1920) and Russian practical oriental studies
Платонова Н. М. г. Хабаровск, Россия Отклик на рубрику «Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.» научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» № 3 за 2018 год	N.M. Platonova, Khabarovsk, Russia Response to the column «the Far East in Russian history: end of the xx - beginning of the xxi centuries» of the scientific journal "Historical and social-educational idea" no. 3, 2018
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ <i>Исторический, социологический и психологический аспекты</i>	SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES <i>Historical, Sociological and Psychological Aspects</i>
Великий П.П. г. Саратов, Россия Успешные хозяева сельских подворий: наследники традиций и новаторы	P.P. Velikiy Saratov, Russia Successful rural farmsteads: heirs of traditions and innovators

Григорьев О. В. г. Новосибирск, Россия Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867-1917 гг.)	125	O.V. Grigoriev Novosibirsk, Russia Activity of fleet ships on strengthening of the right in the portrait of the period (1867-1914)
Игнатович В.К. г. Краснодар, Россия Психологическое пространство-время и базисные культурные сценарии образовательного события	134	V.K.Ignatovich Krasnodar, Russia Psychological space-time and basic cultural scenarios of the educational event
Кодола В. Г. Московская область, Россия Критика чистой абстракции	150	V. G. Kodola Moscow Region, Russia Pure abstraction's critique
Шапиро Б.Л. г. Москва, Россия «Русские centaurs»: кавалерийские школы в правление Николая I	156	B.L. Shapiro Moscow, Russia "Russian centaurs": cavalry schools in the reign of Nicholas I.
ИНФОРМАЦИЯ	171	INFORMATION

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»**.

Набор статей для раздела осуществляется в течение всего 2018 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. – по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the special section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"**.

A set of articles is carried out during 2018.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34

РОККИ Тони
Справочная библиотека Торонто
г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

Tony ROCCHI
Toronto Reference Library
Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

**РЕВОЛЮЦИЯ СПРАВА: РОССИЙСКОЕ
ЧЕРНОСОТЕНСТВО И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ
ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ**

Часть II-II. Черносотенное понятие русскости в общеевропейском контексте истории национализма и консолидации наций. Французская революция и рождение политической нации и политической эсхатологии

Черносотенное понятие русскости было составной частью общеевропейского процесса консолидации этнических и политических наций на фоне конкурирующих представлений идентичности индивидов, групп и обществ. Данная статья исследует начало этого грандиозного процесса в годы Французской революции. Французские революционеры, впервые на крупном примере в Европе, занимались определением нации и начали процесс установления норм к включению индивидов в нацию и исключению из нее. В эти бурные годы складывалась концепция французскости в политическом смысле. Можно заметить значительные элементы преемственности между пониманием французских революционеров французскости и черносотенным понятием русскости. Что сближало концепции французскости и русскости? Это были политические категории нации, установление норм *правильного* политического поведения, критерии к исключению индивидов и целых социальных групп из рядов нации, использование эсхатологических мотивов демонизации внешних и особенно внутренних врагов страны и народа. Однако были и различия между французскими революционерами и черносотенцами. Черносотенцы признавали языковые права «дружественных народов» в России, несмотря на черносотенную поддержку русификации. Французские революционеры приняли серьезные меры к уничтожению местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств во имя разгрома очагов духа «аристократизма» и контрреволюции.

Ключевые слова: черносотенство, Союз русского народа, Русское собрание, русский национализм, русскость, русификация, крайне правые движения, монархические движения, популистские движения, национализм, этничность, нация, народность, французскость, Французская революция, якобинство, идентичности, самоидентификация, политическая эсхатология

**REVOLUTION FROM THE RIGHT: THE RUSSIAN
BLACK HUNDREDS MOVEMENT AND ITS PLACE
IN THE HISTORY OF EUROPEAN FAR RIGHT
PARTIES AND MOVEMENTS**

Part II-II: the Black Hundred understanding of Russianness in the general European context of the history of nationalism and the consolidation of nations. The French Revolution and the birth of the political nation and political eschatology

The Black Hundred understanding of Russianness was an integral part of the general European process of the consolidation of both ethnic and political nations against the background of competing understandings of the identity of individuals, groups, and societies. This article investigates the beginning of this grandiose process in the years of the French Revolution. For the first time on a mass scale in Europe, the French revolutionaries formulated the definition of the nation and began the establishment of norms for inclusion of people in the nation and exclusion of people from it. In these stormy years, the concept of Frenchness in the political sense took shape. One can detect large elements of continuity between the French revolutionaries' concept of Frenchness and the Black Hundreds' understanding of Russianness. What made the concepts of Frenchness and Russianness similar was the political definition of the nation, the establishment of norms of *correct* political behavior and criteria for the exclusion of individuals and entire categories of people from the nation and the usage of eschatological themes of the demonization of external and, especially, internal enemies of the country and people. However, there were differences between the French revolutionaries and the Black Hundreds. The Black Hundreds recognized the language rights of "the friendly peoples" in Russia despite Black Hundred support of Russification. The French revolutionaries undertook massive measures for the wiping out of local dialects of the French language and languages of ethnic minorities in the name of smashing the hotbeds of the spirit of "aristocracy" and the counter-revolution.

Keywords: Black Hundreds, Union of Russian People, Russian Assembly, Russian nationalism, Russianness, Russification, far-right movements, monarchist movements, populist movements, nationalism, ethnicity, nation, nationality, Frenchness, French Revolution, Jacobins, identities, self-identification, political eschatology

Данная статья исследует элементы преемственности между французскими революционерами и черносотенцами в концепции политической нации. При использовании сравнительного подхода можно заметить сходства и различия между понятиями французскости и русскости. Конечно, концепции французскости и русскости возникли в конкретных исторических условиях во Франции и Российской империи. Однако обе концеп-

ции национальной идентичности были составными частями общеевропейского процесса консолидации этнических и политических наций на фоне конкурирующих представлений идентичности индивидов, групп и обществ. Этот процесс в Европе включал в себя следующие компоненты: определение нации; установление критериев к членству в нации, норм *правильного* политического поведения для членов нации, критерий к исключению индивидов и целых категорий людей из рядов нации. Ведь, по представлениям представителей политических движений по всему спектру, антинациональные мнения и действия имели последствия в виде исключения из рядов нации или даже из человеческого сообщества. Неудивительно, что, начиная с Французской революции, представители политических движений использовали политические эсхатологические мотивы демонизации внешних и особенно внутренних врагов государства и народа.

Данная научная статья исследует различия в языковой политике французских революционеров и черносотенцев. Хотя черносотенцы поддерживали правительственную политику русификации и выступали за первенство русских в национальной жизни, они тоже признавали языковые права «дружественных народов». В этой связи не следует делать вывод о великодушии черносотенцев. Как сторонники самодержавия, они не могли выступать против Основных Законов Российской империи, допускающих использование местных языков при определенных условиях. Напротив, французские революционеры, особенно якобинцы в 1793-1794 гг., приняли серьезные меры к уничтожению местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств во имя разгрома очагов духа «аристократизма» и контрреволюции. Установление моноязычия, по мнению революционеров, было необходимо, чтобы лишить контрреволюционеров собственной питательной среды и массовых баз поддержки. Обязательное использование французского языка, по революционному варианту, должно приводить к консолидации нации против внешних и внутренних врагов и к укреплению гражданской ответственности и правосознания. Итак, «лингвистический террор» якобинцев был составной частью их политики по разгрому всей оппозиции.

Французскость и русскость являются концепциями национальной идентичности и ценностей, они имеют варианты по всему политическому спектру. Русскость является совокупностью национальных характерных особенностей, которые определяют русских в качестве русских и отличают русских от других народов. Через русскость, по мнениям черносотенцев, русские должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Это сообщество, по своей природе, должно быть всеобщим, многонациональным, многоязычным и поликонфессиональным и дать членам русской нации (народности - по представлениям черносотенцев) возможность избежать конфликтов, разрывающих европейские страны по этническим, религиозным, политическим и социальным направлениям. Русскость, по представлениям черносотенцев, приводит к установлению живого, органического и соборного общества в противовес разобщенной совокупности отдельных лиц, присущей европейским странам, особенно в эпоху революционного брожения.

В широком спектре русского национализма черносотенное понятие русскости занимает свое особенное место. Русскость для черносотенцев имела главным образом политическую и неэтническую суть. Некоторые историки, особенно М.Л. Размолodin, заметили, что черносотенное определение «истинно-русского» означало не этническую, а скорее политическую принадлежность - приверженность к триединой формуле «Православие, Самодержавие, Народность». Размолodin пишет: «В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по единству этнического происхождения и территории проживания черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание». Также обычно черносотенцы заменяли слова «нация» и «национальность» словом «народность», потому что выражения «нация» и «национальность» были европейскими расово-биологическими концепциями, а категория «народность» делала акцент на духовно-культурных ценностях русского народа [1].

По аналогии с вышеописанным умозаключением, французскость является совокупностью национальных характерных особенностей, которые определяют французов в качестве французов и отличают французов от других народов. Через французскость, по мнению французских революционеров, французы должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Свобода, Равенство, Братство» - основным идеалам 1789 года - и во враждебности к невежеству, корпоративным привилегиям и духу «аристократизма». Аристократизм - желание сохранить устаревшие корпоративные привилегии и тормозить ход революции. По оценкам революционеров, раздробленность народа по политическим, сословным, корпоративным, этническим, религиозным, языковым, региональным, гендерным, возрастным и другим направлениям была присуща тирании и феодализму, зиждилась на невежестве и являлась главным препятствием к построению свободной нации, основанной на разуме, гражданской ответственности и правосознании. Заметим, что ценности 1789 года - свобода, равенство и братство - находятся в постоянной эволюции определения и применения рядом с другими основными ценностями французской гражданской нации. Например, до XX в. Франция считалась «самой старшей дочерью» Католической церкви. Правительство и общество теперь проводят строгую политику секуляризации всех сфер национальной жизни. Французские граждане должны быть лояльными государству и обществу, а не религиозной общине и другим отдельным группам [2]. Лояльность к отдельной социальной группе противоречит принципам 1789 года и напоминает желание сохранять корпоративные привилегии.

Заметим, что противники французских революционеров тоже разрабатывали в этот период свои представления о французской нации, членстве в нации, нормах *правильного* политического поведения и критериях к исключению из рядов нации. Споры и дебаты о нации и французскости продолжаются до сегодняшних дней. Неудивительно, что каждые французские президентские и парламентские выборы - своеобразные референдумы о французской революции и ее ценностях. Можно предполагать, что самый главный вопрос, возникающий перед французскими избирателями, таков: «За какую Францию мы голосуем?» [3].

Тут мы имеем дело с сильными традициями исторического мифотворчества, влияющими на понимание самых болезненных периодов французской истории. Каждая нация имеет свои основополагающие мифы в истории консолидации нации [4]. Во Франции два главных основополагающих мифа: Французская революция и нацистская оккупация во время Второй мировой войны. Каждое идеологическое течение определяет свою роль в истории консолидации нации и часто создает демонические образы своих противников в этом процессе. Мы имеем дело с исторической эсхатологией, и Французская революция породила эту интерпретацию истории. Эти образы часто возникают в современные кризисные моменты, например при выборах. При каждом антисемитском, антимуслиманском и антимигрантском выступлении представителей Народного Фронта и других крайне правых партий и движений в современной Франции нетрудно вызвать, особенно в средствах массовой информации, страшный призрак «этой другой Франции». Это Франция ненавистников Французской революции, преследователей еврейского офицера Альфреда Дрейфуса, несправедливо осужденного за шпионаж в пользу Германии, коллаборационистов с нацистскими оккупантами во время Второй мировой войны, главы марионеточного правительства в Виши Маршала Генри Пэтэна, заменявшего лозунг «Свобода, Равенство, Братство» другим - «Труд, Семья, Отечество», активных французских участников в еврейском Холокосте [5]. Противникам крайне правых нетрудно вызывать свои светлые образы. Например, светлые образы революции и войны - взятие Бастилии, провозглашение Декларации прав человека и гражданина, сочинение Марсельезы, герои антинацистского сопротивления - контрастируют с темными образами фанатичных роялистов и предательских коллаборационистов. Итак, призрак «этой другой Франции» еще имеет силу, несмотря на упрощение сложных событий.

Конечно, самый болезненный вопрос в истории Французской революции - это якобинский террор 1793-1794 гг. Конечно, вопрос о терроре тесно связан с вопросами о кон-

солидации французской политической нации. Историки еще задают вопрос: был ли террор aberrацией или закономерностью? В основополагающем мифе о создании современной французской нации ужасы террора сильно контрастируют со светлыми образами о взятии Бастилии, провозглашении Декларации о правах человека и гражданина, всеобщем примирении бывших врагов, имевшем место в Фестивале федерации 14 июля 1790 г. Очень часто в монографиях о революции историки следуют узкой периодизации террора. Царство террора началось с казни короля Людовика XVI (21 января 1793 г.) и кончилось с низвержением Максимилиана Робеспьера и других якобинцев (27 июля 1794 г. [9 термидора по революционному календарю]). Однако эта узкая периодизация исключает возможность проследить предпосылки террора и частые вооруженные противостояния между сторонниками и противниками революции в «мирный период» революции между взятием Бастилии и свержением монархии в августе 1792 г. и продолжение террора после свержения якобинцев и вплоть до коронования Наполеона Бонапарта императором в 1804 г.

Также некоторые исследователи объясняют террор результатом «перехватывания» революции якобинскими экстремистами и утверждают, что террор был изменой по отношению к великим идеалам эпохи Просвещения и Революции. Например, американский специалист по эпохе Просвещения Джонатан Исраэль обвинял М. Робеспьера и других якобинцев в демагогическом использовании сентиментальности «обыкновенного человека», единства, шовинизма и антиинтеллектуализма, чтобы уничтожить оппонентов и строить диктатуру. Такой менталитет легко привлекал поддержку самых плебейских и неграмотных элементов, которые тоже часто поддерживали ультрароялизм «контрпросвещения». По мнению Дж. Исраэля, якобинский популизм был ранним вариантом современного фашизма [6]. Однако заметим, что сторонники Просвещения и руководители раннего этапа Французской революции часто считали все аргументы своих оппонентов результатом невежества, фанатизма, предрассудков и суеверия, и, следовательно, недостойными внимания.

Израильский исследователь Яков Тальмон пошел дальше и предположил, что сторонники Просвещения и французские революционеры были предшественниками фашизма и коммунизма [7]. Конечно, фашизм, национал-социализм, коммунизм и другие тоталитарные идеологии имели долгие исторические предпосылки, но нельзя переписать историю заново, чтобы доказать, что Французская революция была родоначальником всех ужасов XX века. Эти идеологии возникали в конкретных исторических условиях XX столетия.

Рассмотрим общие контуры возникновения и развития концепции нации во Французской революции. В политическом смысле вопрос о нации, прежде всего, является вопросом об источнике власти в данном государстве. По представлениям французских и других европейских революционеров, как и сторонников перемен эпохи европейских и других революций между 1770 и 1871 гг. (эпоха классических революций завершилась падением Парижской коммуны в 1871 г.), нация - совокупность граждан в государстве и источник власти. В третьей статье Декларации прав человека и гражданина, принятой французским Законодательным Собранием 26 августа 1789 года, говорилось: «Начало всякого суверенитета заключается, по существу, в нации. Никакое лицо, ни совокупность лиц не может осуществлять власти, которая бы не проистекала, положительным образом, от нации» [8].

Революционность такой концепции не подлежит сомнению. Обычными формами правления везде в Европе были монархии: от конституционной до абсолютистской. Существовали также олигархические республики. Оправданием монархического правления была концепция божественного права монархов. Концепция божественного права утверждала, что короли, императоры и цари получили свою власть от Бога. Именно Бог дал правителям власть, и только Бог мог отобрать эту власть у правителей. Сотрудничали с монархами в правлении государством разные корпоративные институты. Все эти законодательные институты были замкнутыми организациями потомственных элит. В самодержавной России не было места для корпоративных институтов, участвующих в прав-

лении империи. Сословия и разные корпоративные институты получали свои права и привилегии от монарха. Монархи получали свою власть от Бога, и это значит, что общественно-политический строй был освященным ореолом божественного права. Сторонники перемен выступали за расширение непривилегированных слоев в правлении государством и часто провозглашали, что нация является источником власти. Провозглашать, что нация является источником власти, значило снятие ареола божественности с монархов и разрушение освященного строя.

Революционная концепция о нации как источнике власти имела свои последствия даже для России, и не только для либералов и социалистов. Заметим, что черносотенное утверждение о несовместности русской народности с европейскими концепциями нации и национальности необоснованно. Предполагается, что черносотенцы сознательно или бессознательно игнорировали революционную опасность трактовки народности. Компонент народности в триединой формуле всегда был самой главной причиной раздоров среди русских националистов и конфликтов между самодержавием и своими самыми лояльными сторонниками. Триединая формула никогда не была возвышена самодержавием до уровня государственной идеологии. Во-первых, можно было легко трактовать компоненты православия, самодержавия и народности в качестве компонентов одинакового значения и равных источников власти. Во-вторых, триединая формула могла стать угрозой стабильности многонациональной и поликонфессиональной империи. Для правительства лояльность к самодержавию была достаточна. Самодержавие не хотело возможных конкурентов за власть из рядов Русской православной церкви и русских националистов. Конечно, черносотенное представление о народности возникло в конкретных российских исторических условиях, но, чтобы вполне понимать его сущность, необходимо изучать русское явление народности в самом широком общеевропейском контексте.

Также необходимо изучать возникновение и развитие французской революционной концепции о нации на фоне общеевропейских и мировых революций, чтобы определить элементы уникальности во Французской революции. Требования французских революционеров о переменах в правлении государства и расширении прав непривилегированных слоев в правлении были составной частью революционного брожения во многих европейских странах и в Америке. Отчасти это брожение развивалось под влиянием идей Просвещения, однако заметим, что эти идеи нашли питательную среду в разных странах в сочетании с конкретными политическими и общественными факторами. Некоторые исследователи принялись за детальный сравнительный анализ универсализма требований во многих странах к переменам в последних десятилетиях XVIII в. Американский историк Роберт Палмер и французский историк Жак Годешо изучали революции в Европе и Америке от 1760 до 1800 г. и пришли к выводу, что эти события имели так много сходств, что можно говорить о «веке демократической революции» или об «атлантической революции» (революции имели место в Европе и Америке, в том числе Американская революция, или Война за независимость). Концепция Палмера и Годешо о всеобщей волне революций в конце XVIII в. получила название «тезис Палмера-Годешо». Лейтмотивом революций, по мнению Палмера и Годешо, стали требования за перемены в правлении государства, расширение прав непривилегированных слоев в правлении и сокращение или упразднение власти замкнутых корпоративных институтов [9]. Заметим, что сравнительный подход к изучению революций дает нам возможность изучать историю антиреволюционных и контрреволюционных движений в самом широком контексте.

Для Палмера и Годешо революции конца XVIII в. были демократическими, но не в современном понимании демократии. Сторонники перемен не выступали за всеобщее избирательное право. Господство толпы (охлократия) являлось, по мнению реформаторов, не менее опасным, чем диктатура абсолютистской монархии и привилегированных корпораций. Эти революции начались как движения с требованиями более широкого участия представителей общества в правлении страны, особенно в законодательных институтах. Неудивительно, что тезис Палмера-Годешо подвергался резкой критике по разным направлениям. Палмер и Годешо обвинялись многими французскими историками в умалении значения Французской революции; западными марксистскими и советскими

историками - за игнорирование классовой борьбы в контексте перехода от феодализма к капитализму и зарождении социалистических идей и движений (особенно Заговора равных под руководством Гракха Бабефа в 1796 г.); многими современными историками - за игнорирование роли в революциях женщин, народных масс, этнических и расовых меньшинств, представителей народов Латинской Америки, Карибских остров, Африки и Азии. Однако, как заметил австралийский историк Питер Мэкфи, Французская революция была самой радикальной в волне мировых революций. Во Франции вполне ликвидировался феодализм, и французские революционеры предприняли крупные шаги к установлению всеобщего мужского избирательного права и отделению церкви от государства. Самое главное - французы мобилизовали свои ресурсы и нанесли сокрушительный удар коалиции европейских монархий [10].

Сторонники перемен часто были представителями средних слоев, но называть эти революции «буржуазными» как нужный этап в развитии капитализма было бы не только упрощенно, но и антиисторично. Можно даже сомневаться в существовании буржуазии как класса с полным классовым сознанием в этот период, особенно на раннем этапе индустриальной революции. Конечно, советские историки всегда называли Французскую революцию «Великой французской буржуазной революцией» в противовес Великой Октябрьской социалистической революции. Они признали, что Французская революция была более радикальной, чем все другие буржуазные и буржуазно-демократические революции между 1770 и 1850 гг. Конечно, они согласились с тем, что лозунг «Свобода, равенство и братство», провозглашенный буржуазными революционерами, мог стать достижением рабочего народа только в социалистической революции.

Определение Французской революции буржуазной является актом мифотворчества. Французская революция началась как восстание дворянского сословия против централизации и ограничений привилегий. Заметим, что французские дворяне уже часто провозглашали, что они защитники права нации против королевского посягательства на корпоративные права и «министерского деспотизма». Это поведение было вполне закономерным, потому что дворянство было руководящим и/или единственным политическим классом во всех европейских странах. Заметим, что польские и венгерские дворяне называли себя «польской нацией» и «венгерской нацией».

Чтобы оправдать перемены в политической жизни, сторонники перемен, особенно во Франции, пришли к выводу о том, что об источнике власти надо мыслить иначе. Появилось новое революционное понимание источника власти: нация - совокупность граждан в государстве. Только представители нации в законодательном институте могут управлять государством от имени народа. Сразу возник спорный вопрос: что такое нация и кто может стать ее членом? Движения за перемены превратились в революции, когда они встретили сопротивление монархов и корпоративных институтов. Революции стали возможными, когда формально или неформально организовалась коалиция всех недовольных элементов в стране. Во Франции многие представители дворянства и духовенства участвовали в революции, особенно на ранних этапах, и народные массы поддерживали движения за перемены. Однако, когда бывшие исключенные из власти стали новыми правителями, другие исключенные элементы - особенно народные массы в лице крестьянства, женщин, молодежи и религиозных, этнических и расовых меньшинств - требовали для себя место в нации. Из всех европейских революций в конце XVIII в. разногласия и столкновения об определении нации, членстве в нации и установлении норм о политическом поведении проявлялись в самой острой форме во Франции на протяжении всего революционного периода и разжигали вооруженные и невооруженные гражданские войны между разными слоями населения и внутри них. Также конфликты вокруг нации имели долгую предысторию до взятия Бастилии 14 июля 1789 г.

Формулировка концепции нации в качестве совокупности граждан в государстве и источника власти имела место в 1787-1789 гг., когда правительство и представители политических классов искали решения финансового кризиса. Король Людовик XVI решил созывать старинное законодательное собрание (Генеральные Штаты) с разделением собрания на три сословия (с отдельным голосованием по сословиям). Решения о созыве Ге-

неральных Штатов и порядке представительства и голосования разжигали острые дебаты между сторонниками и противниками перемен системы правления. Особенный накал дебатов проявился на выборах в Генеральные Штаты весной 1789 г. по вопросу о представительстве третьего сословия и его права участия в собрании (первое сословие - духовенство, второе - дворянство, третье - средние слои и народные массы).

Все чаще в предвыборной «войне памфлетов» сторонники расширения участия третьего сословия в правлении государства и сокращения или упразднения корпоративных привилегий настаивали на том, чтобы они лучше представляли интересы Отечества (*la patrie*) и нации (*la nation*), чем привилегированные слои. Сторонники перемен называли себя патриотами и клеймили своих оппонентов аристократами. Вызывает интерес суждение священника Эммануэл-Жозефа Сийеса, выраженное в памфлете «Что такое Третье Сословие?»: «Третье сословие содержит все, что касается нации. Никто не принадлежащий к третьему сословию не может считаться частью нации. Что такое третье Сословие? Все!» [11].

Также заметим, что сторонники перемен не провозглашали идею классовой борьбы между дворянством и третьим сословием. Аристократизм, по их мнению, был проявлением менталитета враждебности к интересам нации. По представлениям «патриотов», «аристократы» выступали за сохранение устаревших и изживших себя привилегий. Очевидно, что не может быть и речи о классовой борьбе в буржуазной революции, потому что многие дворяне и священники идентифицировали себя с нацией как совокупностью граждан и источником власти. Это была, скорее всего, война мировоззрений. Нация, по мнению сторонников перемен, представляла собой все прогрессивное и разумное. Наоборот же, аристократизм представлял собой несправедливость и был способен обманывать людей всех слоев, пребывавших в плену невежества. Однако уже перед взятием Бастилии аббат Сийес и другие сторонники перемен сознательно исключили из рядов нации целые категории людей и сделали крупные шаги к установлению норм правильного политического поведения для членов нации. Это явление, в целом, неудивительно, потому что интолерантность к инакомыслящим уже имела предысторию во Франции в эпоху Просвещения. В дореволюционной Франции существовала широкая сеть кружков самообразования и чтения, обществ дум (*societies de pensee*), частных библиотек, масонских лож и политических салонов. Эта сеть не была организованным революционным подпольем, несмотря на утверждения конспирологов. В данном случае имели место неформальные группы, где мужчины и женщины из разных сословий могли собираться и дискутировать о передовых идеях Просвещения. Противники этих идей имели свои неформальные группы и солидаристские коалиции.

Французский историк Огюстен Кошен, убитый в Первой мировой войне, констатировал, что идеологические предпосылки террора Французской революции родились в этих неформальных группах из-за интолерантности сторонников Просвещения к инакомыслию. О. Кошен заметил, что между 1765 и 1780 гг. режим «сухого террора» царствовал в этих кружках и предшествовал кровавому террору 1793-1794 гг. Критики передовых идей подвергались оскорблениям, очернению репутаций, остракизму. Философ Жан-Батист Даламбер и его знаменитая Энциклопедия, по словам О. Кошена, стали предшественниками М. Робеспьера и Комитета общественной безопасности. Другие сторонники идей Просвещения обвиняли оппонентов в невежестве и заключали, что их размышления не стоили внимания [12]. Заметим, что обвинения О. Кошена об интолерантности сторонников Просвещения предшествовали обвинениям авторов сборника «Вехи» против русской интеллигенции после революции 1905 года [13].

Итак, клеймо невежества стало основным оправданием революционеров для осуждения взглядов оппонентов. Напомним, что преамбула к Декларации прав человека и гражданина провозгласила следующее: «Невежество, пренебрежение или презрение к правам человека - это единственная причина общественных бедствий и коррупции правительств» [14].

Это значило, что все атрибуты прежнего государственного и общественного строя были недостойными сохранения, потому что были основаны на невежестве. Спешили ре-

волюционеры строить новую нацию через упразднение всех традиций. Процесс революционной перестройки начался со снятия ореола божественности с монархии. Перед взятием Бастилии Людовик XVI именовался «Королем Франции». Депутаты Национального собрания после взятия Бастилии принудили Людовика изменить свой титул на «Король французов» [15]. Депутаты Национального собрания в попытке прекратить волну крестьянских волнений спешили стереть все старые преграды между разными слоями общества. Ночью 4 августа 1789 г. депутаты отменили все сословные, региональные и другие привилегии. Итак, французы стали гражданами в обновленной родине [16]. В период революции между взятием Бастилии и утверждением конституции 3 сентября 1791 г. шла грандиозная ломка всех традиционных институтов. Первая конституция в преамбуле провозгласила: «Национальная Ассамблея <...> отменяет бесповоротно институты, которые были вредными к свободе и равноправию» [17]. Таким образом, собрание утверждало, что все атрибуты старого строя были вредны нации и не основаны на принципах свободы, равенства и братства. Конституция 1791 года не ознаменовала завершение построения нации и конец революции. Скорее всего, конституция была вехой в дроблении новой нации на враждующие группировки, и патриоты не упускали возможности провозглашать свое понятие французскости единственно верным понятием о нации и заклеить своих противников врагами нации и приверженцами аристократизма и невежества. Это значило, что все атрибуты прежнего государственного и общественного строя были недостойными сохранения, потому что были основаны на невежестве. В этих годах складывалась концепция французскости в революционном понимании. Называть период между взятием Бастилии в июле 1789 г. и свержением монархии в августе 1792 г. «мирным периодом революции и эпохой всеобщего примирения» абсурдно. В эти годы были насильственные и ненасильственные столкновения между разными слоями, например между крестьянами и помещиками, католиками и протестантами. Кризис власти после взятия Бастилии породил многовластие со многими конкурирующими фракциями и блоками. Общество разделилось по политическим, социальным (сословным-классовым), религиозным, этническим и языковым, региональным, гендерным и другим направлениям. Закон о гражданском устройстве духовенства в 1790 г. вызвал раскол в Католической церкви. Многие священники приняли обет лояльности конституции, но многие другие отказались, особенно, когда Папа Римский осудил ее. Верующие, особенно в западных регионах, и многие женщины во всей Франции бойкотировали священников, принявших обет лояльности. (Широкая женская оппозиция к церковной реформе имела долгосрочные последствия. Только в 1944 г. женщины получили избирательные права за признание их участия в антинацистском сопротивлении. На протяжении десятилетий французские либералы и левые отказывали женщинам в избирательном праве из-за страха церковного влияния на политические взгляды женщин). Церковный кризис вызвал оппозицию к правительству от многих бывших сторонников революции. Многие люди в департаментах не могли терпеть возрастающую власть парижских политиков и парижской толпы [18]. Процесс консолидации новой нации принял огромные размеры эсхатологической борьбы между добрыми и злыми силами.

В самые первые дни революции ее сторонники ликовали от грандиозности перемен и верили, что наступил час всеобщего примирения, рождения нового народа и общества и конца проклятого старого строя. Ярость разжигалась среди прореволюционных элементов, когда они узнали, что многие люди не приняли великие перемены и выступали против них. Скоро повсеместно царила атмосфера страха от контрреволюционных заговоров, особенно среди родственников короля Людовика XVI и аристократов в эмиграции. Люди боялись, что королевские родственники и эмигранты подстрекали европейских монархистов напасть на Францию и восстановить старый режим. Везде сторонники революции видели внутренних предателей [19]. Подозрение Людовика XVI в измене росло после неудачного вареннского бегства в июне 1791 г. С первых дней революции королева Мария-Антуанетта была под подозрением: ее считали австрийской шпионкой. Объявление войны в апреле 1792 г. правительству Австрии и другим государствам и первые поражения на фронте приводили к обвинениям многих офицеров в измене. Рядовые революционеры

в клубах по всей Франции и парижских секциях требовали решительных мер против священников, не принявших обет лояльности, эмигрантов и всех внутренних предателей, включая представителей армии и правительства.

Каждое выступление против перемен трактовалось сторонниками революции проявлением духа аристократизма. Со временем революционеры развили обширный словарь оскорбительных выражений для сторонников аристократизма: «бывшие» (*ci-devant*), «фанатики», «старый режим» (*ancien regime*), «эгоисты». Гидра аристократизма имела такие варианты, как «умеренность», «федерализм» или «анархия». Естественно, революционеры верили, что народные массы были под влиянием лукавых аристократических обманщиков. Уже в 1791 г. парижская городская администрация осудила организацию политических клубов, особенно среди народных масс, и клеймила активность масс как проявление аристократизма. В петиции к правительству администрация написала: «Давно враги конституции уповают на анархию; они рассчитывают на преувеличение патриотизма и на крайности нетерпеливой страсти, порожденной быстрым завоеванием свободы. Они рассчитывают на вечно злоупотребленный обычай недоверия простых людей и на их долго репрессированную ненависть тиранического правительства» [20]. Другими словами, быть более революционными, чем революционеры у власти, считалось проявлением аристократизма. Со временем якобинцы стали называли своих левых оппонентов слугами аристократов. Итак, французские революционеры сумели поставить всякую критику революционных перемен под ярлык аристократизма и предательства революции. Точно так, как большевики и советские историки описали социалистов-революционеров, максималистов и анархистов как авантюристов, леваков и революционаристов и обвинили их в служении реакции, хотя эсеры, максималисты и анархисты использовали громкие ультрареволюционные фразы. Как якобинцы презирали «умеренных» пособниками аристократов, так большевики и советские историки называли меньшевиков оппортунистами, ревизионистами и примиренцами и обвиняли их в служении классовому врагу в лице черносотенных-монархистов из правых партий и буржуазных либералов из кадетов и других представителей правого фланга. Также «буржуазные националисты» из национальных партий, даже социалистического направления, обвинялись в сеянии раскола среди масс и в служении «своим» и русским эксплуататорам. Как видим, черносотенцы развивали длинный список оскорбительных выражений для разных категорий своих внешних и внутренних врагов.

После свержения монархии и наступления правительственного террора якобинцы требовали безусловной поддержки своей политики. Пассивность и равнодушие были признаками враждебности к революции и критериями к исключению людей из рядов нации и лишению жизни. Луи Антуан Сен-Жюст, соратник М. Робеспьера, писал 10 октября 1793 г.: «Вы должны наказывать не только предателей, но даже и тех, кто являются безразличными; вы должны наказывать тех, кто являются пассивными в республике, и тех, кто не делают ничего для республики» [21]. Таким образом, шла консолидация французской нации при жестком определении ее политического компонента и установлении норм безусловной лояльности к правительственной политике. Заметим, что антиреволюционные и контрреволюционные движения также разрабатывали собственные концепции нации, нормы поведения, критерии к исключению из нации и меры к уничтожению оппонентов [22]. Так, например, роялистские крестьянские повстанцы в Вандее часто убили всех, кто оказался в выигрыше от революции: покупателей конфискованных церковных земель, священников, принявших обет лояльности, местных администраторов и республиканцев [23].

Следует задать вопрос: почему страх прореволюционных, антиреволюционных и контрреволюционных элементов действительных и, чаще, мнимых врагов принял такой масштаб на всех этапах Французской революции и, наконец, воплотился в политике террора и в желании и готовности всех сторон уничтожить своих врагов? Страх, прежде всего, является эмоцией или чувством. Современные историки французской революции признают, что якобинский террор был ответом на войну с внешними и внутренними врагами. Но они также признают, что эмоции, как одержимость и истерия прореволюцион-

ных элементов по поводу внутренних врагов и контрреволюционных заговоров во всемирных вариантах, создали питательную среду для реализации политики террора.

Часто историки обращают внимание на элементы конспирологии для объяснения питательной среды террора. Заметим, что конспирология имела долгую дореволюционную историю во Франции. Народные волнения часто начинались из-за слухов об аристократических заговорах с целью морить голодом крестьян и городские низы [24]. Конечно, все экономические трудности в революционной Франции вызывали страхи относительно заговоров голода. «Большой страх» - массовая паника французского крестьянства летом 1789 г., возникшая из-за слухов о заговорах аристократов, разбойников и иностранцев морить голодом крестьян [25]. Паника охватила всю Францию и сочеталась с крестьянскими выступлениями против помещиков и других чуждых элементов. Так, например, в Эльзасе крестьяне совершили ряд еврейских погромов, потому что ненавидели евреев, как ростовщиков и агентов помещиков [26].

Одно дело - говорить о массовых проявлениях конспирологии, а другое - когда речь идет о конспирологических истериях политических классов. Например, в июле 1793 г. якобинец Жак Никола Бийо-Варенн сообщил своим коллегам в Конвенте, что все якобы отдельные проявления оппозиции к Конвенту являлись частями обширного заговора [27]. Нетрудно якобинцам было поверить в его заявления, потому что многие революционеры с 1789 г. верили во всевозможные интриги аристократов и других врагов. Заметим, что антиреволюционные и контрреволюционные силы тоже имели свои конспирологические объяснения революции. Некоторые контрреволюционеры обвиняли масонов, секту иллюминатов и философов эпохи Просвещения в организации заговора против бурбонской монархии. «Отцом» конспирологических теорий о революциях считается французский иезуит Августин Баррюэль [28].

Изучение конспирологических проектов помогает нам понимать предпосылки нетерпимости всех враждующих сторон Французской революции. Однако конспирология является составной частью общей политической эсхатологии каждой революции и контрреволюции. Предполагается, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров и их оппонентов. Ведь Французская революция породила явление политической эсхатологии, требующее более подробного исследования. Заметим, что историки революций и политических движений часто не обращают должного внимания на роль политической эсхатологии в процессе консолидации наций и движений. Конечно, эсхатология имеет религиозные корни, но это учение адаптировалось ко всем политическим идеологиям, начиная с эпохи Французской революции и до сегодняшних дней.

Эсхатология - учение о предстоящем конце старого мира и рождении нового порядка. Это учение, уходящее корнями в зороастризм, иудаизм, христианство, ислам, с адаптациями к политическим идеологиям, прежде всего, объяснения истории, разворачивающейся по закономерному плану на протяжении многих веков. Выбор каждого человека в этом процессе влияет на судьбу всех. Прежде всего, эсхатологическая история объясняет происхождение зла, его развитие и предстоящее поражение в конце истории, а также дает людям знать, кто виноват в происхождении и развитии зла. Демонизация действительных и воображаемых, особенно внутренних, врагов является составной частью эсхатологии и в религиозных, и в идеологических вариантах. Главная цель эсхатологической истории в религиях и идеологиях - переписать историю заново, чтобы показать закономерные долгосрочные предпосылки современного катастрофического положения человечества и разделения людей на категории добрых и злых сил и указать на выход из кризиса [29]. Неудивительно, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров, особенно когда они старались понять, почему все чаще многие бывшие сторонники революции переходят в лагерь антиреволюционных и контрреволюционных элементов. Заметим, что сторонники революции впервые начали космическую борьбу добрых и злых сил во Франции. Даже с первых месяцев революции сторонники перемен исключали оппонентов из рядов нации и провозглашали, что бывший общественно-политический строй был основан на

невежестве и всякие элементы прошлого недостойны сохранения. Самопровозглашенные патриоты клеймили всех противников аристократами и везде видели козни аристократизма в ностальгии по устаревшим привилегиям и в обмане небдительных патриотов. Демонизация врагов - утверждение того, что враги являются последователями дьявола или нечистой силы и действуют под подстрекательством дьявола, чтобы добрые люди заблуждались и гибли. Заблуждение правоверных, по эсхатологической исторической схеме в религиях и идеологиях, задерживает пришествие нового века и продолжает господство злых сил. Следует заметить, как антиреволюционные и контрреволюционные элементы могли развивать свои эсхатологические представления о революции при всеобщей ломке и высмеивании институтов дореволюционного строя и ликовании революционеров по поводу разрушения прошлого. Неудивительно, что многие оппоненты революционеров пришли к выводу, что они переживали крушение старого мира и нашествие страшного царствия Антихриста и других демонических сил. Оппоненты революции могли задать вопросы: кто виноват в падении божественного освященного строя и кто сеял лжеучения среди населения?

Дуализм добрых и злых сил в космической (вселенской) борьбе в истории - краеугольная характеристика эсхатологии. В религиозной эсхатологии злая сила всегда олицетворяется злым божеством или падшим ангелом. В зороастризме это Ахриман, верховное божество зла и враг Ахурамазды, верховного божества. Злая сила в иудаизме, христианстве и исламе олицетворяется в дьяволе, падшем ангеле. Заметим, что дьявол и сотворенные существа - это не божества. Имя верховного дьявола: Шайтан - для иудеев, Сатана - для христиан, Иблис - для мусульман. Шайтан в переводе с арамейского - противник в суде, в споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наушник, подстрекатель [30]. Сатана не абстракция, как справедливо замечает американский исследователь Элейн Пагельс. По ее мнению, концепции о Сатане отражают то, как мы воспринимаем себя и других, особенно тех самых «чужих» [31]. Дьявол, по мнению Э.Пагельс, персональный враг, который прекрасно знает слабости людей и имеет большую способность искушать и развращать их. Хорошо известно, как он соблазнил Адама и Еву с мечтой о приобретении божественной мудрости и бессмертия. Дьявол, особенно в смутные времена, часто искушает людей с мечтами о прекрасном потерянном мире или о предстоящем новом мире без необходимости страдания и преодоления лжеучений. Конечно, дьявол умеет воспользоваться конфликтами и раздорами среди правоверных, особенно в периоды преследования внешними врагами.

В этой связи главный общий элемент в религиозной и политической гонимости - постоянное утверждение, что внутренний противник всегда более опасен, чем внешний враг. Особенное внимание последователи эсхатологических движений уделяют определению народа и разделению людей на строго определенные категории спасенных и осужденных. Чтобы определить, какие люди достойны спасения, последователи движений задают себе самый главный вопрос: «Кто является народом Бога?», или «Кто является людьми Бога?» [32]. Логично следует следующий вопрос: «Кто враги Бога и его народа?». В политических движениях постановка вопроса немножко проще: «Кто является народом?», - и обычно имеет дело с классом или нацией.

Э. Пагельс пришла к выводу, что упор на опасность внутренних врагов возник среди радикальных иудейских общин в Палестине после возвращения иудеев из Вавилонского плена. Там, в плену, многие иудеи знакомились с зороастрийскими эсхатологическими учениями. В веках между возвращением из Вавилонского плена и разрушением Иерусалимского храма римлянами эсхатология стала составной частью многих канонических и неканонических библейских книг. Преследование иноверцев и конфликты среди иудеев вызвали апокалиптические движения. История в библейских текстах была написана заново, чтобы доказать долгосрочные предпосылки современных конфликтов среди верующих, закономерность катастрофического современного положения дел, желательность разрушения старого строя и пришествия нового порядка и необходимости бдительности против лжеучений, особенно тех лжеучений, которые провозглашались представителями религиозной элиты. Последователи эсхатологических движений часто осуждали священ-

ников, последователей ассимиляции с язычниками и коллаборационистов с эллинскими и римскими оккупантами как последователями Шайтана. Они делали вывод о том, что внутренние враги были хуже, чем язычники, и утверждали, что Шайтан заведомо сеял конфликты и лжеучения среди Божьих избранников. В эсхатологических религиозных движениях внутренние враги в общине выбрали следовать дьяволу и исключили себя из рядов правоверных. Э. Пагельс заметила, что сюжеты о существовании дьявола действительно были вопросами об отступниках в общине и о происхождении отступничества. Э. Пагельс пишет: «Те, которые задали вопрос "Как мог Божий ангел стать врагом Бога?" действительно задали себе вопрос "Как мог один из нас стать одним из них?". Истории о Сатане и других падших ангелах широко распространялись в те смутные времена, особенно среди радикальных групп оппозиции к другим частям иудейской общины. Радикалы заключали, что другие выступали против них или, как они представляли, против Бога» [33].

Предполагается, что эсхатологическое представление об опасности внутренних врагов могло легко адаптироваться к политическим эсхатологическим идеологиям, особенно в кризисные моменты. Французские революционеры провозгласили разрушение старого строя и рождение новой нации. Однако на каждом этапе революции они сталкивались с увеличением рядов оппонентов перемен и с переходом многих бывших сторонников революции в лагеря антиреволюционных и контрреволюционных элементов. Революционеры пришли к выводу, что сторонники аристократизма сеяли невежество и ностальгию по устаревшим привилегиям среди нестойких и небдительных патриотов. Консолидировать нацию было невозможно, по представлениям революционеров, когда еще существовали многие пережитки старого режима. В этой связи в 1793-1794 гг. якобинцы начали поход против местных диалектов французского языка и языков этнических меньшинств. Установление моноязычной Франции должно было уничтожить массовую питательную среду контрреволюции. «Языковый террор» якобинцев положил начало сложному процессу консолидации моноязычной французской нации.

Широкое использование местных диалектов и языков этнических меньшинств имело определенное оправдание в дореволюционной монархии. Несмотря на возрастающую централизацию правления, во Франции существовала сложная система пересекающихся исторических провинций, церковных, судебных, налоговых и военных юрисдикций. Провинции и даже многие города имели свои корпоративные привилегии. В ночь с 4 на 5 августа 1789 г. в Законодательном Собрании депутаты добровольно отказались от многих привилегий, в том числе корпоративных провинциальных и городских прерогатив. Собрание отменило провинции в 1790 г. и заменило их департаментами [34]. Жители провинций говорили на десятках разных диалектов французского языка. В пограничных провинциях жители говорили по-бретански, фламандски, баскски, итальянски, немецки, каталански и т.д. Евреи в Эльзасе говорили на идиш, потомки еврейских беженцев с Пиренейского полуострова говорили по-ладино (смесь испанского языка с ивритом) или по-португальски, а черные рабы в колониях использовали креольские диалекты. Диалекты часто назывались «патуа» (*patois* от *la patte* - лапа. Патуа - диалект, говор, нестандартный вариант языка) [35].

На раннем этапе революции представители правительства старались переводить законы и декреты на местные диалекты французского языка и языки этнических меньшинств, чтобы крестьяне понимали не только законы, но также свои новые обязанности и меру ответственности в качестве граждан новой французской нации. Эта языковая политика была своеобразной кампанией внушения правосознания среди крестьянства и других народных слоев. Однако правительство не имело достаточных финансовых и человеческих ресурсов для проведения широкой кампании по переводам и внушению правосознания. Представители правительства - центральные, департаментские, ные - были вынуждены полагаться на традиционных посредников в селах между правительством и народом - католических священников. При старом режиме священники читали прихожанам в церквах декреты. Дискуссии и составление петиций к выборам Генеральных Штатов в 1789 г. проводились в церквах. Сельский священник обычно был един-

ственным человеком в селе, умеющим говорить и писать на французском языке и на местном диалекте французского языка или на языке этнического меньшинства. Американский исследователь Дэвид Белл описал, как на протяжении 200 лет католическое духовенство делало кропотливую работу в наставлении прихожан с использованием религиозных материалов на разных диалектах и языках [36]. На раннем этапе революции некоторые священники распространяли на разных диалектах и языках среди крестьянства своеобразное евангелие о революции как воплощении второго пришествия Иисуса Христа и заре нового справедливого века [37].

Однако ликование по случаю пришествия нового века потерпело крах уже в 1790 г. с возникновением множества конфликтов по разным направлениям. Многие бывшие католические сторонники революции перешли в оппозицию из-за дарования равноправия протестантам и позже евреям, а также из-за раскола в Католической церкви, вызванного гражданским устройством духовенства в 1790 г. Конфликты между католиками за или против гражданской конституции вызвали острые дебаты в газетах и памфлетах, опубликованные на французском языке, диалектах и других языках. Эсхатологические мотивы борьбы между ангельскими и дьявольскими силами участвовали в католических средствах массовой информации. Революция воспринималась одобрительно как второе пришествие Иисуса Христа или осуждалась как пришествие царства Антихриста [38]. После свержения монархии в 1792 г. и казни Людовика XVI в январе 1793 г. начались гражданские войны во Франции - продолжающийся раскол в Католической церкви, монархистские заговоры, роялистские восстания вандейского крестьянства и бретанских и нормандских шуанов-партизан, «федералистские» восстания многих департаментов против парижской централизации. Многие антиреволюционные и контрреволюционные выступления имели место в регионах на разных диалектах и других языках. В этой связи многие якобинцы пришли к выводу, что политика многоязычия стала оружием врагов революции и угрозой консолидации французской нации, особенно при иностранных вторжениях и внутренней контрреволюции. Наступил 1794 год - начало якобинского похода против языковых очагов аристократизма, изживших себя привилегий и контрреволюции. Штурм Вавилонской башни многоязычия якобинцами был вехой в консолидации французской нации.

Многоязычие было творением заговора монархов и духовенства во имя невежества и деспотизма. Якобинец Бертран Барьер де Вюзак в докладе к коллегам в Комитете общественной безопасности 27 января 1794 г. заявил: «Коалиция тиранов говорит - невежество всегда наше самое мощное оружие - через сохранение невежества мы порожаем фанатиков, умножаем контрреволюционеров, вернем Францию в царство варварства; наше дело служить малообразованным людям или людям, говорящим на других языках и диалектах, не преподаваемых в школьной системе» [39]. Революция освободила французский язык от развратных влияний монархов, аристократов и духовенства. Французский язык стал языком разума и свободы для всех народов Европы. В отличие от могущественного французского языка Барьер описал бретонский, немецкий, итальянский и баскский языки в пограничных районах оплотами царства фанатизма и суеверия. Существование этих языков являлось угрозой распространению гражданского и правового сознания в процессе консолидации французской нации [40].

Барьер гневно заметил, что жители, говорящие на других языках, в разных регионах были сплошь и рядом под контрреволюционным влиянием аристократов и священников и занимались предательской деятельностью против республики. Из-за существования данных языков жители этих регионов не имели ни малейшего понимания республиканских законов. Решением этого катастрофического положения дел, по мнению Барьера, является всеобщее и обязательное изучение французского языка. Через знание языка люди из народных масс станут гражданами и ознакомятся с законами республики. Игнорирование языковых нужд низших социальных групп было еще одним проявлением духа аристократизма. Барьер указал на результаты сохранения многоязычия: «Федерализм и суеверие говорят по-бретонски; эмиграция и ненависть к революции говорят по-

немецки; контрреволюция говорит по-итальянски и фанатизм говорит по-баскски. Разгромим эти инструменты вреда и заблуждения!» [41].

Многоязычие и другие устаревшие привилегии, по мнению Барьера, служили целям монархии по разделению граждан по всем векторам. Стыдно, продолжал он, что иностранные сторонники французской революции знают, что шесть миллионов жителей Франции не говорят по-французски и живут в полном невежестве законов республики и в полном отсутствии гражданского сознания. Только предатели могут поддерживать это положение дел, отмечал гневный якобинец. В заключение доклада Барьер предложил установление сети преподавателей французского языка по всем общинам в регионах других языков. Священники и другие бывшие члены привилегированных слоев не могли стать преподавателями. Только местные политические клубы и народные сообщества имели право нанимать преподавателей с достаточной политической благонадежностью. Обязанности преподавателей - преподавать французский язык всем мальчикам и девочкам и в конце недели читать всем взрослым в общине законы республики [42]. По Барьеру, установление моноязычия могло лишить контрреволюционеров своей массовой поддержки и привести к распространению правосознания среди всех граждан республики. Высокий уровень знания законов мог способствовать осознанию гражданских обязанностей в деле консолидации нации. Итак, языковой спор для Барьера оказался политическим вопросом.

Несколькими месяцами позже, 4 июня 1794 г., революционный священник Анри Жан-Баптист Грегуар прочитал членам Национального Конвента свой «Доклад о необходимости и средствах уничтожить патуа и универсализировать французский язык». Аббат Грегуар, страстный защитник эмансипации евреев и черных рабов, призывал к уничтожению всех местных диалектов французского языка. Как и Барьер, Грегуар утверждал, что всеобщее и обязательное изучение французского языка является мощным оружием в распространении правосознания и гражданских ответственностей среди населения [43]. На протяжении нескольких лет Грегуар проводил обширную переписку и опросы с сотнями респондентов по всей Франции о положении французского языка. Священник обратил внимание депутатов на вопиющее противоречие. Французский язык являлся языком общеевропейской дипломатии, монархов и образованных классов повсеместно в Европе. При бурбонской монархии язык породил крупные достижения высшей культуры, а при республике французский язык приносит евангелие свободы всем европейским народам. Однако в то время во Франции многие жители еще не умели говорить по-французски. Из 83 департаментов страны только в 15 - французский язык единственный. Революция, провозгласил Грегуар, отменила провинции, однако названия 30 диалектов напоминали людям названия бывших провинций и продолжали традицию корпоративных привилегий. Он также отметил существование нефранцузских языков во Франции и креольских диалектов черных рабов в колониях. Согласно данным Грегуара, из 28 млн жителей Франции 6 млн не умели говорить по-французски и еще 6 млн не могли поддержать простой разговор на языке. Только 3 млн жителей умели писать на французском языке [44].

Барьер требовал обязательного обучения французскому языку в пограничных регионах языков этнических меньшинств. Идя дальше, Грегуар требовал обязательного обучения французскому языку во всех регионах местных диалектов. Обучение французскому языку также требовало ознакомления жителей с законами и развития гражданских обязанностей. Игнорирование языкового вопроса является угрозой делу свободы во Франции. По мнению Грегуара, сохранение феодальных диалектов и языкового феодализма продолжает аристократизм и не дает жителям возможности участвовать во всех отраслях жизни республики. При таком политическом устройстве все ответственные друг за друга и имеют обязанность помогать согражданам соблюдать законы. Переводы законов были бесполезны, потому что диалекты оказались неспособны выразить абстрактные идеи и продолжали законодательное невежество. Было невозможно строить «республику единую и неделимую» при существовании Вавилонской башни разных диалектов и языков. Проведение политики моноязычия, заметил Грегуар, приводит к возрождению французской нации в опасное время внешних нашествий и внутренней контррево-

люции. Уничтожение диалектов, подчеркнул Грегуар, может искоренить анархию в политических, экономических и культурных сферах национальной жизни. Пришло время революционизировать язык. Грегуар провозгласил: «Чтобы искоренять все предрассудки, развивать истину, все таланты и добродетели, консолидировать всех граждан в национальной массе, упрощать правление и политику, нам нужна языковая идентичность» [45]. Как и Барьер, Грегуар рассмотрел языковой вопрос политическим вопросом в консолидации французской нации. По мнению Грегуара, моновязычие служит благородным целям революции и нации.

Выступления Барьера и Грегуара против диалектов и нефранцузских языков имели свои последствия. Указом правительства 20 июля 1794 г. запретили публиковать законы на диалектах или на других языках. Французский язык стал государственным. За нарушение закона при исполнении служебных обязанностей чиновники и другие представители правительства наказывались приговором полицейского трибунала шестью месяцами заключения. Через неделю после провозглашения указа о языке Робеспьер и его соратники были свержены. В сентябре проведение в жизнь указа о языке было приостановлено, но не отменено полностью. Только в позднем XIX веке было возможно правительству установить всеобщее изучение французского языка и сократить использование местных диалектов и нефранцузских языков [46].

В отличие от французских революционеров черносотенцы шли на уступки нерусским народам. Они признавали права «дружественных к России» народов, хотя с условиями признания нерусскими народами первенства русского народа и принятия триединой формулы. Как заметил российский историк С.А. Степанов, «дружественное население могло рассчитывать на неприкосновенность веры, языка, быта и общественного строя. От имени русского народа было торжественно провозглашено, "что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами". Остается гадать, как можно было увязать эту клятву с длинным перечнем исключительных привилегий для русского населения» [47]. Заметим, что черносотенцы демонстрировали больше терпимости к языкам этнических меньшинств, чем французские революционеры и многие европейские государства в веке политики моновязычия. Также черносотенцы, как сторонники самодержавия, не могли выступать против Основных Законов Российской империи, допускающих использование местных языков при определенных условиях [48].

Подведем некоторые итоги. Французская революция является началом сложного процесса развития политического национализма и консолидации наций в Европе. В бурные годы революции развивалась концепция французскости. Через французскость, по мнению французских революционеров, французы должны составлять сплоченное, самоопределяющееся (самоидентифицирующееся) сообщество, единое в приверженности к триединой формуле «Свобода, Равенство, Братство» - основным идеалам 1789 года - и во враждебности к невежеству, изжившим себя корпоративным привилегиям и духу «аристократизма». Отметим, что определение «истинно-француза» означало не этническую, а скорее политическую принадлежность. В этой связи можно обнаружить большие элементы преемственности между пониманием французских революционеров французскости и черносотенным понятием русскости. Чтобы строить новую нацию, французские революционеры занимались определением понятия нации, установлением норм *правильного* политического поведения для членов нации, критериев к включению людей в нацию и особенно к исключению индивидов и целых категорий людей из ее рядов. Часто эти нормы исключения приводили к лишению жизни тысяч людей. Революционеры также предприняли крупные меры к созданию моновязычной нации в надежде разгромить питательную среду для контрреволюции и внушить населению гражданскую ответственность и национальное правосознание. Заметим, что революционеры заставляли своих оппонентов из антиреволюционных и контрреволюционных лагерей развивать свои концепции французскости. Последствия революционного понимания политической нации еще влияют на многие аспекты национальной жизни современной Франции.

Французская революция также является началом использования политической эсхатологии в процессе консолидации наций и политических движений в Европе. В период между 1789 и 1917 гг. французские революционеры шли дальше, чем все другие приверженцы любых идеологий в деле консолидации нации и в применении мер к дискредитации, демонизации, изоляции и уничтожению своих политических противников во всех областях национальной жизни.

Продолжение следует

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Размолодин М.Л. Трактровка понятия «русскости» в черносотенной идеологии // Научный журнал КубГАУ. - 2010. - № 62 (08). - С. 2
2. Religlaw: International Centre for Law and Religion Studies: Religious Freedom in France. <https://www.religlaw.org/index.php?pageId=22&contentId=862&blurId=26402>
3. В парламентских выборах 2017 г. новые популистские партии по всему спектру наносили сокрушительные поражения истеблишментским партиям голлистов (республиканцев) и социалистов. <http://www.parties-and-elections.eu/france.html>
4. Халилов Т.А. Александр Шмеман: идея соотнесенности и позиция радикального контестатора // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 2. - С. 242-248.
5. Западная литература о сложностях коллаборационизма и сопротивления во Второй мировой войне обширна и разоблачает миф о всеобщем участии французов в движении сопротивления. См. напр.: Jackson, Julian. France: the dark years, 1940-1944. - Oxford UK; New York: Oxford University Press, 2001. Также существуют в современной Франции правые движения, которые отвергают наследие Французской революции. Роялистское движение Action Francaise - Французское Действие, основано в 1899 г., самая старая монархистская организация в Европе. <https://www.actionfrancaise.net/> Более элитарное враждебное отношение к Французской революции и ее ценностям занимает «Новое Право», сеть индивидуумов, институтов и кружков возникших во Франции в 60-х годах. Главный институт «Нового Права» - Группа исследований по европейской цивилизации <http://grece-fr.com/> Директор института Алэн де Бенуа (Alain de Benoist) имеет свою сеть почитателей. Les amis de Alain de Benoist. <http://www.alaindebenoist.com/>
6. Israel, Jonathan. Revolutionary ideas: an intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. - Princeton NJ: Princeton University Press, 2014. - С. 221. В других работах Исраэля идеи эпохи Просвещения играли первую роль в формировании революционного менталитета среди представителей образованных классов. Israel, Jonathan. Radical enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650-1750. - London; New York: Oxford University Press, 2001; Israel, Jonathan. Enlightenment contested: philosophy, modernity, and the emancipation of man, 1670-1752. - London; New York: Oxford University Press, 2006; Israel, Jonathan. Democratic enlightenment: philosophy, revolution, and human rights 1750-1790. - New York: Oxford University Press, 2011. В своей последней работе Исраэль констатировал, что Американская революция (Война за независимость) разжигала волну революций в Европе, Латинской Америке и на других континентах между 1775 и 1848 гг. Israel, Jonathan. The expanding blaze: how the American Revolution ignited the world, 1775-1848. - Princeton NJ: Princeton University Press, 2017.
7. Talmon J.L. The origins of totalitarian democracy. - London: Secker & Warburg, 1955.
8. Declaration of the Rights of Man - 1789. Ст. 3. http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
9. Основные работы Роберта Палмера и Жака Годешо о веке демократической революции: Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799. 2e ed. - Paris: Aubier Montaigne, 1983; Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799). - Paris: Presses universitaires de France, 1970; Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Trans. from the French by Salvator Attanasio. - New York: H. Fertig, 1971; Palmer R.R. The age of the democratic revolution; a political

- history of Europe and America. 2 vol. - Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964.
Сравнительный подход к изучению общеевропейских революций 1848-1849 гг. никогда не был дискуссионным. См.: Dowe D. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Trans. by D. Higgins. - New York: Berghahn Books, 2000; Rapport M. 1848: year of revolution. - New York: Basic Books, 2009; Революции 1848-1849 гг. 2 тома. - М.: Издательство Академии наук, 1952; Sperber J. The European revolutions, 1848-1851. - New York: Cambridge University Press, 2005.
10. McPhee, Peter. Rethinking the French Revolution and the "Global Crisis" of the of the Late-Eighteenth Century // News and Papers from the George Rude Seminar / French History and Civilization. - 2015. - Vol. 6. - С. 56-64, 64. <https://h-france.net/rude/wp-content/uploads/2017/08/McPheeVol6.pdf>
 11. Sieyes, Emmanuel-Joseph. What is the Third Estate? (1789). <http://pages.uoregon.edu/dluebke/301ModernEurope/Sieyes3dEstate.pdf>
 12. Cochin, Augustin. Les societies de pensee et la democratie modern - P. 5. <http://misraim3.free.fr/divers2/SOCIETES.PDF>
 13. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. - М., 1909. <http://www.vehi.net/vehi/>
 14. Declaration of the Rights of Man, Преамбула. http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
 15. Schama, Simon. Citizens: a chronicle of the French Revolution. - New York: Knopf, 1989. - P. 423.
 16. Там же. - P. 439.
 17. Constitution de 1791, Преамбула. <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html>
 18. Американский историк Д.М.Г. Сатерленд подробно описывает массовые антиреволюционные и контрреволюционные движения в первых годах революции. Sutherland D.M.G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. - Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003.
 19. Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. - Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015. - С. 432-434.
 20. Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. - London: Little, Brown, 2005. - P. 46.
 21. Там же. - P. 224.
 22. Халилов Т.А. Политический порядок и проблема идеологии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 3. - С. 247-256.
 23. Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. - Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. - P. 224.
 24. Kaplan, Steven L. The Famine Plot Persuasion in Eighteenth-Century France. Transactions of the American Philosophical Society. - 1982. - Vol. 72. - No. 3. - Pp. 1-79.
 25. Lefebvre, Georges. The Great Fear of 1789; rural panic in revolutionary France. Introd. by George Rudé. Trans. from the French by Joan White. - New York: Basic Books, 1973.
 26. Schama. - P. 435.
 27. Sutherland. - P. 159.
 28. Можно найти в электронной форме 4-томную работу Барруэля о якобинстве, опубликованную в 1797-1798 гг.: Barruel A.A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. <https://archive.org/search.php?query=barruel%20jacobinism>.
 29. Многие эсхатологические тексты из библейских канонических и неканонических книг доступны в электронной форме. Русская апокрифическая студия. <http://apokrif.fullweb.ru/>. Early Jewish Writings. <http://www.earlyjewishwritings.com>. Early Christian Writings. <http://www.earlychristianwritings.com>. Gnosis Society Library. <http://www.gnosis.org/library.html>. Для сведений о происхождении и развитии эсхатологии см.: Cohn, Norman Rufus. The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages. Rev. and expanded ed. - New York: Oxford University Press, 1970; Collins, John Joseph, Bernard McGinn, and Stephen J. Stein. (eds.). The encyclopedia of apocalypticism. 3 vol. - New York: Continuum, 1998; Goldish, Matt. (ed.). Millenarianism and messianism in early modern European culture. 4 vol. - Dordrecht; Boston: Kluwer, 2001; Pagels, Elaine. The origin of Satan. - New York: Vintage Books, 1996. Марксистские историки, в том числе советские, описывали массовые эсхатологические движения средних веков антифеодальными

движениями в религиозном обличье, потому что Церковь освятила феодальной строй. См., напр.: Kautsky, Karl. Communism in Central Europe at the time of the Reformation. 1897. <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1897/europe/index.htm>. Современный русский националист Игорь Шафаревич описывал эти движения предшественниками современного социализма, потому что они выступали за уничтожение частной собственности, религии, семьи, политического и социального неравенства и индивидуальной личности. Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. - М.: ЕКСМО, Алгоритм, 2003. Религиозные эсхатологические движения тоже имели место во Французской революции. Заметим, что религиозные варианты эсхатологии сохранились дольше в России, чем в Европе. Миллионы христиан, особенно среди старообрядцев и сектантов, евреев и мусульман, твердо верили в предстоящий конец света и пришествие Спасителя. Однако только во времена массовых потрясений, особенно в Русской революции и гражданской войне, можно наблюдать определенное стремление верующих приблизить конец света. Приверженцы идеологической эсхатологии по всему политическому спектру часто сознательно хотели приблизить конец ненавистной системы.

30. Аверинцев И.И. Сатана. Мифы народов мира: Энциклопедия. 2 т. - М: Большая российская энциклопедия, 1998.
31. Pagels, Elaine. The origin of Satan. - New York: Random House, 1995. - P. xviii.
32. Там же. - P. 51
33. Там же. - P. 49
34. Schama. - P. 439, 475.
35. Для сведений о прошлом и настоящем положении французского языка, его местных диалектов и языков этнических меньшинств см.: Leclerc, Jacques. Histoire de la langue francaise. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/histlngfrn.htm>; France, Ministere de la Culture. Langue francais et langues de France. <http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France>.
36. Bell, David A. Lingua Populi, Lingua Dei: Language, Religion and the Origins of French Revolutionary Nationalism // The American Historical Review. - 1995. - Vol. 100. - Pp. 1403-1437, 1425-1430.
37. Там же. - P. 1419.
38. Там же. - P. 1420.
39. Barere de Vieuzac, Bertrand. Rapport du Comite de salut public sur les idiomes. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/barere-rapport.htm>
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Gregoire, Henri Jean-Baptiste. Rapport sur la necessite et les moyens d'aneantir les patois et d'universaliser la langue francaise. <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm>.
44. Там же.
45. Там же.
46. La Revolution francaise : la langue nationale (1789-1870). [http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_\(1789-1799\)_](http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_(1789-1799)_).
47. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. - М.: Яуза-пресс, 2013. - С. 50.
48. Как провозгласили Основные Государственные Законы, «русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». 23 апреля 1906 г. Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm>.

REFERENCES AND NOTES

1. Razmolodin M.L. Traktovka ponyatiya "russkosti" v chernosotennoj ideologii [Treatment of the concept of "Russianness" in Black Hundreds ideology]. Nauchnyj zhurnal KubGAU = Academic Journal of KubGAU. No. 62 (08), 2010. P. 2 (In Russian).
2. Religlaw: International Centre for Law and Religion Studies: Religious Freedom in France. <https://www.religlaw.org/index.php?pageId=22&contentId=862&blurId=26402> (In English and French).
3. In the parliamentary elections of 2017, new populist parties from across the political spectrum delivered crushing defeats to the establishment parties of Gaullists (Republicans) and Socialists. <http://www.parties-and-elections.eu/france.html> (In English).
4. Khalilov T.A. Aleksandr Shmeman: ideja sootnesennosti i pozicija radikal'nogo kontestatora [Alexander Schmemann: the Idea of Attribution and the Position of the Radical Contestator]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 2. Pp. 242-248. (In Russian).
5. Western literature on the complexities of collaboration and resistance in wartime France is extensive and deflates the myth about the general participation of the French in resistance movements. For example, Jackson, Julian. France: the dark years, 1940-1944. Oxford UK; New York: Oxford University Press, 2001. (In English) Contemporary France has rightist movements that reject the legacy of the French Revolution. The royalist movement Action Francaise (French Action), founded in 1899, is the oldest monarchist organization in Europe <https://www.actionfrancaise.net/> (In French) A more elitist hostile relationship toward the French Revolution and its values is taken by the «New Right», a network emerging in the 1960s of individuals, institutes, and circles. The main institute of the New Right is the Group for Research and Investigation in European Revolution. Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne <http://grece-fr.com/> (In French) The institute's director Alain de Benoist has his own network of admirers. Les amis de Alain de Benoist [The friends of Alain de Benoist] <http://www.alaindebenoist.com/> (In French).
6. Israel, Jonathan. Revolutionary ideas: an intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton NJ: Princeton University Press, 2014, p. 221. (In English). Israel's other works emphasize that the ideas of the Enlightenment played the key role in the formation of revolutionary mentalities among the educated classes. Israel, Jonathan. Radical enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650-1750. London; New York: Oxford University Press, 2001. (In English) Israel, Jonathan. Enlightenment contested: philosophy, modernity, and the emancipation of man, 1670-1752. London; New York: Oxford University Press, 2006. (In English) Israel, Jonathan. Democratic enlightenment: philosophy, revolution, and human rights 1750-1790. New York: Oxford University Press, 2011. (In English) In his latest work, Israel argued that the American Revolution (the war of independence) ignited a wave of revolutions in Europe, Latin America, and other parts of the world between 1775 and 1848. Israel, Jonathan. The expanding blaze: how the American Revolution ignited the world, 1775-1848. Princeton NJ: Princeton University Press, 2017 (In English).
7. Talmon, J.L. The origins of totalitarian democracy. London: Secker & Warburg, 1955. (In English)
8. Declaration of the Rights of Man, Article 3 (in English). http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp.
9. *The major works of Robert Palmer and Jacques Godechot about the age of the democratic revolution include:* Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799. [The great nation: the revolutionary expansion of France in the world, 1789-1799] 2e ed. Paris: Aubier Moutaigne, 1983. (In French). Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799). {The revolutions 1770-1799} Paris: Presses universitaires de France, 1970. (In French) Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Translated from the French by Salvator Attanasio. New York: H. Fertig, 1971. (In English) Palmer, R. R. The age of the democratic revolution; a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964. (In English) The comparative approach to studying the European revolutions of 1848-1849 has never generated controversy. See: Dowe D. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Translated by D. Higgins. New York: Berghahn Books, 2000. (In English); Rapport M. 1848: year of revolution. New York: Basic Books, 2009. (In English); Revolycii Революции 1848-1849 гггг. 2 тома. [The revolutions of 1848-1849, Two

- volumes] Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk, 1952. [In Russian]; Sperber J. The European revolutions, 1848-1851. New York: Cambridge University Press, 2005. [In English]
10. McPhee, Peter. Rethinking the French Revolution and the «Global Crisis» of the of the Late-Eighteenth Century. News and Papers from the George Rude Seminar. French History and Civilization, Vol. 6, 2015. Pp. 56-64, 64 (In English). <https://h-france.net/rude/wp-content/uploads/2017/08/McPheeVol6.pdf>.
 11. Sieyes, Emmanuel-Joseph. What is the Third Estate? (1789) (In English). <http://pages.uoregon.edu/dluebke/301ModernEurope/Sieyes3dEstate.pdf>
 12. Cochin, Augustin. Les societies de pensee et la democratie modern [The societies of thought and modern democracy]. P. 5 (In French)
 13. Vehi: sbornik statej o russoj intelligencii [Signposts: a collection of articles about the Russian intelligentsiya. Moscow, 1909 (In Russian). Available in electronic format: <http://www.vehi.net/vehi/>.
 14. Declaration of the Rights of Man, Preamble (in English). http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp.
 15. Schama, Simon. Citizens: a chronicle of the French Revolution. New York: Knopf, 1989 (In English). P. 423.
 16. Ibid. P. 439.
 17. Constitution de 1791, [Constitution of 1791], Preamble (In French). <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html>.
 18. The American historian D.M.G. Sutherland describes in great detail the mass anti-revolutionary and counter-revolutionary movements in the first years of the revolution. Sutherland, D.M.G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003. (In English).
 19. Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015 (In English). Pp. 432-434.
 20. Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. London: Little, Brown, 2005 (In English). P. 46.
 21. Ibid. P. 224.
 22. Khalilov T.A. Politicheskij porjadok i problema ideologii [Political Order and the Problem of Ideology]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 3. Pp. 247-256. (In Russian).
 23. Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. (In English). P. 224.
 24. Kaplan, Steven L. The Famine Plot Persuasion in Eighteenth-Century France. Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 72, No. 3 (1982). Pp. 1-79. (In English)
 25. Lefebvre, Georges. The Great Fear of 1789; rural panic in revolutionary France. Introd. by George Rudé. Translated from the French by Joan White. New York: Basic Books, 1973. (In English).
 26. Schama. P. 435 (In English).
 27. Sutherland. P. 159 (In English).
 28. Barruel's four-volume work about Jacobinism, published in 1797-1798 is available in electronic form. Barruel A.A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. Access Mode: <https://archive.org/search.php?query=barruel%20jacobinism>. (In English).
 29. Many eschatological texts from canonical and noncanonical Biblical books are available in electronic format. Russkaya apokrificheskaya studiia [Russian apocryphal studies]. <http://apokrif.fullweb.ru/>. (In Russian). Early Jewish Writings <http://www.earlyjewishwritings.com>. (In English). Early Christian Writings. <http://www.earlychristianwritings.com>. [In English]. Gnosis Society Library. <http://www.gnosis.org/library.html>. (In English). For information about the origin and development of eschatology, see: Cohn, Norman Rufus. The pursuit of the millennium: revolutionary millenarians and mystical anarchists of the Middle Ages. Rev. and expanded edition. New York: Oxford University Press, 1970 (In English) Collins, John Joseph, Bernard McGinn, and Stephen J. Stein. (eds.). The encyclopedia of apocalypticism. 3 vol. New York: Continuum, 1998 (In English) Goldish, Matt. (ed.). Millenarianism and messianism in early modern European culture. 4 vol.

- Dordrecht; Boston: Kluwer, 2001(In English); Pagels, Elaine. The origin of Satan. New York: Vintage Books, 1996. (In English). Marxist historians, including Soviet historians, described mass eschatological movements of the Middle Ages as anti-feudal movements in religious guise because the Church had sanctified the feudal order. See, for example: Kautsky, Karl. Communism in Central Europe at the time of the Reformation. 1897.
<https://www.marxists.org/archive/kautsky/1897/europe/index.htm>. (In English). The contemporary Russian nationalist Igor Shafarevich described these movements as forerunners of contemporary socialism because they supported the destruction of private property, religion, the family, political and social inequality, and the individual personality. Shafarevich, I.R. Socializm kak yavlenie mirovoj istorii. Moscow: ESKMO, Algoritm, 2003 (In Russian). Religious eschatological movements also took place during the French Revolution. Note that religious variations of eschatology lasted longer in Russia than in Europe. Millions of Christians, especially Old Believers and sectarians, Jews and Muslims firmly believed in the coming end of the world and the coming of a savior. However, only in times of mass upheavals, especially in the Russian Revolution and Civil War, can one observe the strivings of believers to speed up the end of the world. Adherents of ideological eschatology from the entire political spectrum often consciously wanted to speed up the end of a hateful system.
30. Averincev, I. I. Satana [Satan]. Mify narodov mira: encikplodiya [Myths of the peoples of the world: an encyclopedia. 2 volumes. Moscow: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossijskaya enciklopediya», 1998. (In Russian).
31. Pagels, Elaine. The origin of Satan. New York: Random House, 1995 (In English) P. xviii.
32. Ibid. P. 51.
33. Ibid. P. 49.
34. Schama. Pp. 439, 475.
35. For information about the past and present status of the French language, dialects of French, and languages of ethnic minorities, see: Leclerc, Jacques. Histoire de la langue francaise [History of the French Language] (In French); <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/histlngfrn.htm>; France, Ministere de la Culture. Langue francais et langues de France [France, Ministry of Culture. French language and languages of France]. (In French).
<http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France>.
36. Bell, David A. Lingua Populi, Lingua Dei [The Voice of the People, The Voice of God]: Language, Religion and the Origins of French Revolutionary Nationalism. The American Historical Review, Vol. 100 (Dec., 1995). Pp. 1403-1437, 1425-1430. (In English).
37. Ibid. P. 1419.
38. Ibid. P. 1420.
39. Barere de Vieuzac, Bertrand. Rapport du Comite de salut public sur les idiomes. [Report of the Committee of Public Safety on languages and idioms]. (In French).
<http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/barere-rapport.htm>.
40. Ibid.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. Gregoire, Henri Jean-Baptiste. Rapport sur la necessite et les moyens d'aneantir les patois et d'universaliser la langue francaise. [Report on the necessity and means to exterminate patois and to universalize the French language]. (In French)
<http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm>.
44. Ibid.
45. Ibid.
46. La Revolution francaise: la langue nationale (1789-1870) [The French Revolution: the national language (1789-1870)]. (In French).
[http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_\(1789-1799\).](http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_(1789-1799).)
47. Stepanov S.A. Chernaya sotnya: chto oni sdelali dlya velichiya Rossii [The Black Hundreds: what they did for the glorification of Russia]. Moscow: Yauza-Press, 2013. P. 50. (In Russian).
48. As the Fundamental State Laws proclaimed «The Russian language is the common state language and is obligatory in the army, fleet and all government and public establishments. The use of local languages and dialects is determined by special laws». 23 aprelya 1906 g. Vysochajshe utver-

zhdennye Osnovnye Gosudarstvennye Zakony [Fundamental State Laws approved by the Emperor, April 23 1906. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/apr1906.htm>. (In Russian).

Информация об авторе:

Рокки Тони, магистр исторических наук, магистр библиотековедения, научный сотрудник библиотеки, Справочная библиотека Торонто, г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

Получена: 03.07.2018

Для цитирования: Рокки Т. Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.13-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34.

Information about the author:

Tony Rocchi, Master of Arts (History), Master of Library and Information Science, Librarian, Toronto Reference Library, Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

Received: 03.07.2018

For citation: Rocchi T. Revolution from the right: the Russian black hundreds movement and its place in the history of european far right parties and movements. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 13-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-13-34. (in Russ)

***Фальсификация истории как угроза
национальной безопасности России***
Исторический и социологический аспекты

***Falsification of History as a Threat
to Russia's National Security***
Historical And Sociological Aspects

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-37-42

ГЕЛЯХОВА Лейла Абдуллаховна
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия
lel4993@rambler.ru

Leila A. GELYAKHOVA
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
lel4993@rambler.ru

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Margarita Kh. MASHEKUASHEVA
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

ИСТОРИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В РОССИИ

HISTORY OF FALSIFICATION OF MEDICINES IN RUSSIA

В представленной статье рассмотрена история возникновения и развития фальсификации лекарственных средств в российском государстве. На основе историко-правового анализа сформулирована периодизация основных этапов данного процесса, сделаны выводы об их существенных характеристиках. Важно отметить, что проблема фальсификации лекарственных средств появилась достаточно давно. Представляется возможным констатировать факт, что подделка лекарственных средств возникает одновременно с моментом появления лекарственных средств и их распространением в российском обществе и государстве. В рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть историю возникновения и развития фальсификации лекарственных средств в России, не ограничиваясь временными рамками создания современного государства. Под фальсификацией (от лат. *falsificare* - подделывать) принято понимать подделку, сознательное искажение, подмену (подлинного, настоящего) ложным [1]. Данное определение является наиболее полным с существенной точки зрения, целиком и полностью отражает содержание данного понятия и применяется во всех областях жизнедеятельности, вне зависимости от конкретного предмета фальсификации. Единственным важным дополнением является то, что фальсификация чего-либо чаще всего производится с корыстной целью материального обогащения.

In the presented article the history of origin and development of counterfeiting of medicines in the Russian state is considered. Based on the historical and legal analysis the periodization of the main stages of this process is formulated, conclusions are drawn about their essential characteristics. It is important to note that the problem of the falsification of medicines has appeared long ago. It seems possible to state the fact that counterfeiting of medicines occurs simultaneously with the appearance of medicines and their spread in Russian society and the state. As part of this study, it seems necessary to consider the history of the emergence and development of drug fraud in Russia, not limited to the time frame for the creation of a modern state. Under the falsification (from the Latin *falsificare* - to forge) it is customary to understand forgery, conscious distortion, substitution (genuine, present) for false [1]. This definition is the most complete from the substantive point of view, fully reflects the content of this concept and is used in all areas of life, regardless of the specific subject of falsification. The only important addition is that falsification of something is most often done with the mercenary goal of material enrichment.

Ключевые слова: фальсификация, лекарственные средства, история возникновения и развития, безопасность государства

Keywords: falsification, medicines, history of origin and development, state security

Система здравоохранения является ведущей для каждого государства. От уровня медицинского обслуживания, его доступности, эффективности лечения и качества лекарственных средств зависит здоровье каждого человека. Сложно представить себе развитое государство без динамично развивающейся системы здравоохранения, ведь здоровье является главной и фундаментальной потребностью любого общества.

За последнее столетие системы здравоохранения большинства стран мира достигли уровня продвинутого медицинского лечения. Безусловно, для отдельных регионов и государств все еще сохраняется проблема отсутствия должного медицинского обслужи-

вания, но это скорее частные вопросы, связанные с неравномерным техническим и научным прогрессом в мире. Другой глобальной проблемой для большинства государств в медицинской сфере является фальсификация лекарственных средств.

Первые упоминания о поддельных лекарствах в российском государстве появляются с конца XV в. Возникновение первых фальсифицированных лекарств именно в это время ученые связывают с появлением первых учреждений аптечного типа, так называемых зелейных лавок. Их деятельность заключалась в полной самостоятельности владельцев, которые на свое усмотрение изготавливали и реализовывали лекарственную продукцию, а в силу отсутствия государственного контроля в данной отрасли в то время, лекарственные средства не всегда обладали характеристиками положительного влияния на организм человека, скорее, наоборот, могли представлять для него угрозу [2, с. 30].

Главной проблемой рынка лекарственных средств XV-XVII вв. было отсутствие медицинских стандартов в данной отрасли. Все лекарственные средства являлись итогом так называемого народного производства, и большинство из них относилось к народным средствам медицины. Однако, по нашему мнению, целесообразно выделять в качестве момента возникновения поддельных лекарственных средств именно этот этап, так как уже в конце XV в. появился умышленный формат подмены или искажения лекарственных средств. Причины для данной деятельности были совершенно разные, начиная от отсутствия необходимых средств народной медицины и заканчивая их подделкой в целях получения денежных средств или намеренного оказания негативного влияния на здоровье отдельных личностей. Так, в указанную эпоху царской России некоторые владельцы вступали в сговор с врачами и за определенный процент от стоимости лекарственных средств направляли своих пациентов именно к ним.

Следующим этапом развития фальсификации лекарственных средств стал XVIII век, когда в российском государстве стали предприниматься попытки организации контроля над оборотом лекарственных средств. Так, например, в годы правления Петра I появились новые аптеки, созданные по европейским стандартам, которые занимались химическим анализом лекарств. Стоимость данных услуг была достаточно высока, в связи с чем данная функция проверки медикаментов и покупка их в подобных аптеках стала доступна далеко не каждому человеку. Однако в целом практика химического анализа медицинских препаратов положительно повлияла на развитие рынка лекарственных средств в российском государстве.

В XIX в. наблюдается усиление контроля качества продукции, продаваемой в лавках и аптеках. Однако в медицинской практике по-прежнему встречались ситуации умышленной подделки медицинских препаратов, в том числе вне зависимости от их назначения для внутреннего или наружного применения. Такое пренебрежение назначением препаратов вызвало целый ряд летальных исходов для пациентов, в связи с чем был принят Указ «Об отличии наружных лекарств от внутренних». Указанный акт содержал обязательное требование внешнего обозначения лекарственных препаратов, и средства для наружного применения с того момента должны были обязательно отмечаться ярлычками темного желтого цвета, которые теперь следовало не привязывать, а приклеивать к таре [3, с. 46].

С развитием фармацевтики развиваются формы и методы фальсификации лекарственных средств. К середине XIX в. в России распространяется подделка подлинности и количественного состава медицинских препаратов. Подлинность лекарственных препаратов фальсифицировалась за счет замены дорогостоящих средств растительного и животного происхождения (субстанций) на внешне схожие, но дешевые средства, которые, как правило, не оказывали должного медицинского эффекта в итоге. Количественный состав медицинских препаратов умышленно подделывали таким же образом, заменяя дорогие вещества на доступные аналоги, однако при фальсификации состава, а не препарата в целом некоторая доля концентрации дорогостоящего лекарственного средства все-таки присутствовала. Примерами таких способов подделки, являлись следующие:

- продажа смеси миндального с кокосовым или хлопковым маслом под видом деревянного масла;

- добавление дешевого скипидара в лимонное и бергамотовое масла, которые относились к дорогостоящим и закупались за рубежом;
- продажа вместо рыбьего жира суррогата, который создавался путем настаивания отходов рыбного производства на минеральном или кунжутном масле.

Конец XIX в. характеризуется тем, что аптеки стали приобретать в готовом виде у оптовых российских и зарубежных поставщиков все измельченные и порошкообразные вещества. В связи с этим стала активно развиваться фальсификация измельченных растительных порошков. По наблюдению «Фармацевтического журнала», чаще всего подделывали порошок ревеня [4, с. 21].

Дальнейшее развитие фармацевтического рынка характеризовалось появлением галеновых лабораторий и фармацевтических фабрик, что породило развитие новых форм и способов фальсификации лекарственных средств. К концу XIX в. в медицинской практике появляется подделка заводских лекарственных форм (галеновых препаратов). Актуальность развития указанных форм фальсификации была связана с тем, что в стране сохранялись аптекарские лавки, владельцы которых не были фармацевтами. Именно представители указанных учреждений, как правило, занимались изготовлением поддельных медицинских средств. В свете распространения фабричных лекарственных средств владельцы аптечных лавок, которые подделывали лекарства, продавали их с фабричными этикетками или создавали свои. Так, на фармацевтическом рынке появились изделия совершенно неизвестных лабораторий с явно подложными этикетками. Использование фабричных этикеток способствовало спросу на такие средства у покупателей, несмотря на несоответствие медицинских характеристик препаратов.

Активное развитие рынка фальсифицированных лекарственных средств стало причиной усиления государственного контроля в сфере производства медикаментов. Так, к началу XX в. в губернских городах стали создаваться контрольно-аналитические лаборатории. Данные учреждения занимались исследованием фармацевтических и химических препаратов, полученных от поставщиков, изучением образцов товаров, присланных различными фирмами, а также анализом лекарственного растительного сырья, растительных масел [5, с. 8]. Таким образом, к XX в. контрольная деятельность в сфере производства медикаментов стала распространяться на исследование не только препаратов в готовом виде, но и на изучение сырья, из которого они изготавливаются.

Анализ советской медицинской и фармацевтической практики позволяет сделать выводы о следующих основных причинах развития фальсификации лекарственных средств:

- 1) отсутствие нормативно-правовой базы фармацевтической деятельности;
- 2) отсутствие в законодательстве СССР понятия «фальсификация лекарственных средств»;
- 3) отсутствие юридической ответственности за фальсификацию.

Все эти пробелы в законодательстве СССР лишь усугубили обширную практику фальсификации лекарственных средств, и все контрольно-надзорные мероприятия в указанной сфере имели лишь временный результат.

С распадом СССР фармацевтическая промышленность, которая потеряла свою социальную направленность, стала ориентироваться на экономический аспект деятельности. При этом конкурировать с западными производителями отечественные фармацевты были не способны в силу целого ряда причин. Изготовление фальсифицированных лекарственных средств стало еще активнее развиваться в силу экономической выгоды данного процесса, что, естественно, не в лучшую сторону отразилось на качестве производимых препаратов.

Важно отметить, что впервые случай фальсификации лекарственного средства в Российской Федерации официально был выявлен в 1997 г. Многие правоведы именно с этого момента рассматривают историю возникновения фальсификации лекарственных средств в Российской Федерации. Однако, по нашему мнению, случаи фальсификации ле-

карственных средств имеют достаточно длительную историю и рассмотрение ее лишь с конца 1990-х годов лишает возможности комплексного исследования данного явления.

Несмотря на то, что в 1998 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О лекарственных средствах», проблема фальсификации лекарственных средств в нем не отражалась. Лишь в 2004 г. в указанный федеральный закон было введено понятие «фальсифицированное лекарственное средство», под которым понималось лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о составе и (или) производителе лекарственного средства [6]. Указанный федеральный закон утратил силу с 1 сентября 2010 г., однако данное понятие сохранило свое содержание и в действующем Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» [7].

По нашему мнению, закрепление понятия «фальсифицированное лекарственное средство» в законодательстве Российской Федерации является важным этапом развития борьбы с данным видом фальсификации. Следующим прогрессивным шагом современного этапа развития российского государства является введение с 2015 г. уголовной ответственности за следующие деяния:

- производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (ст. 235.1 УК РФ);
- обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ);
- подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.2 УК РФ) [8].

С 2015 г. также применяется административная ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, если эти действия не содержат признаков уголовного преступления [9].

В связи с глобализационными процессами, которые происходят в современном мире, важную роль приобретает международное сотрудничество. Одним из характерных особенностей современного этапа развития фальсификации лекарственных средств является масштабность данного деяния, которая охватывает весь мир. В связи с этим и борьба с фальсификацией лекарственных средств станет более эффективной лишь в случае активного международного сотрудничества государств.

В настоящее время большое внимание проблеме фальсификации лекарственных средств уделяют такие организации, как ООН, Совет Европы, Всемирная организация здравоохранения и др. Несмотря на различия в правовых механизмах воздействия на национальные правовые системы, международные акты, принятые в рамках деятельности указанных организаций, положительно влияют на правовую практику, в том числе и в Российской Федерации. Так, все изменения, касающиеся ответственности за фальсификацию лекарственных средств, внесенные в законодательство Российской Федерации, стали результатом участия Российской Федерации в реализации Конвенции Совета Европы «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения».

Таким образом, на основе историко-правового анализа можно выделить следующие основные этапы возникновения и развития фальсификации лекарственных средств в российском государстве:

1. Конец XV - конец XVII в. - возникновение фальсификации лекарственных средств, связанное с отсутствием медицинских стандартов в отношении содержания медицинских препаратов и государственного контроля в указанной сфере.
2. XVIII-XIX вв. - развитие форм и способов фальсификации лекарственных средств: распространение подделки подлинности и количественного состава

медицинских препаратов, появление подделки заводских лекарственных средств. Развитие фальсификации лекарственных средств в крупных масштабах стало причиной усиления государственного контроля за качеством аптечной продукции.

3. XX-XXI вв. - проблема фальсификации лекарственных средств достигла глобальных масштабов, в связи с чем появились международные акты в указанной сфере. В Российской Федерации было модернизировано законодательство, введено понятие «фальсифицированное лекарственное средство», регламентирована административная и уголовная ответственность.

Технический и научный прогресс способствует активному развитию различных сфер жизнедеятельности общества и государства, однако не всегда такое развитие носит лишь положительный характер. Активное развитие форм и способов фальсификации лекарственных средств также не прекращается, в связи с чем государствам необходимо адекватно и соразмерно реагировать на медицинскую и фармацевтическую практику. Борьба с фальсификацией лекарственных средств должна быть всегда приоритетным направлением государственной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. - М.: Инфра-М, 2003.
2. Фальсификация лекарственных средств в России / под ред. С.В. Максимова. - М.: Юрайт, 2008. - 119 с.
3. Панасюк Н.А. Фальсификация лекарственных препаратов: вчера, сегодня, завтра // Гражданин и право. - 2010. - № 3. - С. 45-51.
4. Гурьянова М.Н., Балахонова Е.Г. История фальсификации лекарств в Российском государстве // Фармация. - 2004. - № 2. - С. 21-22.
5. Нашатырный спирт заглушит любой запах ... фальсификация лекарств на рубеже веков // Вестник Московского городского научного общества терапевтов. - 2008. - № 3. - С. 7-8.
6. О лекарственных средствах: Федеральный закон от 22.06.1998 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // СЗ РФ. - 1998. - № 26. Ст. 3006; - 2009. - № 1. Ст. 17. (Документ утратил силу).
7. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 04.06.2018) // СЗ РФ. - 2010. - № 16. Ст. 1815; - 2018. - № 24. Ст. 3407.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. - 1996. - № 25. Ст. 2954; - 2018. - № 31. Ст. 4818.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). Ст. 1; - 2018. - № 32 (ч. 1). Ст. 5091.

REFERENCES

1. Bolshoi yuridicheskii slovar [Big legal dictionary.]. Moscow: Infra-M. A.Ya. Suharev, V.E. Krutskih, A.Ya. Suhareva. 2003. (In Russ.).
2. Falsifikaciya lekarstvennih sredstv v Rossii [Falsification of medicines in Russia]. Ed. by. S.V. Maksimova. Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2008. 119 p. (In Russ.).
3. Panasyuk N.A. Falsifikaciya lekarstvennih preparatov: vchera, segodnya, zavtra [Falsification of medicines: yesterday, today, tomorrow]. Grajdanim i pravo. 2010. No. 3. Pp. 45-51. (In Russ.).
4. Guryanova M.N., Balahonova E.G. Istoriya falsifikacii lekarstv v Rossiiskom gosudarstve [History of the falsification of medicines in the Russian state]. Farmaciya. 2004. No. 2. Pp. 21-22. (In Russ.).
5. Nashatirnyi spirt zaglushit lyuboi zapah ... falsifikaciya lekarstv na rubeje vekov [Ammonia alcohol will drown out any smell ... falsification of medicines at the turn of the century]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo nauchnogo obschestva terapevtov. 2008. No. 3. Pp. 7-8. (In Russ.).
6. lekarstvennih sredstvah [On medicinal products]. Federalnii zakon ot 22.06.1998 No. 86-FZ, red. ot 30.12.2008. SZ RF. 1998. No. 26. St. 3006; 2009. No 1. St. 17. (Dokument utratil silu). (In Russ.).
7. Ob obraschenii lekarstvennih sredstv [On the circulation of medicinal products]. Federalnii zakon ot 12.04.2010 No. 61-FZ, red. ot 04.06.2018. SZ RF. 2010. No. 16. St. 1815; 2018. No. 24. St. 3407. (In Russ.).

8. Ugolovniy kodeks Rossiiskoi Federacii ot 13.06.1996 No. 63-FZ, red. ot 29.07.2018 [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 29, 2013)]. SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954; 2018. No. 31. St. 4818. (In Russ.).
9. Kodeks Rossiiskoi Federacii ob administrativnih pravonarusheniyah ot 30.12.2001 No. 195-FZ, red. ot 03.08.2018 [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on August 3, 2018)]. SZ RF. 2002. No. 1. Ch. 1. St. 1; 2018. No. 32. Ch. I. St. 5091. (In Russ.).

Информация об авторах:

Геляхова Лейла Абдуллаховна, старший лейтенант полиции, кандидат юридических наук, преподаватель, кафедра организации правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
г. Нальчик, Россия
lel4993@rambler.ru

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Получена: 27.07.2018

Для цитирования: Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. История фальсификации лекарственных средств в России. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.37-42.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-37-42.

Information about the authors:

Leila A. Gelyakhova, Senior Police Lieutenant, Candidate of Law, Lecturer, Department of Organization of Law Enforcement, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia
lel4993@rambler.ru

Margarita Kh. Mashekuasheva, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of State and Civil Legal Disciplines, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

Received: 27.07.2018

For citation: Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. History of falsification of medicines in Russia. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 37-42.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-37-42. (in Russ)

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-43-51

ГОЛЯНДИН Николай Петрович
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия
Gnp2005@rambler.ru

Nikolai P. GOLYANDIN
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
Gnp2005@rambler.ru

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ,
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Margarita Kh. MASHEKUASHEVA
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ МИЛИЦИИ
КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ ПОСЛЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920-1923 гг.)**

**SOME QUESTIONS OF FALSIFICATION OF THE
HISTORY OF THE ORGANIZATION OF THE
KABARD AND BALKARIAN POLICE AFTER THE
CIVIL WAR (1920-1923)**

В статье на основе анализа архивных документов рассмотрены вопросы развития правоохранительных органов на Северном Кавказе после гражданской войны (1920-1923 гг.). Рассмотрены общие и специфические черты формирования милицмейских подразделений Кабарды и Балкарии, их структурное построение, организационное и материально-финансовое обеспечение, методы комплектования и формы решения вопросов по улучшению состояния оперативной обстановки в регионе. В 1932 г. Главное политическое управление, в состав которого входила милиция, издало приказ о создании двух школ в стране - одна из них при ОГПУ Северо-Кавказского края. Местом дислокации школы была избрана местность в пяти километрах от Нальчика (теперь она расположена в черте города). Приказ был подписан 9 мая 1932 г., и этот день является днем основания учебного заведения. Возглавил учебное заведение Б.Е. Григоритса. Комплектовалась школа из числа личного состава частей внутренних войск ОГПУ НКВД и органов милиции. О значении, которое придавалось новому учебному заведению, говорит тот факт, что школу в этот период дважды (в 1932 и 1935 гг.) посетили народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов и член правительства СССР А.А. Андреев. В 1933 г. школа была передана в ведение Управления рабоче-крестьянской милиции Северо-Кавказского края. С 1938 по 1952 г. школа подчинялась отделу уголовного розыска ГУРКМ НКВД СССР. Курсанты не только овладевали теоретическими знаниями и практическими навыками, но и помогали органам внутренних дел в служебной деятельности. За предвоенные годы ими было раскрыто более 100 преступлений. В 1942 г., когда фашистские захватчики подошли к городу, из курсантов и преподавателей школы был сформирован боевой отряд и направлен в Приэльбрусье для охраны горных перевалов. Его возглавляли преподаватели школы старшие лейтенанты Дмитрий Иванович Иванов и Владимир Николаевич Бобруль. В боях за Родину личный состав отряда почти полностью погиб. В 1944 г. старший лейтенант Дмитрий Иванович Иванов посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

The article examines the development of law enforcement agencies in the North Caucasus after the Civil War (1920-1923) on the basis of an analysis of archival documents. The general and specific features of the formation of the militia units of Kabarda and Balkaria, their structural structure, organizational and material and financial support, methods of manning and forms of solving issues to improve the state of the operational situation in the region are considered. In 1932, the Main Political Administration, which included the police, issued an order to create two schools in the country - one of them at the OGPU of the North Caucasus region. The place of dislocation of the school was chosen a place 5 kilometers from Nalchik (now it is located within the city). The order was signed on May 9, 1932, and this day is the day of the foundation of the educational institution. The educational institution was headed by B.E. Grigoritsa. The school was assembled from among the personnel of the internal troops of the OGPU NKVD and the police. The importance attached to the new school is evidenced by the fact that the school was visited twice this year (in 1932 and 1935) by the People's Commissar of Defense, K.E. Voroshilov and member of the government of the USSR A.A. Andreev. In 1933, the school was transferred to the Office of the Workers' and Peasants' Militia of the North Caucasus Territory. From 1938 to 1952 the school was subordinate to the Criminal Investigation Department of the GURKM of the USSR NKVD. Cadets not only mastered theoretical knowledge and practical skills, but also helped the internal affairs bodies in their official activities. Over the prewar years, they uncovered more than 100 crimes. In 1942, when the fascist invaders approached the city, a military detachment was formed from the cadets and teachers of the school and sent to the Elbrus region to guard the mountain passes. It was headed by the teachers of the school senior lieutenants Dmitry I. Ivanov and Vladimir N. Bobrul. In the battles for the homeland, the detachment's personnel almost completely died. In 1944, Senior Lieutenant Dmitry I. Ivanov was posthumously awarded the Order of the Red Star.

Ключевые слова: милиция, органы власти, Кабарда, Балкария, Терская область, Горская республика, борьба с бандитизмом, преступность

Keywords: militia, authorities, Kabarda, alkaria, Terek region, Mountain Republic, fight against banditry, crime

Весной 1920 г. на большей территории Северного Кавказа окончательно была восстановлена советская власть. Однако оставшиеся в пределах Терской области противники новой власти, надеясь на восстановление прежнего порядка, пытались всячески помешать деятельности советских органов власти. Скрываясь в неприступных горах и лесах Кабарды и Балкарии, они осуществляли нападения на селения, совершали массовые грабежи, угоны скота, убийства представителей власти и сочувствующих. В этой связи в регионе еще длительное время продолжались боевые действия по ликвидации многочисленных банд.

Летом 1920 г. в районе поселков Ташлы-Тала и Жемтала была ликвидирована банда около 100 человек. В сентябре 1920 г. - банда в 80 чел., 1 октября 1920 г. - банда в 200 чел., в декабре 1920 г. в лесах Балкарии - банда в 50 чел., в январе 1921 г. в районе станиц Александровской и Котляревской - отряд в 60 чел., в марте 1921 г. в Малой Кабарде - банда в 100 чел., в марте 1921 г. на Черной Речке - банда в 25 человек [11, л. 678-686].

В такой сложной обстановке выборные органы советской власти не могли обеспечить полную реализацию своих функций. В этой связи в регионе образовывались чрезвычайные временные органы государственного управления МО - революционные комитеты (ревкомы).

Нальчикский (Кабардино-Балкарский) окружной революционный комитет был создан 30 марта 1920 г. в составе двух отделов - военного и организационно-агитационного. Членами ревкома были избраны Б. Калмыков (председатель), З. Мидов (секретарь), Н. Катханов, Т. Аккаев и Х. Карашаев [26, с. 5].

В приказе Нальчикского окружного революционного комитета от 30 марта 1920 г. № 1 отмечалось, что с объявлением этого приказа верховная власть в Кабарде и Балкарии переходит в руки Окружного революционного комитета [2, л. 3].

На основе циркулярного письма ЦК РКП(б) от 21 января 1920 г. революционный комитет Терской области своим приказом № 7 от 18 апреля 1920 г. предложил всем окружным и местным ревкомам области немедленно приступить к формированию структурных подразделений милиции. При этом отмечалось, что народная милиция создается из испытанной «революционной части населения на общекрасноармейском положении» для борьбы с преступным, хулиганским и разбойным элементом [7, л. 16].

Решением окружного ревкома от 13 апреля 1920 г. в Кабарде и Балкарии вместо Главного штаба революционных войск Нальчикского округа создается Управление Нальчикской окружной народной милиции. Находящиеся в распоряжении командующего всеми объединенными шариатскими, кабардино-балкарскими и русскими войсками Нальчикского округа Н. Катханова красноармейцы стали называться милиционерами [9, л. 44].

5 июня 1920 г. председатель Нальчикского ревкома Б. Калмыков в интервью, данном сотруднику газеты «Коммунист», заявлял, что «во всех кабардинских селах и аулах есть революционные комитеты, при них находится народная милиция... население с большой любовью и уважением относится к Советской власти и в лице каждого советского человека видит как бы своего освободителя» [25].

Однако изучение архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что подобные заявления о повсеместном установлении советской власти в республике и ее признании всем населением являлись большей частью декларативными. Подтверждение этому можно найти в рапорте члена Нальчикского окружного исполкома Максидова, который сообщал, что 17 октября 1920 г. он совместно с председателем районного исполкома Мидовым и 10 милиционерами прибыл в село Тамбиево для установления советской власти. Около 8 часов вечера по отряду открылась ружейная стрельба, которая продолжалась в течение получаса. В результате перестрелки одного милиционера убили, а другого ранили. Ввиду ночного времени и малочисленности отряд отступил в сел. Касаево [15, с. 596].

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терека. В работе съезда участвовало более 500 делегатов, которые провозгласили создание Горской Автономной Советской Социалистической Республики. Согласно декрету ВЦИК РСФСР от 20 января 1921 г. в ее состав вошли шесть административных округов, в том числе Кабардинский и Балкарский, включавших в себя соответственно северную и южную часть бывшего Нальчикского округа [21].

В декабре 1920 г. в Кабардинском и Балкарском административных округах образуются окружные милиции. Кабардинскую окружную милицию возглавил Жираслан Гурфов, а Балкарскую - Келет Ульбашев.

Структура органов милиции Кабарды и Балкарии копировала предложенную центром штатную структуру и представляла собой многоуровневую систему: окружные отделы милиции; участковые отделы милиции; аульские, сельские, станичные отделения (пункты, посты) милиции [18, л. 14].

Общее управление деятельностью подразделений милиции на местах обеспечивало Главное управление милиции, входившее в структуру Наркомата внутренних дел Горской АССР. Функционально на Главное управление милиции Горской АССР возлагалось осуществление организационно-управленческой деятельности всех милицеских подразделений в регионе, подготовка, издание и доведение до низовых структур приказов и распоряжений, контроль и осуществление ревизионных проверок деятельности окружных органов милиции, а также штатное назначение комиссаров окружных, районных и участковых подразделений милиции.

Округа делились на районы или участки, в зависимости от количества жителей. Численность аульской, сельской и станичной милиции учреждалась в каждом населенном пункте и зависела от количества проживавшего на территории обслуживания населения. Низовые звенья милицеских подразделений в количестве 12-15 человек непосредственно подчинялись участковому комиссару.

25 августа 1921 г. приказом СНК Горской АССР было объявлено «Положение о милиции Горской АССР», которое с учетом национальных и религиозных особенности горских народов обеспечивало регламентацию основных функций, задач, организационно-управленческих и структурно-штатных вопросов построения органов милиции [16, л. 33].

Вместе с тем разработанные и утвержденные положения о милиции на местах практически не реализовывались, поскольку не доходили до исполнителей. Кроме того, в сообщении для Управления Центррозьска Горской АССР прямо указывалось на отсутствие стабильного и гибкого аппарата управления милицией, что «приводило к обострению и без того напряженной криминогенной обстановки в регионе» [10, л. 3].

Стремясь активизировать работу милиции по вопросам борьбы с преступностью, руководитель Главного управления милиции Горской АССР Головатов обратился к сотрудникам милиции с воззванием, отразившим состояние и проблемы деятельности правоохранительных органов республики того времени. В частности, им отмечалось, что главной опорой и реальной силой трудящегося народа и защиты его интересов станут пришедшие к ним уволенные красноармейцы. А пока для защиты трудового народа и его интересов «необходимо поднять до должной высоты свой уровень, для чего: принять все меры, приложить все силы, затратить всю энергию, а если нужно, то принести в жертву свои жизни на благо охраны» [13, л. 23].

В целях принятия мер по улучшению работы милиции и изменению состояния оперативной обстановки председателем Нальчикского окрисполкома по отделу внутреннего управления Казгери Максидовым 1 марта 1921 г. издается приказ, в описательной части которого отмечалось, что бездеятельность не только сельской власти, но и милиции позволяли безнаказанно творить грабежи и воровство не только ночью, но и среди белого дня. При этом констатировался факт присутствия «порочного элемента» в милиции и осуждалось индифферентное отношение к этому самого населения [1, л. 194].

Резюмируя вышеуказанные недостатки, приказ обязывал собрать в населенных пунктах полный сход всех граждан и потребовать выдачи всех преступников, находящихся в селении. В случае невыполнения предписаний предусматривались достаточно жесткие меры воздействия: направление в села «карательных отрядов для изъятия такого элемента», а члены исполкомов и сельских советов, как «злостные саботажники, укрыватели порочных и противники Советской власти», будут подвергнуты аресту и суду Ревтрибунала [1, л. 195].

Кроме того, начальнику окрмилии поручалось «профильтровать» состав окружной и сельской милиции, удалить из нее в кратчайший срок «весь подозрительный и порочный элемент», заменив убиравших новыми, честными гражданами из трудового народа, а исключенных из милиции лиц, «подразделив на две категории, передать: первых - в соответствующие команды для внесения в списки порочных, а вторых - для высылки в лагерь принудительных работ» [1, л. 195].

С выделением Кабарды 1 сентября 1921 г. в самостоятельную автономную область [22] Кабардинская окружная милиция выводилась из состава Горреспублики и непосредственно переподчинялась главмилиции РСФСР. В Кабардинскую областную милицию входили Баксанская, Нальчикская, Урванская и Мало-Кабардинская окружные милиции. В сентябре 1921 г. образован отдел внутреннего управления Кабардинского облисполкома. В ведении отдела находились: уголовный розыск, милиция, ЗАГС, комиссия по борьбе с аракотварением, управление мест заключения [8, л. 359].

Организация милиции в Балкарии проходила в еще более сложной обстановке, поскольку усугублялась ярко выраженной экономической и социальной отсталостью населения. Так, согласно докладной записке, направленной в Главмилицию РСФСР по результатам проверки Управления Балкарской милиции, все в ее деятельности было «организовано без соблюдения самых элементарных принципов строительства советской рабоче-крестьянской милиции, конструировано по указаниям исполкома... совершенно без всяких руководящих данных центральных милицетских властей, нет приказов, распоряжений, указаний, как повести работу. Тех несколько десятков экземпляров, попавших в Балкарскую милицию из Главмилиции Горреспублики, далеко не достаточно, чтобы ими парализовать все те ненормальности со стороны лиц, не понимающих в организации и важности милицетского аппарата ровно ничего» [2, л. 19].

При этом материальное снабжение милиции было весьма плачевным. Балкарская областная милиции обеспечивалась «жалкими остатками из Владикавказ», а в последние четыре месяца 1921 г. милиционеры в связи с реорганизацией вообще были без «денежного удовлетворения», что послужило поводом к дезертирству 75% всего личного состава [2, л. 19].

В результате констатировалось, что Балкарская милиция в 1921-1923 гг. представляла собой «не орган советской власти и твердую ее опору, а просто кучку людей без руководителя, который бы сумел устоять против тех беззаконий местной власти и организовать милицию на основании приказов и распоряжений об организации раб.-крест. милиции» [2, л. 20].

С октября 1921 г. неоднократно обсуждался вопрос о включении Балкарской милиции в состав облмилиции Кабардинской АО, но провести это в жизнь не удалось, так как «исполком, отдел Управления и Оргбюро Балкарии предписало не выполнять настоящее распоряжение о присоединении, основываясь на том, что до сих пор не сконструирован Областной Кабардино-Балкарский исполком и ввиду национальной вражды» [2, л. 20].

16 января 1922 г. путем объединения Кабардинской автономной области и Балкарского округа Горской АССР была образована Кабардино-Балкарская Автономная область, которая с 16 октября 1924 г. вошла в состав Северо-Кавказского края.

Но даже после этого, еще в течение почти года (с января 1922 г. по февраль 1923 г.) вопросы о соподчиненности милиций Кабарды и Балкарии не решались. Только приказ по

Отделу внутреннего управления Кабардино-Балкарской автономной области от 14 февраля 1923 г. № 8 внес ясность в этот вопрос. В его содержании определялось, что окружные милиции находятся в полном ведении окружных исполкомов, коим они подотчетны и подконтрольны, подчиняясь в то же время Начальнику областной милиции в вопросах административного, оперативного и хозяйственного характера. Окружные милиции должны исполнять все распоряжения своих окрисполкомов незамедлительно, ибо окрмилиции являются административно-боевой силой соответствующих окружных исполкомов [3, л. 126].

Достаточно сложно обстояли дела и с комплектованием милицейских подразделений. Несмотря на то, что законодательно служба в милиции осуществлялась на добровольных началах, на местах довольно часто принцип добровольности превращался из добровольного в принудительный.

Например, в Циркуляре Исполкома советов Кабардинского округа от 3 июня 1921 г., адресованного председателям исполкомов всех селений Кабардинского округа, предписывалось для поддержания революционного порядка в округе, а также для беспощадной борьбы с грабежами, воровством и бандитизмом, в целях охраны труда и жизни граждан округа «усилить кадр Окружной милиции, влив в ее ряды путем мобилизации, кроме существующего штата, еще 300 конных милиционеров в возрасте от 25 до 35 лет, которые разверстываются по всем селениям округа и г. Нальчику пропорционально числу мужского населения...». При этом в случае разрешения «недоразумений при практическом проведении циркуляра в жизнь» предлагалось:

1) Сельский исполком, по получении настоящего циркуляра, составляет список граждан селения в возрасте от 25 до 35, честных, безупречного поведения, безусловно преданных Советской власти, и между лицами, попавшими в этот список, устраивает жеребьевку. Лица, вынудившие жребий, поступают на службу в милицию.

2) Единственные работники в семье, а также лица, имеющие нетрудоспособных членов в семье, и лица, на иждивении которых находятся нетрудоспособные или престарелые родители, мобилизации ни в коем случае не подлежат.

3) Лошади, седла и прочее снаряжение для лиц, попавших по мобилизации на службу в милицию, даются последним обществом, причем стоимость этого взыскивается путем раскладки с состоятельных граждан селения, бедняки от такой раскладки, безусловно, освобождаются.

4) В случае, если в число попавших в милицию окажутся порочные лица, то вся ответственность, вытекающая из этого, ложится персонально на Предисполкома селения.

При невыполнении настоящего циркуляра в срок или неточном его исполнении Предисполкома будет предан суду Ревтрибунала» [14, л. 32].

Следует заметить, что жеребьевка как институт комплектования кадров сохранялся вплоть до сентября 1926 г. без изменений.

Согласно именному списку от 11 декабря 1922 г. всего в штатах милиции КБАО находилось 202 человека. Почетным милиционером (первым по списку) значился председатель Облсполкома КБАО Б. Калмыков. Руководство Управлением облмилиции осуществлял М.И. Ткаченко. В штате Управления милиции состояло 8 человек, в хозкоманде числилось 10 человек. Нальчикская окружная милиция под руководством Г.А. Пантюхина состояла из 22 человек. Баксанской окрмилицией, состоящей из 24 человек, руководил Б. Катханов. Урванская окрмилиция во главе с начальником Т. Моловым состояла также из 22 человек. Малокабардинской окрмилицией в составе 28 человек руководил А. Богатырев. Балкарская милиция под руководством И. Искендерова насчитывала 27 человек. В именном списке также значились 62 работника областной школы при Управлении облмилиции, которыми руководил А. Курочкин [19, л. 14].

Острая нехватка кадров приводила к тому, что, например, в Балкарскую милицию набирали милиционеров почти обманом, говоря им, что они будут служить только шесть

месяцев, покупая для них за колоссальные суммы лошадей, которые по истечении этих шести месяцев переходили в собственность милиционеров [2, л. 29].

Со стороны властных структур отмечалась практика назначения на руководящие посты представителей коренного населения «только лишь для того, чтобы назвать себя начальником... милиции» [2, л. 19].

Замещение руководящих должностей местной милиции осуществлялось лицами не по профессиональным, а по национальным критериям.

Все это осложняло создание и формирование профессионального ядра милиции, которое, в свою очередь, влияло на эффективность работы правоохранительных органов.

Следует отметить, что вопросы, касающиеся работы милиции, постоянно рассматривались на открытых и закрытых заседаниях облисполкома. Только с июня по ноябрь 1921 г. их было рассмотрено около полусотни [5, л. 1-3, 5, 9-15, 17, 19, 20, 46, 47, 52, 56, 122].

Однако решения часто противоречили друг другу, а в нередких случаях отменяли предшествующие. Например, протокол от 24 ноября 1921 г. объявлял о мобилизации в трехдневный срок 25% коммунистов в округе для укрепления милиции [6, л. 21], но уже на следующий день объявленная мобилизация отменялась [6, л. 22]. Причины не указывались, но, скорее всего, это было вызвано «чисткой», проводимой в сентябре - ноябре 1921 г. в соответствии с указанием ЦК. В этот период из членов партии по Кабардинскому автономному округу было исключено 153 человека, или четверть организации [4, л. 37].

Докладывая начальнику милиции РСФСР, руководители милиции КБАО сообщали, что «туземцы-милиционеры - неподходящий элемент для службы в милиции. Две трети из них не знают русского языка, понятия о строе и дисциплине не имеет никто из них... В боевом отношении милиционеры-туземцы очень слабы, исключая редких. Во всем полагаются на своих русских товарищей» [2, л. 19].

Можно предположить, что данное обстоятельство обусловило тот факт, что последующее формирование личного состава окружной милиции производилось за счет милиционеров из других регионов страны. Так, согласно приказу начальника Нальчикской окрмилиции от 2 марта 1922 г. № 61, в штаты Кабардинской Облмилиции зачислялись прибывшие 26 человек из Уфимской губмилиции. Аналогичны последующие приказы о принятии на службу в милицию прибывших из Пензы - 17 милиционеров, из Саратовской милиции - 15 чел., из Симбирской губмилиции - 25 чел., из Самарской губмилиции - 19 чел., из Царицинской губмилиции - 20 чел., из Екатеринбургской губмилиции - 20 человек [18, л. 173, 206, 209, 213, 225, 238].

Однако комплектование милиции профессиональными кадрами оставалось серьезной проблемой еще длительное время. После сокращения штатов в мае 1922 г., согласно Постановлению Президиума исполкома КАО от 15 мая 1922 г. № 12, в автономной области по округам штатная численность составила 43 милиционера в каждом [18, л. 267]. Областной резерв (включая комсостав и милиционеров) в августе 1922 г. составил 173 человека [18, л. 322].

Одним из выходов из создавшего положения, по мнению руководства НКВД, являлось развитие смешанной народной милиции, которая состояла из отрядов самообороны (самоохраны) и штатных милиционеров [17, л. 112].

Отряды самообороны непосредственно подчинялись милиции, на них распространялись приказы по милиции, налагались взыскания, например за отказ выходить на самооборону без уважительных причин, арестовывать и доставлять в участки, а также за нарушение правил постовой службы [17, л. 11]. Службу отряды самоохраны несли как совместно с милицией, так и самостоятельно.

Ниже приводятся сведения о количественном составе и вооруженности милиции и отрядов самоохраны по округам Кабардино-Балкарской автономной области за 1923 г., которые дают общее представление о боевой оснащенности милиции в рассматриваемый период.

По Урванскому округу: милиционеров - 95 чел.; самоохраны - 131 чел.; винтовок - 190; шашек - 15; ручной пулемет - 1 с 2000 патронов к нему; патронов - 1531 (по 8 шт. на винтовку).

По Балкарскому округу: милиционеров - 14 чел.; винтовок - 14; патронов - 250; шашек - 2; ручной пулемет - 1 с 135 патронами к нему. Самоохрана не выставлялась.

По Мало-Кабардинскому округу: милиционеров - 21 чел.; винтовок - 21; нов - 840; ручной пулемет «Люйс» и 180 патронов. Самооборона выставляется на ночь каждым селением в порядке очереди.

По Баксанскому округу: милиционеров - 20 чел.; винтовок - 20; патронов - 2000; шашек - 20; ручной пулемет - 1. Самооборона не выставлялась.

По Нальчикскому округу: милиционеров - 20 конных всадников; винтовок - 20; патронов - 1900; шашек - 2. Самоохраны нет.

По Прималкинскому округу: милиционеров - 15 конных всадников; винтовок - 15; патронов - 1500; шашек - 15; ручной пулемет «Люйс» - 1 и 6 дисков к нему.

По Нагорному округу: милиционеров нет; самоохрана (летучий отряд) - 10 чел.; винтовок - 10; сабель - 10; патронов - 500 [20, л. 16].

Однако высказанной в 30-х годах XX в. идее перехода к «милиционной системе» [24, с. 84-92], которая подразумевала ликвидацию штатных органов милиции, не суждено было претвориться в жизнь, несмотря на ее поддержку Совнаркомом РСФСР.

В связи с изменениями во внутривластной жизни страны ликвидация правоохранительных органов была нереальной. В эти годы значительно возросла роль государства по централизации государственной деятельности, что привело к формированию административно-командной системы, базировавшейся на репрессивных методах. В начале 30-х годов был издан ряд нормативных актов, законодательно оформивших эту централизацию в лице Народного комиссариата внутренних дел СССР [23], объединявшего в своем составе огромный аппарат принуждения. Компетенция НКВД охватывала охрану государственной безопасности, обеспечение общественного порядка, пограничную охрану. В структуре наркомата внутренних дел Главное управление милиции было наделено такой суммой полномочий, которая позволяла ему сосредоточить в своих руках все нити управления и исключала самостоятельность органов милиции в республиках, краях, областях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф.Р-393. Оп.28. Д.357.
2. ГА РФ. Ф.Р.-393. Оп.37. Д.178.
3. ГА РФ. Ф.Р.-393. Оп.46. Д.326.
4. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее - РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.3. Д.1304.
5. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.13. Д.281.
6. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.13. Д.383.
7. Управление центрального государственного архива Архивной службы Карабдино-Балкарской Республики (далее - УЦГА АС КБР). Ф.Р-3. Оп.1. Д.5.
8. УЦГА АС КБР. Ф.Р-3. Оп.1-4. Д.359.
9. УЦГА АС КБР. Ф.Р-3. Оп.2. Д.10.
10. УЦГА АС КБР. Ф.Р-3. Оп.2. Д.161.
11. УЦГА АС КБР. Ф.Р-3. Оп.3. Д.26.
12. УЦГА АС КБР. Ф.Р-73. Оп.1. Д.8.
13. УЦГА АС КБР. Ф.Р-124. Оп.1. Д.6.
14. УЦГА АС КБР. Ф.Р-201. Оп.1. Д.14. Т.1.
15. УЦГА АС КБР. Ф.Р-201. Оп.1. Д.14. Т.2.
16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания (далее - ЦГА РСО-А). Ф.81. Оп.1. Д.89.
17. ЦГА РСО-А. Ф.296. Оп.1. Д.1.

18. Архив МВД КБР. Книга приказов за 1921-1922 гг.
19. Архив МВД КБР. Ф.11. Оп.1. Д.45.
20. Архив УФСБ РФ по КБР. Ф.1. Оп.1. Д.14.
21. Об Автономной Горской Социалистической Советской Республике: декрет ВЦИК от 20 янв. 1921 г. // Собр. узаконений РСФСР. - 1921. - № 6. Ст. 41.
22. Об образовании Автономной области кабардинского народа. Декрет ВЦИК от 01.09.1921. - М.: ВВС РСФСР, 1940. - С.113-114.
23. Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел: постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. // Собр. законов СССР. - 1934. - № 36. Ст. 283.
24. Желудкова Т.И. Идеи и опыт ликвидации штатных органов милиции в конце 20-х - начале 30-х гг. // Профессиональные и общественные начала в деятельности органов внутренних дел: история и современность. Труды Академии МВД СССР. - М.: Акад. МВД СССР, 1990. - С. 84-92.
25. Коммунист. - 1920. 5 июня.
26. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии: Сб. док. и мат-лов. - Нальчик: КБНИИ, 1968. - С. 5.

REFERENCES

1. GA RF. F. R-393. Op. 28. D. 357. (In Russ.).
2. GA RF. F. R-393. Op. 37. D. 178. (In Russ.).
3. GA RF. F. R. - 393. Op. 46. D. 326. (In Russ.).
4. RTsKhIDNI. F. 17. Op.3. D. 1304. (In Russ.).
5. RTsKhIDNI. F. 17. Op. 13. D. 281. (In Russ.).
6. RTsKhIDNI. F. 17. Op. 13. D. 383. (In Russ.).
7. UTsGA AS KBR. F.R- 3. Op. 1. D. 5. (In Russ.).
8. UTsGA AS KBR. F. R-3. Op.1-4. D. 359. (In Russ.).
9. UTsGA AS KBR. F.R- 3. Op. 2. D. 10. (In Russ.).
10. UTsGA AS KBR. F. R-3. Op. 2. D. 161. (In Russ.).
11. UTsGA AS KBR. F. R-3. Op. 3. D. 26. (In Russ.).
12. UTsGA AS KBR. F. R - 73. Op. 1. D. 8. (In Russ.).
13. UTsGA AS KBR. F. R-124. Op. 1. D. 6. (In Russ.).
14. UTsGA AS KBR F. R - 201. Op. 1. D. 14. T. 1. (In Russ.).
15. UTsGA AS KBR. F.R- 201. Op. 1. D. 14. T. 2. (In Russ.).
16. TsGA RSO-A. F. 81. Op. 1. D. 89. (In Russ.).
17. TsGA RSO-A. F. 296. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
18. Arkh. MVD KBR. Kniga prikazov za 1921-1922 gg. (In Russ.).
19. Arkh. MVD KBR. F. 11. Op. 1 D. 45. (In Russ.).
20. Arkh. UFSB RF po KBR. F. 1. Op. 1. D 14. (In Russ.).
21. Ob Avtonomnoy Gorskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respublike: dekret VTsIK ot 20 yanv. 1921 g. [About the Autonomous Mountain Socialist Soviet Republic: the decree of the All-Russian Central Executive Committee of 20 January of 1921]. Sobr. uzakoneni RSFSR = Collected. legalization of the RSFSR. 1921. No. 6. St. 41. (In Russ.).
22. Ob obrazovanii Avtonomnoy oblasti kabardinskogo naroda. Dekret VTsIK ot 01.09.1921 [On the formation of the Autonomous Region of the Kabardian people. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01.09.1921]. Moscow: VVS RSFSR. 1940. Pp.113-114. (In Russ.).
23. Ob obrazovanii obshchesoyuznogo Narodnogo komissariata vnutrennikh del: postanovleniye TsIK SSSR ot 10 iyulya 1934 g. [On the formation of the all-Union People's Commissariat of Internal Affairs: a decree of the Central Executive Committee of the USSR of July 10, 1934]. Sobr. zakonov SSSR = Collect. laws of the USSR. 1934. No. 36. St. 283. (In Russ.).
24. Zheludkova T.I. Idei i opyt likvidatsii shtatnykh organov militsii v kontse 20-kh - nachale 30-kh gg. [Ideas and experience of liquidation of the regular police in the late 20's - early 30's]. Professionalnyye i obshchestvennyye nachala v deyatelnosti organov vnutrennikh del: istoriya i sovremennost. Trudy Akademii MVD SSSR = Professional and public principles in the activity of law enforcement bodies: history and modernity. Proceedings of the Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs. Moscow: Acad. Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1990. Pp. 84-92. (In Russ.).
25. Kommunist [The Communist]. 1920. 5th of June. (In Russ.).
26. Revolyutsionnyye komitety Kabardino-Balkarii: sb. dok. i materialov [Revolutionary committees of Kabardino-Balkaria: Collect. of doc. and materials]. Nalchik: KBNII. 1968. P. 5. (In Russ.).

Информация об авторах:

Голяндин Николай Петрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры специальных дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, г. Нальчик, Россия
Gnp2005@rambler.ru

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Получена: 27.06.2018

Для цитирования: Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х. Некоторые вопросы фальсификации истории организации милиции Кабарды и Балкарии после гражданской войны (1920-1923). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.43-51.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-43-51.

Information about the authors:

Nikolai P. Golyandin, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of Special Disciplines Department, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nalchik, Russia
Gnp2005@rambler.ru

Margarita Kh. Mashekuasheva, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of State and Civil Legal Disciplines, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

Received: 27.06.2018

For citation: Golyandin N.P., Mashekuasheva M.Kh. Some questions of falsification of the history of the organization of the Kabard and Balkarian police after the civil war (1920-1923). *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 43-51.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-43-51. (in Russ)

УДК 316.74; 930.85

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-52-58

ХАЧИДОГОВ Руслан Асланович
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия

Ruslan A. KHACHIDOGOV
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

**К ВОПРОСУ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И
РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА (КОНЕЦ XVIII - XIX вв.):
МИФОТВОРЧЕСТВО И ОБЪЕКТИВНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

**TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE
FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE
EDUCATION SYSTEM OF THE NORTH CAUCASUS
MUSLIM PEOPLES (THE END OF THE 18 - 19th
CENTURIES): MYTH-MAKING AND OBJECTIVE
REALITY**

В настоящей статье автором уделено внимание основным этапам становления и развития духовной и светской системы образования мусульманских народов Северного Кавказа в 80-е годы XVIII - конце XIX в., а также освещены особенности ведения просветительской политики государством в области образования мусульманских народов Северного Кавказа в указанный период. Особое внимание уделено выявлению новой фактической информации, способствующей большей объективизации истории данного вопроса. Социально-политическая и экономическая ситуация, в которой оказались центр и периферия в рассматриваемое время, послужила причиной достаточно серьезных изменений в системе образования. Решившись на быстрое приведение учебных заведений края в соответствие с едиными требованиями, имперская администрация решила отменить его особое положение. Наравне с успехами имелись и недостатки, в результате которых система управления на Северном Кавказе к началу XX столетия пришла в упадок, отразилось это и на образовании. Вся передовая общественность понимала, что необходимо реорганизовать школу, и тут появилось новое течение под названием джадидизм (общественно-политическое и просветительское движение среди мусульманских народов в Российском государстве), зародившееся на Кавказе в начале XX столетия.

Ключевые слова: исторические истоки, система образования, мусульманские школы, образовательная политика, государственная политика, фальсификация истории, мифотворчество, идеологический каркас

In this article, the author focuses on the main stages of the formation and development of the spiritual and secular education system of the North Caucasus Muslim peoples in the 80s. 18th - the end of 19th centuries, and also features of conducting educational policy by the state in the field of education of North Caucasus Muslim peoples in the specified period are elucidated. Particular attention is paid to the discovery of new factual information, which contributes to the greater objectification of the history of this issue. The socio-political and economic situation in which the center and the periphery turned out to be at the time under consideration has caused quite serious changes in the education system. Deciding to quickly bring the educational institutions of the province in line with uniform requirements, the imperial administration decided to abolish its special position. Along with successes, there were shortcomings, as a result of which the management system in the North Caucasus declined by the beginning of the 20th century, and this also affected education. All the progressive public understood that it was necessary to reorganize the school and then a new trend called Jadidism (socio-political and educational movement among the Muslim peoples in the Russian state) appeared in the Caucasus at the beginning of the 20th century.

Keywords: historical sources, education system, Muslim schools, educational policy, government policy, falsification of history, myth-making, ideological framework

В событийно-хронологическом ракурсе период с конца 80-х годов XVIII в. по XIX в. охватывает достаточно широкий темпоральный диапазон, нижней границей которого служит присоединение народов Северного Кавказа к Российской империи, и начало становления государственной политики во всех сферах жизнедеятельности автохтонов, в том числе в их национальном образовании. На протяжении всего столетия проводились мероприятия государства, связанные с формированием образовательной светской модели у горских народов.

Принятие государственности в регионе послужило началом формирования системы образования на государственном уровне. Однако освоение данного пространства в начале имперского правления сопровождалось активным применением военной силы. В этот период всеобщее просвещение горских народов не являлось основной задачей, однако и в

данный период наметились первые зачатки образования, представленные созданием аманатских школ и военных пансионатов.

Правительство попыталось пустить «ростки образования» в горский край посредством учреждения в крае средних учебных заведений в начале XIX столетия, когда был опубликован Указ от 24 января 1803 г. «Об открытии гимназий в каждом губернском городе». Но это распоряжение не было выполнено по многим причинам. Прежде всего, в городах Кавказского края (в ее православных областях) только-только стали появляться начальные и уездные училища, на которые не находилось достаточных средств финансирования. Да и губернаторы не сумели доказать учебному ведомству чрезвычайную важность принятого решения. Поэтому дело открытия гимназий откладывалось. А открывающиеся средние школы в крупных центрах Кавказа: Екатеринодаре, Екатеринограде и Георгиевске (если не считать учреждения уездных училищ в Ставрополе (1811), Георгиевске (1818), Кизляре и Моздоке (1820) - не привели к ожидаемому результату. Они попросту не пользовались авторитетом у местного населения. Эти школы учреждались православным ведомством исключительно в православных городах и казачьих станицах для просвещения новых подданных империи. Если какая-то образовательная политика и имела место, то она связывалась с христианизацией коренных народов, не затрагивая образовательный уровень мусульман, которые продолжали обходиться имевшейся у них традиционной системой образования.

Устройство упорядоченной образовательной политики началось с создания в 1840 г. Кавказского комитета и особой комиссии, которой поручалась разработка проекта реформирования учебной части в крае. Главной целью нарождающейся просветительской политики в одном из периферийных районов империи становится стремление мирными средствами ознакомить только что присоединенные этносы к правилам и нормам российской государственности. В этом плане отметим, что главным принципом новоиспеченной образовательной политики стал сословный ценз.

Таким образом, к середине 1840-х годов вся сеть образовательных учреждений (помимо духовных школ) состояла из одной гимназии (Ставропольской) и 21 начальной школы (из которых только пять находились в мусульманских районах). Всего в них обучалось 1 207 детей [1].

Что касается начальных училищ края, то они работали по программам, адекватным всем училищам империи. Эти учебные заведения размещались в специальных помещениях. При каждой школе имелась библиотека. Училища содержались на счет казачьих войск и государственного казначейства.

Новое «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г., принимавшееся уже при активном участии новой кавказской администрации и Кавказского комитета, где были сильны позиции централистов, ничего не изменило в статусе мусульманских школ [2].

Власти полагали: чтобы краевая система образования, в том числе и у мусульманских народов, могла успешно функционировать, ей необходимо было количественно расширяться и качественно изменяться. Для этого были проведены следующие усовершенствования:

- включение в гимназический курс изучения местных и латинского языков;
- увеличение срока обучения (он составил 8 лет);
- открытие в Ставропольской гимназии специальных классов, подготавливающих к поступлению в университеты;
- учреждение религиозных учебных заведений - мектебы и медресе (под опекой правительственных органов);
- создание полковых и горских школ, казенных уездных и мусульманских училищ;
- учреждение специальных классов для подготовки учителей;
- приведение в соответствие с общероссийским гимназическим образованием;
- принятие дифференцированного подхода к обучению детей в зависимости от их социального статуса [3].

С окончанием Кавказской войны задачами государственной политики становится адаптация кавказских народов, укрепление в крае российского законодательства, формирование местной администрации на базе коренного населения. Вместе с тем улучшается работа по созданию социальной инфраструктуры и системы образования и подготовки среди горцев просвещенной прослойки. Разрозненные прежде образовательные учреждения объединяются в определенную систему, что дает основание нам предположить, что российское правительство начинает внедрять государственность с учетом изменения своих политических амбиций.

Теперь империя была озабочена скорейшим включением Северного Кавказа в свою структуру. В выполнении поставленной задачи развитию образования придавалось огромное значение. Оно уже осознавалось одним из самых действенных инструментов для поэтапной ликвидации этнических и конфессиональных различий, для унификации края с общероссийским государственным строем [4]. Именно этими факторами объясняется усиление процессов слияния образовательных учреждений края с государственным стандартом, в результате которого в июле 1860 г. произошла реорганизация Кавказского округа. Однако вся имеющаяся инфраструктура, дифференциация по разрядам и внутренняя структура всех видов учебных заведений остались без изменений. Только все управленческие обязанности и полномочия передавались от попечителя и наместнику.

Опрометчивость такого решения не заставила себя долго ждать: географическая распыленность директорий, децентрализация некоторых административных обязанностей и полномочий локальных руководителей привели к развалу только начавшей налаживаться системы. Местные власти, порой не имеющие понятий о специфике просветительской сферы и не имеющие познания в этой области, стали принимать решения, взаимоисключающие друг друга, что зачастую приводило к путанице.

Видя такой сумбур, новый наместник великий князь Михаил Николаевич начал работу в крае с его коренного реформирования, в том числе и в области народного образования. Изучая итоги неудавшегося управленческого эксперимента своего предшественника, Кавказский наместник отмечал: «С уничтожением должности попечителя учебного округа, наместник лишился непосредственно от него зависящего ответственного и специально знакомого с делом руководителя народным образованием в крае; начальники губерний и областей, обремененные многосложными трудами по прямым и важнейшим обязанностям своим, мало или совсем незнакомые с педагогическими вопросами, не могли посвятить в совокупности столько времени на надзор за ходом и преуспеванием учебных заведений, сколько мог посвятить попечитель округа, исключительно этим занятым» [5].

Он подписал указ, по которому наместнику позволялось принимать в крае циркуляры только в том случае, если они касались специфики Кавказа, способствовали его расцвету. Этим документом Михаил Николаевич стремился как можно теснее унифицировать периферию и центр.

Вскоре с его легкой руки продолжилось увеличение образовательного конгломерата. В крае стали учреждаться женские учебные заведения различных типов (низшие школы, прогимназии, гимназии). Появлялись педагогические училища. Разнообразные городские общества на свои средства основывали училища. Проводилось реформирование в структуре уже функционирующих учебных заведений: Ставропольская гимназия преобразовывалась в классическую гимназию, Пятигорское уездное училище было заменено классической прогимназией, двухклассные уездные училища в Нальчике и Дербенте преобразованы в трехклассные и т.д.

Следующим законодательным шагом в области образования мусульманских народов стал Указ от 20 ноября 1874 г., который подчинял мектебы и медресе учебному ведомству. Надзор за ними ставился в обязанность инспекторам народных училищ, которые обязались склонять иноверцев к обустройству на собственные средства общины классов русского языка с последующим содержанием в них учителя.

Как видим, на первый план выходит не решение проблемы «магометанского» образования, а его русификация, которая в крае приняла наиболее уродливые формы, чем в

целом по стране, так как русификация вводилась ущерб родным языкам. Такое преобразование вызвало в народной среде мусульман волнения и недовольство, и вскоре Министерство народного образования отозвало свой указ и запретило обучать русскому языку в ущерб природным диалектам.

Российские чиновники прекрасно осознавали факт сильнейшего влияния исламского образования, понимали, что русские школы не смогут конкурировать с существующей системой, связанной с религиозными мотивами и предубеждениями горцев. И потому ничего лучшего они не могли придумать, как вытеснить искусственным способом арабский язык обучением на языках горских народов.

Основу такого шага блестяще прокомментировал П.К. Услар, говоря: «Если проводником для чуждой цивилизации (мусульманской) послужил чуждый язык (арабский), то языком народным всего удобнее противодействовать ей. Наконец, нетрудно управлять умами там, где народ только слегка подвергся какой-либо самой по себе слабой цивилизации (действие горской цивилизации на горцев под русским контролем) или цивилизации, нам не враждебной (немусульманской)» [6].

Однако исламское духовенство воспротивилось этому новшеству и предприняло попытки противодействия распространению в народе грамоты, угрожая карами Аллаха. Известно по многим архивным материалам, что к горцам, которые получили образование в русских школах, мусульмане ощущали, по меньшей мере, предубеждение, а иногда и недоверие [7].

Впоследствии все учебные заведения, функционирующие в мусульманских районах, власти поделили на два разряда. В первый - включили «верно организованные школы различных типов с преподаванием в них русского языка». Во второй - внесли учебные заведения при мечетях и синагогах, воспитательно-образовательная роль которых оставалась под сомнением. Но все же, несмотря на такую государственную политику в области образования нерусских народов, численность мусульманских школ в Северокавказском крае стала заметно увеличиваться.

С конца XIX в. началась радикальная модернизация хозяйственного и культурного уклада горских народов. Мануфактурное кустарное ремесло постепенно стало уступать место высоким капиталистическим техникам. Эта новая модель хозяйствования стала нуждаться в высокопрофессиональных специалистах. Востребованными оказались рабочие профессии, что наложило отпечаток на дальнейшее развитие образования на Кавказе, и процесс образования, таким образом, становится значительным фактором и известным импульсом дальнейшего формирования социальной общественной структуры.

Социально-политическая и экономическая ситуация, в которой оказались центр и периферия в рассматриваемое время, послужила причиной достаточно серьезных изменений в системе образования. Решившись на быстрое приведение учебных заведений края в соответствие с едиными требованиями, имперская администрация решила отменить его особое положение. В связи с этим с ноября 1873 г. вводится циркуляр по использованию в учебных учреждениях Кавказского учебного округа единых училищных правил Министерства народного просвещения. С этой поры вся деятельность начальников образования Закавказья и Кавказа стали регулироваться указами Министерства, а внутренний режим учебных заведений - подчиняться общим законодательным актам государства.

В контексте этого реформирования были проведены следующие важные преобразования:

- утверждение устава Закавказской семинарии для учителей;
- развитие сети школ низшего и начального порядка;
- собирание общественных средств руководителями областей для учреждения школ;
- активизация благотворительности высших чинов и состоятельных граждан, основывающих на свои сбережения школы.

В результате всех этих мероприятий за десятилетие (с 1860 по 1870 г.) число учеников на всем Кавказе возросло в три раза и составило 68 тыс. человек [8].

Эти данные подтверждены начальником Кабардинского округа, который докладывал своему начальству в октябре 1870 г. о том, что во вверенном ему округе «нет организованных школ». По данным Кавказского учебного округа, одна правительственная школа [9] приходилась на 5636 жителей, а мусульманская школа - на 1310 душ. В 1875 г. в одной только Терской области существовало 137 мечетских школ, а светских - 108 [10]. По Кавказскому учебному округу к 1878 г. насчитывалось 438 церковно-приходских школ, а школ мусульманского вероисповедания - 1557 [11].

Но количественный рост не сопровождался ростом качества образования. Например, число выпускников мужских гимназий ежегодно составляло 30-40 человек, но продолжить образование из-за низких знаний могли только единицы. Таким образом, гимназии не справлялись со своей основной задачей - готовить ребят к поступлению в институты.

Цель образования, заключавшаяся в увеличении общего интеллектуального уровня населения, формировании национальной интеллигенции, подготовке кадров для развития социально-экономической ситуации, не получила своего разрешения.

Это произошло потому, что с начала 80-х годов XIX столетия образование перестало восприниматься как главное средство решения политических задач. После отмены в 1881 г. наместничества страна фактически устранилась от решения актуальных проблем образования, а общество оказалось не в состоянии взвалить на свои плечи содержание учебных заведений, так как в крае только-только начали зарождаться капиталистические отношения.

Перемена государственной политики в 80-х годах привела к изменениям и в образовательной сфере, которая переставала являться техникой привлечения горцев, их привыкания к российской государственности. Преобразовался и подход к национальному образованию.

В этот период в различных образовательных заведениях обучалось 8248 человек, что было на 4020 больше, чем в 80-е годы. Произошло некоторое увеличение детей из сельских и городских сословий [12]. Как свидетельствует перепись населения 1897 года, грамотность в Ставропольской губернии, включая и горцев-мусульман, составила 16,7%, а в Терской области - 12,7% [13].

Порядок финансирования образовательных заведений остался прежним, однако значительно уменьшились ассигнования из государственного казначейства в сегмент среднего образования, горских школ и городских училищ. Произошло увеличение финансовых вложений в систему начального образования из-за формирования земских обществ, которые выплачивали земские сборы [14].

Материально-техническая база учебных заведений округа оставалась достаточно слабой, в среднем только 64% школ имели свои помещения, остальные арендовали. Особенно напряженная обстановка со школьными зданиями сложилась в мусульманских областях Кавказа: из 40 кабардинских школ 28 размещались в однокомнатных помещениях, около 70% адыгейских, 64% чеченских и 72% дагестанских школьных зданий вообще не имели приспособленных для занятий помещений. Власти отпускали им на материальные затраты мизерные средства [15].

Как видим, наравне с успехами имелись и недостатки, в результате которых система управления на Северном Кавказе к началу XX столетия пришла в упадок, отразилось это и на образовании. Вся передовая общественность понимала, что необходимо реорганизовать школу, и тут появилось новое течение под названием джадидизм. Сама терминология слова «джадидизм» относится к арабскому языку (جدید jadīd - «новый», араб. جدید دیة jadīdiyya - «обновленчество») и означает общественно-политическое и просветительское движение среди мусульманских народов в Российском государстве. На Кавказе оно появилось в начале XX столетия, поэтому хронологически мы его не рассматриваем, делая основной акцент на специфике системы мусульманского образования и, таким образом, перехода от теоретизирования к практическому анализу [16; 17].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII - начало XX в.): Сборник материалов / сост. Д.Ю. Арапов. - М.: Наталис, 2006. - С. 23.
2. Блейх Н.О. Система просветизма Северного Кавказа конца XIX - начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2016. - № 3(191). - С. 17-20. DOI 10.18522/0321-3056-2016-3-17-20.
3. Журнал Министерства Народного Просвещения. - 1869. Ч. 146. - С. 131.
4. Карданов Р.Р., Шхагапсоева М. Х. Понимание нормы права в национальном законодательстве и международном праве. Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. № 6-1. - С. 142-145. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-142-145
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.400 - Главный штаб. Ф.846 - Военно-ученый архив. Д.234. Л.56.
6. Услар П. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Т. III. Отд. 4.
7. Национальный архив Грузии (НАГ). Ф.229. - Канцелярия наместника на Кавказе по военному народному управлению. 1883-1908 гг. Оп.1. Д.1078; Оп.2, Д. 705, 903, 2090, 2306; Д.1001. Л.44-46.
8. Журнал Министерства народного просвещения. - СПб., 1877. - С. 34.
9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСО-А). Ф.12. Оп.5. Д.125. Л.111.
10. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1876 год. - Тифлис, 1877. - С. 16-20.
11. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. - Тифлис, 1877. - С. 121.
12. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1897 год. - Тифлис, 1897. - С. 108-111, 510-511.
13. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА РФ). Ф.1290. Оп.11. Д.2373. Л.8-10.
14. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугая о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. № 6-2. - С. 355.
15. Циркулярные положения Попечителя Кавказского учебного округа, начальника учебных заведений «О фундаментальных библиотеках». - Тифлис. - 1874. - № 210. - С. 87.
16. Машекуашева М.Х. Размышления об организации и методах исследования смысловой регуляции в обучении // Научно-методический электронный журнал цепт. - 2013. - № 4. - С. 291-295.
17. Машекуашева М.Х., Абакумова И.В., Лукьяненко М.А. Технологические особенности становления интегральной смысловой ориентации личности в учебном процессе // Северо-Кавказский психологический вестник. - 2004. - № 1. - С. 158.

REFERENCES

1. 1 Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konets XVIII - nachalo XX v. [Imperial Russia and the Muslim world (late XVIII - early XX century.)]: Proceedings. Comp. D.Yu. Arapov. Moscow: Natalis, 2006. P. 23. (In Russ.).
2. Bleikh N.O. Sistema prosvetizma Severnogo Kavkaza kontsa XIX - nachala XX veka. [The system of prosvetism in the North Caucasus at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century]. Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. North-Caucasian region. Social Sciences. 2016. No. 3 (191). Pp. 17-20. DOI: 10.18522 / 0321-3056-2016-3-17-20. (In Russ.).
3. Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya. [Journal of the Ministry of National Education]. 1869. Part 146. P. 131. (In Russ.).
4. Kardanov, R.R., Shkhagapsoeva M.Kh. Ponimanie normy prava v natsional'nom zakonodatel'stve i mezhdunarodnom prave. [Understanding of rule of law in national legislation and international law]. Historical and Social-Educational Idea. 2016. Vol. 8. No. 6-1. Pp. 142-145. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-142-145. (In Russ.).
5. RGVIA F.400 - Glavnyj shtab. F.846 - Voennyj arkhiv. D. 234. L. 56. [RGVIA F.400 - General Staff. Ф.846 - Military-scientific archive. D. 234. L. 56]. (In Russ.).
6. Uslar P. O rasprostraneni gramotnosti mezhdu gortsami [On the distribution of literacy between the mountaineers]. SSKG. T. III. Otd. 4. (In Russ.).

7. Natsional'nyj arkhiv Gruzii (NAG). F. 229. - Kantselyariya namestnika na Kavkaze po voenno-narodnomu upravleniyu. 1883-1908 gg. op. 1, d. 1078; op. 2, d. 705, d. 903, d. 2090, d. 2306; d. 1001. L. 44-46 [National Archives of Georgia (NAG). F. 229. Office of the governor in the Caucasus for military-public administration. 1883-1908 op. 1, d. 1078; op. 2, d. 705, d. 903, d. 2090, d. 2306; etc. 1001. Ll. 44-46]. (In Russ.).
8. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Education]. St. Petersburg. 1877. P. 34. (In Russ.).
9. TsGA RSO-A. F. 12. Op. 5. D. 125. L. 111 [TSGA RSO-A. F. 12. Op. 5. D. 125. L. 111]. (In Russ.).
10. Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenij za 1876 god [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the status of educational institutions for 1876]. Tiflis. 1877. Pp. 16-20. (In Russ.).
11. Report of the trustee of the Caucasian educational district on the status of educational institutions for 1878 [Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenij za 1878 god]. Tiflis. 1877. P. 121. (In Russ.).
12. Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenij za 1897 god [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the status of educational institutions for 1897]. Tiflis, 1897. Pp. 108-111, 510-511. (In Russ.).
13. TsGIA of the Russian Federation. F. 1290. Op. 11. D. 2373. L. 8-10 [TSGIA RF. F. 1290. Op. 11. D. 2373. L. 8-10]. (In Russ.).
14. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 6-2. Pp. 355. (In Russ.).
15. Tsirkulyarnye polozheniya Popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga nachal'nika uchebnykh zavedenij «O fundamental'nykh bibliotekakh» [Circular provisions of the Trustee of the Caucasian Academic District of the Chief of Educational Institutions "On Fundamental Libraries"]. Tiflis. 1874. No. 210. P. 87. (In Russ.).
16. Mashekuasheva M.H. Razmyshleniya ob organizatsii i metodakh issledovaniya smyslovoj regul'yatsii v obuchenii. [Reflections on the organization and methods of investigating the semantic regulation in teaching]. Scientific and methodical electronic journal Concept. 2013. No. 4. Pp. 291-295. (In Russ.).
17. Mashekuasheva M.H., Abakumova I.V., Lukyanenko M.A. Tekhnologicheskie osobennosti stanovleniya integral'noj smyslovoj orientatsii lichnosti v uchebnom protsesse [Technological features of the formation of the integral semantic orientation of the individual in the learning process]. North Caucasian Psychological Herald. 2004. № 1. P. 158. (In Russ.).

Информация об авторе:

Хачидогов Руслан Асланович, старший преподаватель, кафедра огневой подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, г. Нальчик, Россия

Получена: 23.06.2018

Для цитирования: Хачидогов Р.А. К вопросу истории становления и развития системы образования мусульманских народов Северного Кавказа (конец XVIII - XIX вв.): мифотворчество и объективная реальность. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.52-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-52-58.

Information about the author:

Ruslan A. Khachidogov, Senior Lecturer, Fire Training Department, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nalchik, Russia

Received: 23.06.2018

For citation: Khachidogov R.A. To the question of the history of the formation and development of the education system of the North Caucasus muslim peoples (the end of the 18 - 19th centuries): myth-making and objective reality. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 52-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-52-58. (in Russ)

УДК 316.75; 659.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-59-64

ШАМАЕВ Артур Мурадинович
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия

Artur M. SHAMAEV
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

**ЛОЖНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
ФАКТОВ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**FALSE INTERPRETATION OF HISTORICAL FACTS
AS A THREAT TO THE RUSSIAN NATIONAL
SECURITY**

В условиях сложной геополитической обстановки в последнее время наблюдается активизация русофобской агитации, в том числе с использованием киберпространства путем фальсификации или ложного интерпретирования исторических событий путем принижения роли России в мировой истории либо представления ее с негативной стороны. Этот прием не нов и использовался с давних времен для формирования в обществе симпатии либо антипатии к различным персонам, странам или явлениям. Способы фальсификации различны: от ложной интерпретации исторически значимых событий до выдергивания исторических фактов из контекста и выстраивания логической (фактически несуществующей) цепочки между ними. Целью таких действий является желание дестабилизировать ситуацию в государстве посредством пропаганды экстремистских и сепаратистских идей, что является явной угрозой национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации и требует срочного принятия эффективных контрмер.

In the context of a complex geopolitical situation, recently there has been an intensification of Russophobic agitation, including the use of cyberspace through falsification or false interpretation of historical events by belittling the role of Russia in world history or its representation from the negative side. This technique is not new and has been used for a long time to form in society sympathy or antipathy to different persons, countries or phenomena. The methods of falsification are different: from a false interpretation of historically significant events to pulling historical facts out of context and building a logical (virtually non-existent) chain between them. The purpose of such actions is the desire to destabilize the situation in the state by promoting extremist and separatist ideas, which is a clear threat to the national security and territorial integrity of the Russian Federation and requires the urgent adoption of effective countermeasures.

Ключевые слова: фальсификация, ложное интерпретирование, история, исторические факты, события, национальная безопасность, экстремизм, сепаратизм

Keyword: falsification, misinterpretation, history, historical facts, events, national security, extremism, separatism

В последнее время нередко в средствах массовой информации анонсируется идея опубликования единого учебника истории для учебных заведений. Эта идея принадлежит главе нашего государства, который на заседании Совета по межнациональным отношениям в феврале 2013 г. высказал мнение о том, что необходимо исключить двойственные толкования исторических событий. Им было указано на целесообразность выработки «единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» [1]. Мнения по данному вопросу разделились, однако большинство историков признали разумность данной идеи. В настоящее время количество изданий учебной литературы практически неконтролируемо, и если большая часть из них по факту является переизданием советских «заидеологизированных» книг, то другая, менее значительная, их часть характеризуется неоднозначным толкованием спорных эпизодов российской истории.

Следует отметить, что нередко имели место случаи интерпретации исторических фактов в угоду идеологическим установкам той или иной эпохи. Подтверждением этого являются и учебники истории, изданные в советское время, в которых явно прослеживаются пропагандистские установки коммунистического строя.

В истории Российского государства имеются десятки событий, единого мнения в интерпретации которых не удастся добиться до сих пор. При этом первоочередной задачей является искоренение умышленного искажения таких фактов. Необходимо признать, что посредством преподнесения различных исторических фактов под удобным углом можно воспитать «зомбированное» поколение, в том числе с националистическими и

экстремистскими взглядами. Именно это сейчас наблюдается на Украине, где, не без помощи новых учебников истории, в умы молодого поколения вбивается идея многовековой агрессии со стороны России по отношению к украинскому народу.

В советский период трактовка различных исторических событий осуществлялась с учетом господствовавшей в тот период государственно-партийной идеологии. Так, нередко февральская революция 1917 г. обозначалась не самостоятельным событием, а лишь заранее спланированным подготовительным этапом революции, произошедшей в октябре того же года.

После распада Советского государства некоторые историки в своих трудах распространяли взгляд на советский период как на «черную дыру» в истории России. Признавая субъективизм этого мнения, считаем недопустимым называть таким термином период, когда имели место значительные достижения в экономике, науке, искусстве, культуре и спорте.

Также хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в настоящее время в западных странах, особенно в учебных заведениях, вновь активизировалась просветительская деятельность по искажению обстоятельств Второй мировой войны. В умы молодого поколения вселяют ложные факты о том, что советское государство наравне с нацистской Германией принимало непосредственное участие в разжигании войны, принижается роль нашего государства в антигитлеровской коалиции. В условиях сложной геополитической обстановки тем самым преследуется цель выработки у населения поддержки по отношению к агрессивной политике ряда государств в отношении России, зачастую в ущерб своим гражданам с экономической и социальной точки зрения.

При этом следует учитывать, что в настоящее время с развитием сети Интернет, в отличие от советского периода, когда доступ к информации был возможен только через строго контролируемую государством печатную продукцию, радио и телевидение, появилось большое количество неконтролируемых площадок для вброса информации, в том числе искаженной либо фальшивой. Следует признать, что молодое поколение сейчас доверяет информации, полученной от педагога, значительно меньше, чем красиво оформленным в видеоролике сомнительным суждениям.

Не вдаваясь в изучение различных интерпретаций спорных исторических фактов, следует обратить внимание на то, что зачастую фальсификация в историографии касается тем, которые всегда будут популярны в различных слоях населения отдельного государства, территории либо диаспоры, относительно сокрытия государством различных фактов притеснения некоторой части населения по национальному, религиозному либо территориальному принципу.

Общеизвестно, что фальсификация истории путем ложного описания исторических событий использовалась для обоснования легитимности правящей династии либо правового режима, обозначения исторического права за тем или иным народом на определенную территорию и т.д. [2, с. 96].

При этом сама фальсификация исторических процессов осуществляется различными способами. Начиная с подделок и других манипуляций с историческими документами и заканчивая выдергиванием из контекста выгодных исторических фактов и документов и выстраиванием взаимосвязи между ними, фактически несуществующей.

Мы не будем заострять внимание на теме ложного интерпретирования некоторых исторических фактов, имевших место в ситуациях, когда не подтверждается прямой умысел неверной трактовки в силу недостаточности имеющейся информации. До сих пор имеется большое количество вакуумных мест в истории человечества, когда нет никаких подтверждений тому или иному течению событий, а суждения в данном направлении строятся на догадках либо логике. Однако и в истории далеко не каждое событие поддается логическому обоснованию, и в последующем оно может быть научно опровергнуто.

Нас интересуют ситуации, когда манипуляции с первоисточниками и выборочное цитирование используются для создания искаженного образа исторической реальности. В данном случае следует говорить о так называемой пропаганде тех или иных идей либо

знания с целью снять социальную напряженность в обществе, а также заручиться поддержкой основной массы населения [3, с. 174].

На современном же этапе такие приемы используются чаще всего извне в связи с непростой геополитической обстановкой в мире, в целях дестабилизации ситуации в Российской Федерации. Наше государство испокон веков заселяло множество национальностей с различным вероисповеданием. Ни для кого не секрет, что после распада СССР, в условиях сложной политической и экономической обстановки, на территории либо границах нашего государства возникали споры, связанные с межнациональными конфликтами, ложным порывом некоторых диаспор на государственную независимость и вопросом претензий на исторические земли. Большинство этих конфликтов удалось разрешить мирным путем, обеспечив территориальную целостность России с сохранением ее федеративного устройства.

Однако в последнее время все чаще с использованием, как указывалось выше, глобальной сети Интернет получают распространение новые сепаратистские видеоролики с искаженной интерпретацией исторических фактов и событий. В условиях непростой социально-экономической ситуации в стране, тем более в условиях многонационального Северо-Кавказского региона, активно предпринимаются попытки по созданию зон конфронтации. В сети активно распространяются ролики, в которых ставится под сомнение вопрос добровольности вхождения некоторых территорий и национальностей в состав Российской Федерации. Также актуален территориальный вопрос, особенно в густонаселенном Северо-Кавказском регионе. Нередко для большей эффективности добавляются неоднозначные вопросы, связанные с различной интерпретацией религиозных канонов и постулатов. Именно такую тактику избрали бандформирования террористического характера на территории Северо-Кавказского региона, которые оправдывают свои террористические акции с большим количеством жертв Священной войной против иноверцев. При этом основной своей целью религиозные экстремисты обозначают создание самостоятельного исламского государства «Имарат Кавказ» [4, с. 256]. На каком-то этапе в условиях духовного вакуума эти идеи стали приобретать популярность у простого населения, особенно среди молодежи. Однако следует признать, что на определенном этапе государство и общество признало неэффективность только силового противодействия терроризму и религиозному экстремизму. Только после этого наметилась тенденция активизации просветительской деятельности религиозным духовенством, пропаганды благотворительности и других ценностных установок мусульманской веры. На данном этапе такая деятельность дала необходимый эффект и удалось добиться того, что в обществе остается все меньше граждан, сочувствующих экстремистам [5, с. 123].

Также следует признать, что на границах нашего государства в настоящее время имеются зоны нестабильной политической обстановки. В интересах национальной безопасности Российская Федерация обязана держать под контролем ситуацию в зонах южноосетинского, грузино-абхазского, приднестровского конфликтов, в которых случались попытки разрешения вопросов, в том числе путем проведения военных операций. Также в мировом сообществе сложилось неоднозначное отношение к вопросу добровольного воссоединения Крыма и России, при том что вопрос законности передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР Н.С. Хрущевым в 1954 г. был достаточно дискуссионным и обозначался весьма часто. Серьезную угрозу для национальной безопасности нашей страны представляют военные конфликты Украины и непризнанных республик ДНР и ЛНР, которые также граничат с Российской Федерацией.

Это обусловлено еще и тем, что до недавнего времени в силу сложившихся взаимоотношений, единого вероисповедания и территориального соседства практически отсутствовала необходимость в серьезной охране границ между братскими государствами России и Украины. Однако в последние годы украинская сторона, в частности правящая верхушка, путем «серой» пропаганды и ложного интерпретирования исторических событий пытается вселить в умы украинского народа отношение ненависти и вражды к братскому славянскому народу, тем самым отвлекая население от критического экономического и социального положения, сложившегося в государстве.

В последнее время наметилась тенденция по вбросу ложной, сфальсифицированной истории национальных отношений в нашем государстве, направленной на ослабление территориальной целостности Российской Федерации путем искажения истории вхождения в состав России ряда народов и территорий (в частности народов Северного Кавказа), на провоцирование роста сепаратистских настроений в ряде национально-государственных субъектов Российской Федерации.

Внедрение в общественное сознание таких «версий» исторических событий преследует цель сформировать негативный образ России, провоцировать рост русофобских настроений в мире. Для примера: в историографии имеются противоречивые, тенденциозные версии истории южноосетинского и грузино-абхазского конфликтов.

Фальсификация истории, обусловленная политическими, идеологическими и подчас даже финансовыми причинами, внушает сомнения в действительности исторических событий и подлинности исторических источников, что в итоге порождает информационный шок в связи с резкой переменой общепринятых и научно обоснованных взглядов. Прочной частью исторических изменений в современном мире является политика «забывания». Историческая наука оказывает влияние на социальную память, главным образом через базовое историческое образование. Она фактически задает стилистику и темы литературных произведений исторической направленности, музыкальных произведений, произведений живописи и т.д. Таким образом, события последних лет показывают нам, что фальсификация истории остается одним из важнейших инструментов пропаганды, борьбы за информацию, роста патриотического духа, гордости за историю своей страны.

Всегда существуют историки-идеалисты, которые стараются в своих исследованиях на основании научных методов дать объективную оценку или интерпретацию исторического события. Но при этом присутствует и масса псевдоисториков, идущих вслед за ложными и неверными утверждениями, не получившими документального подтверждения (например, попытки пересмотреть хронологию мировой и российской истории). Фальсификация (ложная или «невольная») истории внушает сомнения в действительности исторических событий и подлинности исторических источников. После развала СССР контроль за содержанием исторического материала и его интерпретацией в учебниках ослаб, что вызвало огромное количество новых версий одних и тех же исторических событий.

Бесконтрольность выброса информации в сеть Интернет в условиях сложной геополитической обстановки привела к активизации пропагандистской работы с использованием данного ресурса, когда с помощью ложного интерпретирования исторических фактов предпринимаются попытки по дестабилизации обстановки в нашей стране. Нередко в этой деятельности прослеживается зарубежный след. Неоднократно имели подтверждение факты, в том числе финансового обеспечения из-за рубежа, антигосударственной агитации и террористических акций.

Данное обстоятельство не может не беспокоить, так как напрямую угрожает национальной безопасности государства. Государственная политика Российской Федерации под национальной безопасностью провозглашает состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Глупо отрицать, что вышеуказанные тенденции, наметившиеся в последнее время, несут угрозу национальной безопасности России и в случае отсутствия контрмер могут привести к негативным последствиям.

Нельзя отрицать, что лжеинтерпретирование истории - это всего лишь один из инструментов в руках недоброжелателей по расшатыванию ситуации в нашей стране как извне, так и изнутри. Равно как и в противодействии религиозному экстремизму и терроризму, в данном направлении только силовых действий недостаточно. Необходимо разработать и активно использовать комплекс мер по формированию в обществе патриотических, позитивных настроений и выработке в сознании граждан чувства нетерпимости к сепаратистским и националистическим идеям. Работа в данном направлении должна осуществляться достаточно аккуратно и продуманно, с использованием знаний специалистов в различных областях. Следует активно использовать контрпропагандистские меры, в том числе в сети Интернет, особенно в социальных сетях. Голословное отрицание ложных исторических фактов не приведет к должному эффекту. Следует апеллировать фактами, научно обоснованно ставить под сомнение такие суждения. Важное значение при этом будут иметь психологические аспекты общения, способность налаживать контакт, умение избегать конфликтных ситуаций.

В заключение хотелось бы отметить, что само по себе как явление ложное интерпретирование либо фальсификация исторических фактов не является узкопрофильной проблемой, решение которой возможно на дискуссионном уровне в среде специалистов. Непринятие должных контрмер на государственном уровне может привести к дестабилизации ситуации в нашем государстве и более печальным последствиям, что недопустимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Путин В.В. Учебники истории должны иметь единую концепцию [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (дата обращения: 04.08.2018).
2. Блейх Н.О. Некоторые вехи изучения Северокавказского края и просветительства российской наукой // Проблемы современной науки и образования. - 2015. - № 3(33). - С. 93-99.
3. Хачидогов Р.А. Правовые установления относительно мусульман Северного Кавказа в государственной политике Российской империи XIX столетия // В сб.: Идеалы и ценности Ислама в образовательном пространстве XXI века. Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф., 2017. - С. 171-178.
4. Нагоева М.А. Терроризм как глобальная проблема современности // Пробелы в российском законодательстве. - 2014. - № 3. - С. 255-257.
5. Шамаев А.М. Пропаганда благотворительности в исламской среде как профилактическая мера в противодействии распространению религиозного экстремизма на Северном Кавказе // "Черные дыры" в российском законодательстве. - 2016. - С. 122-124.

REFERENCES

1. Putin V.V. Uchebniki istorii dolzhny imet' edinyuyu koncepciyu [History textbooks should have a single concept] [Electronic resource]. Mode of access: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (accessed 04.08.2018). (In Russ.).
2. Blake N.O. Nekotorye vekhi izucheniya Severokavkazskogo kraya prosvetitel'stva rossijskoj naukoj [Some milestones in the study of the North Caucasus region of enlightenment by Russian science]. Problems of modern science and education. 2015. No. 3(33). Pp. 93-99. (In Russ.).
3. Haidarov R.A. Pravovye ustanovleniya otnositel'no musul'man Severnogo Kavkaza v gosudarstvennoj politike Rossijskoj imperii XIX stoletiya [Legal provisions regarding the Muslims of the North Caucasus in the state policy of the Russian Empire of the 19th century]. In the book: the Ideals and values of Islam in educational space of the 21st century. Materials of the X International scientific-practical conference. 2017. Pp. 171-178. (In Russ.).
4. Nagoeva M.A. Terrorizm kak global'naya problema sovremennosti [Terrorism as global problem of contemporaneity]. Gaps in Russian legislation. 2014. No. 3. Pp. 255-257. (In Russ.).
5. Shamaev A.M. Propaganda blagotvoritel'nosti v islamskoj srede kak profilakticheskaya mera v protivodejstvii rasprostraneniyu religioznogo ehkstremitizma na Severnom Kavkaze [Promotion of philanthropy in the Islamic environment as a preventative measure in combating the spread of religious extremism in the North Caucasus]. Black holes in Russian legislation. 2016. Pp. 122-124. (In Russ.).

Информация об авторе:

Шамаев Артур Мурадинович, старший преподаватель, кафедра деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
г. Нальчик, Россия

Получена: 07.08.2018

Для цитирования: Шамаев А.М. Ложная интерпретация исторических фактов как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.59-64.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-59-64.

Information about the author:

Artur M. Shamaev, Senior Lecturer, Department of Activity of Law-Enforcement Bodies in Special Conditions, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia

Received: 07.08.2018

For citation: Shamaev A.M. False interpretation of historical facts as a threat to the Russian national security. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 59-64.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-59-64. (in Russ)

***Дальний Восток в российской
истории: конец XX – начало XXI вв.***
Исторический и социологический аспекты

***The Far East in Russian History:
end of the XX – beginning of the XXI centuries***
Historical And Sociological Aspects

УДК 378.4 (571.6)

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-67-82

ВАЩУК Ангелина Сергеевна
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточное отделение Российской
академии наук
г. Владивосток, Россия
va_lina@mail.ru

Angelina S. VASHCHUK
Institute of History, Archeology and
Ethnography of Peoples of the Far East
Far-Eastern Branch of Russian Academy
of Sciences
Vladivostok, Russia
va_lina@mail.ru

ДУДАРЕНОК Светлана Михайловна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

Svetlana M. DUDARYONOK
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ЭТАПЫ СТОЛЕТНЕГО ПУТИ

HISTORICAL EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST: STAGES OF THE CENTINERY WAY

Данная статья представляет собой краткий очерк, посвященный основным вехам становления и 100-летнего развития высшего исторического образования в старейшем вузе Дальнего Востока России - Дальневосточном федеральном университете. Через цепь взаимосвязей событий в институциональном развитии высшего исторического образования, академической исторической науки и биографий преподавателей, выпускников в отдаленном регионе страны показаны основные итоги пройденного пути. Подготовка историков осуществлялась на разных этапах существования ДВФУ: в Восточном Институте, Государственном дальневосточном университете (ГДУ), Владивостокском государственном педагогическом институте (ВГПИ), Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) - и продолжает развиваться в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ). Каждый этап вносил в процесс подготовки историков свою специфику, связанную с общей судьбой российского общества. Около 70 лет истории пришлось на советскую эпоху XX в. Несмотря на влияние революционной социально-экономической и культурной платформы преподавания истории в вузе, благодаря личности педагога, укреплению материально-технической базы, постоянному повышению квалификации педагогических кадров, сотрудничеству с другими вузами и академической структурой, осуществлялся достойный образовательный процесс. 25 последних лет - это годы радикальных реформ, результаты которых для высшего исторического образования в ДВФУ оказались весьма противоречивыми.

This article is a brief essay on major milestones of formation and 100 years of historical development of higher education in the oldest University of the Russian Far Eastern Federal University. The main outcome of the past is shown through a chain of events in the institutional development of higher historical education, academic historical science and biographies of teachers, graduates in a remote region of the country. Preparation of historians has been carried out at different stages of existence of FEFU: Orient Institute, State Far Eastern University, Vladivostok State Pedagogical Institute, Far Eastern State University and continues to evolve in the Far Eastern Federal University (FEFU). Each stage contributed to the preparatory process of the historians of the specificity associated with a common destiny of Russian society. About 75 years from the 20th century were under the Soviet era. However educational process has been at a high standard due to teachers' personalities, strengthening knowledge and technical base, constant up skilling teaching staff and cooperation with the other universities and academic structures, despite the influence of revolutionary socio-economic and cultural platform for teaching history in high school. The last 25 years of the 20th century were the years of radical reforms, which resulted in extra historical education in FEFU proven to be highly controversial.

Ключевые слова: высшее историческое образование, Восточный Институт, Государственный дальневосточный университет, Владивостокский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, преподаватели, студенты

Keywords: higher historical education, Orient Institute, Far Eastern State University, Vladivostok State Pedagogic University, Far Eastern State University, teachers, students

Постановка проблемы

В октябре 2018 г. исполняется 100 лет историческому образованию на Дальнем Востоке России. Юбилейная дата со всей остротой ставит на повестку дня проблему о степени близости научных исследований с образованием, с общей культурой России и с этой позиции заставляет нас посмотреть на отдельные этапы нашего прошлого. К сожалению, сегодня профессиональному историку приходится пробиваться через такие бюрократи-

ческие дебри планирования и отчетности в своей деятельности, чтобы его проблематика и стиль публикаций оказались интересны обществу. Историческое знание имеет очень тонкую грань между интересом граждан к истории своего отечества как формы проявления культуры и ситуацией попадания в ловушку идеологии, которая может быть инструментом манипуляций со стороны власти. Мировой опыт, включая и российский, говорит о том, что в своей совокупности эта гуманитарная сфера знаний, являясь элементом общей культуры, выполняет одну из главных функций - служит целям формирования идентичности личности.

В отечественной литературе роль исторического образования рассматривается с многих позиций. Так, А.Н. Терехов связывает его с внутренней политикой: «Историческое образование является той областью образовательной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений, формируется сознание личности, ее гражданская и политическая культура, мировоззренческие установки и нравственные ценности» [1].

Безусловно, рассматривать историческое образование на Дальнем Востоке невозможно вне общей логики событий в стране и всей образовательной политики. Но учитывая, что в современной литературе определены уже основные магистральные линии и этапы, их содержание, мы при рассмотрении процесса в регионе будем опираться на достижения предшественников. Например, касаясь процессов в XX в., исследователи выделяют некоторую цикличность, в основе которой наблюдалась трансформация - в двух вариантах его преобразований - реформы и контрреформы, и с этим надо согласиться. Наиболее ярко эту мысль выразил М.В. Богуславский: «Парный характер преобразований, когда после реформы, ставящей целью существенную трансформацию всей системы просвещения - изменение направленности (философии) образования, основных типов учебных заведений, содержания образования, - неизменно осуществлялась стабилизирующая контрреформа, преследующая цель возвращения к прежним (традиционным) ориентирам, хотя и несколько осовремененным в соответствии со спецификой социально-политической ситуации» [2; 3, с. 74].

Принимая эту исходную позицию, авторы статьи большое внимание уделяют роли личности в организации и преподавании истории, подготовке новых кадров в период крутых виражей в образовательной политике. Цель статьи - через цепь событий в биографии и институционального развития исторического образования в отдаленном регионе страны выявить основные итоги.

Истоки

Высшее гуманитарное образование до революции носило элитарный характер. Подготовка историков осуществлялась на историко-филологических факультетах университетов, где, как и на юридических, большинство преподавателей являлись «государственниками». Определенные традиции исторического образования в широком понимании были заложены на Дальнем Востоке деятельностью преподавателей Восточного института. В дальнейшем высшее историческое образование на Дальнем Востоке России развивалось в очень сложных и драматических условиях.

С началом Гражданской войны на Дальний Восток потянулись беженцы, среди которых было немало преподавателей высшей школы - из Казани, Томска, Петрограда, Москвы и других регионов России. Но даже в условиях гражданского противостояния, разрухи российская интеллигенция не забывала о своей социальной роли и ответственности.

У истоков частного историко-филологического факультета стояли «заброшенные» на Дальний Восток Гражданской войной *Сергей Михайлович Широкогоров* - заведующий отделом антропологии Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук, а также преподаватели Восточного Института, шесть профессоров которого вошли в инициативную группу по созданию частного историко-филологического факультета: П.П. Шмидт, Г.В. Подставин, А.В. Гребенщиков, В.И. Кохановский, Н.В. Кюнер, Е.Г. Спальвин [Российский государственный исторический архив (РГИА ДВ). Ф.226. Оп.1. Д.521. Л.14-16].

В 1918 г. во Владивостоке появилось новое высшее учебное заведение - частный историко-филологический факультет [См. подробнее: 4, с. 3-12].

Первым деканом частного историко-филологического факультета был *Матвей Николаевич Ершов* - профессор Казанской духовной академии и приват-доцент Казанского университета [РГИА ДВ. Ф.226. Оп.1. Д.521. Л.22], впоследствии известный историк и философ.

Преподавательский штат частного историко-филологического факультета состоял из семи преподавателей и четырех лекторов для чтения лекций и ведения семинаров на первом курсе. На должность штатных преподавателей на первый курс приглашались четыре человека: профессор М.Н. Ершов по кафедре философии; этнограф А.М. Мерварт по кафедре сравнительного языкознания и санскрита с возложением на него чтения курса по истории Греции и практических занятий по латыни; филолог Л.А. Мерварт по кафедре западноевропейской литературы с возложением на нее лекций и практических занятий по сравнительному языкознанию; антрополог С.М. Широкогоров по кафедре сибириеведения с возложением на него лекций и ведения практических занятий по русской истории.

На должность нештатных академических преподавателей приглашалось три профессора Восточного института: А.В. Гребенщиков на чтение курса и проведение практических занятий по экспериментальной фонетике; профессор Н.В. Кюннер на чтение курсов и проведение практических занятий по истории Древнего Востока, географии и истории Сибири; профессор П.П. Шмидт на чтение курса по введению в языкознание. Для занятия языками приглашались четыре лектора: К.А. Котельникова (латынь и греческий язык), А.А. Вегнер (немецкий язык), М.Г. Полевич-Булан (французский язык), И.А. Смит (английский язык) [РГИА ДВ. Ф.226. Оп.1. Д.521. Л.14-17-18].

16 октября 1918 г. частный историко-филологический факультет начал занятия в здании Восточного Института. Этот день считается днем рождения высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. На факультете создавалось 10 кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания и санскритского языка, русского языка и словесности, славянской филологии, истории всеобщей, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории Церкви, теории и истории искусств. На первом году обучения факультет пополнился новыми преподавателями. На кафедру русского языка и литературы был взят прибывший из Казани *Александр Петрович Георгиевский* - выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета и Петроградского археологического института по специальности архивоведение. На кафедру русской истории поступили А.М. Гневушев - профессорский стипендиат Киевского университета, директор Красноярской второй женской гимназии, знаток истории средневековой Руси и В.М. Грибовский - профессор Томского университета; на кафедру педагогики - магистр богословия, автор работ по педагогике Я.Д. Коблов [РГИА ДВ. Ф.226. Оп.1. Д.521. Л.34-35].

17 апреля 1920 г. Восточный Институт, частный историко-филологический факультет, а также частные юридический и экономический факультеты (последний - из структуры частного политехнического института) были объединены в Государственный Дальневосточный университет [5, док. № 188, с. 287]. Превосходные ученые и преподаватели формировали облик научной школы историков того периода:

Георгиевский Александр Петрович - первый декан историко-филологического факультета ГДУ с 1920 г., в том же 1920 г. он возглавлял инициативную группу по созданию Приморского губернского архивного бюро, став основателем и архивного дела в Приморском крае;

Зотик Николай Матвеевич - выпускник Восточного Института и историко-филологического факультета ГДУ, ставший в 1922 г. преподавателем ГДУ, великолепный библиограф, участник инициативной группы по созданию Приморского губернского архивного бюро;

Головачев Мстислав Петрович - сибиряк-областник, историк российского законодательства, один из основателей Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине;

Маракуев Александр Владимирович - директор фундаментальной научной библиотеки ГДУ, один из авторов трудов Краеведческого научно-исследовательского института (КНИИ) при ГДУ;

Никифоров Николай Иванович - автор работ по всеобщей истории, философии истории и проблемам взаимоотношения русской и западной культур, крупнейший специалист по эпохе Возрождения;

Огородников Владимир Иванович - профессор истории, ректор ГДУ (1923-1925), председатель секции истории и археологии отдела «Человек» Краеведческого научно-исследовательского института (КНИИ) при ГДУ, член бюро по изучению истории и культуры населения Дальневосточного края;

Трифонов Николай Николаевич - доктор философии, активный сотрудник секции антропологии, этнографии и истории отдела «Человек» КНИИ при ГДУ;

Харинский Константин Андреевич - профессор, научный сотрудник культурно-исторического отдела Краеведческого научно-исследовательского института при ГДУ, читал курсы по истории Японии и многие другие [См.: 6, с. 127-129, 136-137, 316-318, 347-348, 490, 520-522].

Дальневосточный отряд историков-преподавателей. Связи с академической наукой в период интеграции исторического образования в обществоведческий курс

В первые годы советской власти, после окончания Гражданской войны правительство большевиков приступило к реорганизации высшей школы, были предприняты шаги к разрушению элитарного принципа высшего образования, что открывало возможности для поступления в вузы рабочей и крестьянской молодежи. 3 марта 1919 г. Наркомпросом РСФСР было принято постановление, по которому в Московском и Петроградском университетах были созданы факультеты общественных наук (ФОНЫ) с отделениями: экономическим, политико-юридическим и историческим, проведена реформа гуманитарного преподавания. В то же время профессорско-преподавательский состав остался прежним. Реорганизационные преобразования сопровождались в Петрограде и Москве изменениями кадрового состава преподавателей ФОНов. Усилилась роль ученых, выразивших желание сотрудничать с советской властью, что позволило уже в 1919/20 учебном году в планы ФОНов включить марксистские курсы: «История социализма» «К. Маркс и марксизм», «Учение о происхождении общественных форм» и др. Стали читать лекции по истории рабочего класса, по истории колониальной политики. Однако большинство курсов читалось «старой профессурой» [7, с. 150-157; 8, с. 145].

Особенности отношения Центра к Дальнему Востоку, специфика формирования партийно-советской вертикали власти в отдаленном регионе страны и дефицит кадров преподавателей в 1918-1920-е годы способствовали тому, что университету удавалось сохранять преемственность своим научным и педагогическим школам, поддерживать их традиции, высокий научный уровень.

«В 1918-1919 академическом году к учебе на факультете приступили 140 студентов, из них 86 действительных слушателей и 54 вольнослушателя» [9, с. 8; 10, с. 23]. Открытие факультета стало заметным явлением в жизни не только города, но и всего Дальнего Востока. 75% слушателей факультета первого набора были выходцами из Приморской, Амурской областей и полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Образовательный процесс на факультете осуществлялся по учебным планам и программам историко-филологических факультетов российских университетов. По ним для слушателей исторического и словесного отделений было определено много общих обязательных и специальных курсов. В числе обязательных стали следующие курсы: введение в филологию, история древней философии, введение в языкознание, история и география Сибири, этнография Сибири. Историками изучались история Древнего Востока, история Греции, история России, археология Сибири. Предусматривалось также изучение курсов истории

искусств, политэкономии, методологии истории. Подготовка слушателей осуществлялась по двум специализациям: всеобщая история или русская история. Обучение завершалось написанием выпускной работы (кандидатского сочинения) [11; 12, с. 23]. Так, несмотря на вторжение идеологии в образование, на окраине страны соблюдались классические дисциплины.

С 1930-х годов ярко проявляется синхронизация процесса реформирования исторического образования и институционализация исторической науки в рамках АН СССР. Советский обществоведческий центр на Дальнем Востоке создается только в 1932 г. При созданном Дальневосточном филиале АН СССР было открыто первое академическое обществоведческое подразделение - Кабинет по изучению народов ДВК в составе трех секций: истории и культуры китайского, корейского и европейских (славянских) групп населения. То есть на Дальнем Востоке большое внимание уделялось изучению этнической истории, а история и культура народов рассматривались как единое целое при формировании проблематики нового специального структурного подразделения [13], что является яркой чертой развития исторического знания с учетом прошлого региона. Создание центра стало важным фактором для гуманитарного образовательного процесса на Востоке страны. Но постепенно вектор развития исторического образования в регионе под влиянием постановлений партии и правительства меняется. Судьба университета, исторического образования и всей исторической науки вплетается в общую социально-политическую историю страны 1930-х годов. В 1939 г. университет был закрыт. К тому времени были репрессированы многие преподаватели, стоявшие у истоков высшего образования на Дальнем Востоке России, в том числе и исторического. Кабинет по изучению народов ДВК также закрыли вместе с ДВФ АН СССР в 1939 г.

Однако в годы войны советское правительство усиливает внимание к проблеме воспитания молодого поколения в духе патриотизма, опираясь на историю отечества. К тому же в тяжелых условиях войны в Приморье начинают готовить кадры педагогов. В 1943 г. появился вуз - Владивостокский государственный педагогический институт (ВГПИ), которому суждено было продолжить университетские традиции, дополненные новыми - воспитательными. Заслуга в открытии ВГПИ принадлежит *Григорию Семеновичу Куцему*, на тот момент заведующему Примкрайоно, с 1953 г. - директору ВГПИ.

Историческое образование в годы войны выполняло важнейшую общественную задачу: лекции и семинарские занятия отличались актуальностью и политической заостренностью. Учебно-методическая работа кафедр была направлена на обеспечение органической связи чтения соответствующего курса с современностью, хотя элементы классического исторического образования благодаря деятельности историков старшего поколения сохранялись. Учительский институт во Владивостоке был одним из таких образовательных центров в СССР.

Одним из организаторов Владивостокского Учительского института, на базе которого был создан Владивостокский государственный педагогический институт, был *Сергей Александрович Низяев*. Он стоял и у истоков создания исторического факультета ВГПИ, став в 1943 г. первым деканом исторического факультета ВГПИ. За плечами Сергея Александровича уже имелся большой опыт педагогической деятельности. Поэтому одним из основных читаемых им курсов являлась методика преподавания истории в школе. Вместе с тем он был ведущим специалистом по истории Древнего мира. Верность своему предмету он сохранил до последних дней жизни. Вот как о нем вспоминает выпускница 1972 г. историко-правового факультета ДВГУ В. Малахова: «Они были разными: в массе своей прекрасными профессионалами, некоторые профессионалами высшего пилотажа, виртуозами, мудрыми нашими наставниками. Но вот со словом "учитель", в моей памяти почему-то всплывает в первую очередь образ нашего куратора А.С. Низяева, который вел у нас на первом курсе античную историю. Это был далеко уже не молодой человек, нам он вообще казался старичком, и мы его между собой почтительно называли Архонтом. В нем много было, на мой тогдашний взгляд, чудаковатого. Начиная от его выдавшего виды портфеля, современника, казалось бы, всех трех Карфагенских войн, до его сопереживания своим студентам на экзаменах. Когда я вытянула билет и в полубоморочном состоя-

нии поняла, что мне нечего сказать, Сергей Александрович усадил меня на место и сказал: «Не волнуйтесь, деточка, мы сейчас все вспомним. В конце концов я получила четверку».

От своего дома до университета, несмотря на возраст, Александр Сергеевич, по слухам, ходил пешком. Войдя в аудиторию, он доставал из портфеля свои листки, заставлявшие вспомнить если не об египетском папирусе, то о пыли веков - это точно. Зажимал пальцы рук в замок и начинал повествовать о давно минувших днях, не особенно обращаясь к своим записям. Мне казалось, что он воочию видит то, о чем говорит, это для него вовсе не "преданья старины глубокой". Рассказывая о споре Посейдона с Афиной, он всякий раз удивлялся самоуверенности бога морей и радовался победе Афины. Сократ, Эсхил и все прочие древние римляне и греки были для него старыми знакомыми, со своими привычками и человеческими слабостями, со своими сильными сторонами и недостатками» [14] (В. Малахова, г. Уссурийск, проработавшая педагогом-историком более 40 лет в школе для трудных подростков).

Выпускниками ВГПИ были те, кого называют в числе своих Учителей представители разных поколений историков, работающих и работавших в ДВФУ. Владивостокский педагогический институт окончили в разное время *Лидия Алексеевна Демченко*, *Идея Иосифовна Глущенко*, *Аркадий Ефимович Ларин* (долгие годы возглавлявший кафедру всеобщей истории), *Елена Афанасьевна Майорова*, *Элеонора Васильевна Ермакова* (декан и заведующая кафедрой отечественной истории), *Андрей Иванович Крушанов* (академик, организатор и впоследствии директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН). Е.В. Ермакова была главным связующим преподавателем и ученым между историками ДВГУ и Института истории и археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР /ДВО РАН в 1970-1980-е годы. А.И. Крушанов в течение всей своей научной организационной деятельности проводил курс на тесное сотрудничество с преподавательским корпусом историков, при этом мастерски владея словом и обладая феноменальной памятью, преподавал историю студентам не только на историческом факультете.

1956-1980-е годы: университетские традиции и советские новации. ДВГУ - кузница кадров для школы и академической исторической науки в дальневосточном регионе

На базе Владивостокского педагогического института в 1956 г. усилиями ректора, замечательного историка *Григория Семеновича Куцего* был «восстановлен» Университет. В восстановлении Университета огромную роль сыграли академические связи с крупнейшими вузами страны - Московским государственным университетом, Ленинградским государственным университетом, Томским государственным университетом. В данных вузах старшее и среднее поколения нынешних историков обучались в аспирантуре, докторантуре, проходили стажировки и ФПК. Для восстановления утраченной после закрытия в 1939 г. библиотеки Университета сюда во Владивосток были переданы в дар книги из библиотеки академика М.Н. Тихомирова.

Важно заметить, что многие организационные события в развитии исторического образования по времени совпадают со становлением структур академической исторической науки, центром которой становился Владивосток. Известный исследователь археологии Дальнего Востока А.П. Окладников при поддержке председателя Президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР д.х.н., проф. В.Т. Быкова обратился в Отделение истории АН СССР с письмом о необходимости развертывания широких исторических исследований на Дальнем Востоке. 29 января 1954 г. Президиум АН СССР принял постановление № 25 «Об организации в составе Дальневосточного филиала имени Владимира Леонтьевича Комарова Отдела истории и археологии» со штатом пять человек. Заведующим Отделом был назначен Всеволод Всеволодович Томашевский, который, закончив исторический факультет и аспирантуру ЛГУ, получил распределение в Дальневосточный филиал. Первые ученые Отдела Виктор Георгиевич Щебенков (японист), Юрий Александрович Сем (этнограф), Эрнст Владимирович Шавкунов (археолог), Виталий Епифанович Лари-

чев (археолог) впоследствии стали докторами [15], тесно сотрудничали с преподавателями-историками.

В 1956 г. Университету утвердили структуру из пяти факультетов: историко-филологический со специальностями «история», «русский язык и литература»; физико-математический со специальностями «физика» и «математика»; биологический со специальностями «ботаника» и «зоология»; медицинский со специальностью «лечебное дело»; факультет романо-германской филологии со специальностями «английский» и «немецкий язык».

Однако на протяжении первого десятилетия структура факультетов менялась: отпочковывались новые факультеты и отделения, а некоторые, отпочковываясь, становились самостоятельными. Например, в 1958 г. Университет дал путевку в самостоятельную жизнь медицинскому факультету, который впоследствии превратился во Владивостокский государственный медицинский институт.

В 1959 г. впервые были приняты 25 студентов-правоведов. Открытие правоведения и стремление партийных органов повысить идеологическую и воспитательную функцию гуманитарной отрасли знаний привело к реорганизации историко-филологического факультета, его разделили в 1958 г. на два факультета: филологический и историко-правовой с двумя специальностями: «история» и «правоведение» [16, с. 182].

На историческом (историко-филологическом, историко-правовом) факультете ДВГУ работали выдающиеся дальневосточные историки, доктора исторических наук: *Давид Лазаревич Бродянский, Алексей Пантелеевич Деревянко, Андрей Иванович Крушанов, Виталий Владимирович Савастеев Григорий Александрович Унпелев, Анна Григорьевна Черных, Эрнст Владимирович Шавкунов* и другие известные ученые и выдающиеся преподаватели. «...Давид Лазаревич Бродянский. Высокий, в очках на характерном носу, он, казалось, состоял из одних принципов. И вполне мог бы, перефразируя Аристотеля, сказать: "Платон мне друг, но принципы дороже". Эдакий Робеспьер, только без парика и камзола. Сходил он со своего пьедестала, казалось, только тогда, когда начинал рассказывать о своем учителе знаменитом археологе Дальнего Востока А.П. Окладникове. Благодарный ученик снимал свои доспехи, сотканые из образованности, эрудиции, как нам казалось, не имеющей границ, собственного совершенства и еще много из чего известного только ему одному. В его рассказах академик становился вполне земным человеком, таким же земным в эти минуты становился и сам Бродянский.

Летом, после первого курса, мы всей группой поехали на археологическую практику. Раскопки происходили на берегу речушки Чапигоу, под Уссурийском. Вот здесь нам открылся другой Бродянский. Нет, принципы никуда не делись, более того, он показал себя человеком собранным и деловым на деле. Но у вечернего костра был не Робеспьер, а любитель поэзии и живописи, музой которого была Археология» [17]. Другой мой однокурсник П. Сейко (Петр Сейко много лет был директором в школе в г. Тынде Амурской области. - прим. авт.) напишет в своих воспоминаниях в 2018 г. «Должен сказать, без ложной скромности, что в течение многих лет после окончания ДВГУ при контактах различного рода, как с отечественными специалистами, так и с иностранцами, я неоднократно убеждался, что по части эрудиции нахожусь на шаг-два впереди. Конечно, университет дал прочную образовательную базу, а все остальное добиралось путем самообразования. При этом университетская подготовка давала направление, где и что искать, если тебе требовалась какая-то информация. ...Считаю некорректным давать оценку качеству учебного процесса в ДВГУ в период нашего обучения с позиций дня сегодняшнего по известным причинам. Поэтому ограничусь краткой оценкой - я лично считаю, что получил основательную подготовку и серьезный объем знаний, которые приходилось применять в самых разных жизненных ситуациях. С нами работали ответственные и квалифицированные преподаватели» [18].

Прошлое исторического образования на Дальнем Востоке и этапы развития исторической науки, центром которой становится ИИАЭ ДВНЦ АН СССР / ДВО РАН, неразрывно связаны взаимной деятельностью, которая проходила в разных формах (совместное обсуждение результатов научных исследований, семинары, конференции, совместные

публикации и т.д.). Начиная с 1960-х годов историко-правовой факультет становится источником формирования кадров Отдела истории и археологии. В числе тех, кто «соединил» традиции Университета и академическую структуру, были Ю.В. Аргудяева и В.Д. Леньков. Ю.В. Аргудяева окончила в 1959 г. Дальневосточный государственный университет, проработала в ИИАЭ (учитывая структурные изменения) 39 лет, став главным специалистом в России по теме «Старообрядцы на Дальнем Востоке России: этнокультурное развитие во второй половине XIX - начале XX в.». Известный археолог В.Д. Леньков был студентом ДВГУ в 1956-1961 гг. 31 один год он трудился в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, прошел путь от лаборанта до заведующего отделом археологии. В 1985-1988 гг. был заместителем директора Института по науке; В.Д. Леньков стал первым учеником Э.В. Шавкунова, другом и коллегой. Они стояли у истоков дальневосточной археологии. Нет в Приморье района, где не побывал бы В.Д. Леньков, при этом ему всегда удавалось открыть новые памятники [19]. Научные интересы Виталия Дмитриевича были широки, но изучение древней металлургии у чжурчжэней привлекало наибольшее внимание.

В 1970-1980-е годы исторический факультет ДВГУ становится главной кузницей кадров историков для всего Дальневосточного региона. Сегодня в Институте истории трудятся выпускники разных лет: зав. отделом социально-политической истории А.С. Ващук, доктора исторических наук Е.Н. Чернолуцкая и Г.А. Ткачева, кандидаты исторических наук О.И. Сергеев, Л.Л. Ларина, Н.Г. Артемьева, Э.В. Осипова, Т.З. Позняк, С.Г. Коваленко, Ю.Н. Ковалевская (Поповичева) и многие другие.

В 1970-е годы Университет получил значительное развитие. Постоянно укреплялась материальная база. Историки переехали в долгожданный учебный корпус. Кафедры получили отдельные помещения. Были открыты методические кабинеты с литературой, кабинет технических средств обучения, музейная комната. Появилось большое число современных учебных аудиторий. Улучшилось оснащение оборудованием, инвентарем, мебелью.

В 1970-1980-е годы многократно увеличился библиотечный фонд. Историческая периодика поступала уже и непосредственно на кафедры. Вводом в строй новых общежитий была решена проблема с жильем для студентов. Студенты-историки, счастливчики в числе немногих факультетов-монополистов, поселились тогда и проживали до окончания советского периода в единственном со всеми удобствами общежитии на Алеутской. В феврале 1989 г. факультет вновь справил новоселье в гуманитарном учебном корпусе, что позволило ликвидировать многосменность дневного отделения.

Одновременно проходило и организационное укрепление. В 1966 г. был прекращен эксперимент с четырехлетним обучением, устанавливался единый - пятилетний срок. В итоге в 1970 г. выпуск был только на заочном отделении. В 1974 г. вдвое - с 25 до 50 чел. - был увеличен прием на дневное отделение. Рост численности студентов стал основанием для обретения историками самостоятельности. В следующем году историко-правовой факультет был разделен на два: исторический и юридический. Первым деканом истфака стал *Степан Григорьевич Григорьев* - фронтовик, командир гвардейских минометов, названных потом «Катюшами», с которыми он прошел славный героический боевой путь от Москвы до фашистского логова - Берлина.

Впоследствии факультет возглавляли *Рим Мисбахович Самигулин* (1978-1987 и 1989-1991 гг.), *Элеонора Васильевна Ермакова* (1987-1989 гг.), в 1990-2000-е годы деканами успешно работали *Олег Владимирович Сидоренко* (1991-2002 гг.) и *Зинаида Алексеевна Ковалева* (2002-2012 гг.).

В 1976 г. было открыто вечернее отделение с приемом 25 человек, ставшее важным подспорьем для молодых людей. В ходе перестройки, в 1988 г., на волне роста общественного интереса к истории, в разовом порядке прием на очное отделение был увеличен на 25 человек. Так, Н.Г. Артемьева известный сегодня археолог, великолепный знаток средневековой истории и эксперт, работая лаборантом в ИИАЭ ДВО РАН, была в числе первого выпуска вечернего отделения.

Тогда же состоялось разделение студентов на два отделения: педагогическое и научно-производственное. Хотя особых отличий они не имели, однако на первом была усилена психолого-педагогическая составляющая, на втором - специализация и, что наиболее значимо, - существенно увеличили число часов на изучение иностранного языка. На январь 1990 г. общее число обучающихся на факультете составило около 900 человек.

Набор студентов на Истфак в 1970-1980-е годы особых проблем не представлял ввиду бесплатного обучения, малого числа гуманитарных специальностей в вузах региона. Без расхода средств на профориентацию, преференции для поступающих из центра страны, престиж ДВГУ и факультета обеспечивал ежегодное поступление до 30-35% студентов из-за пределов края, до 15-20% - из-за пределов Дальнего Востока. На факультете учились студенты из Читы, Бурятии, Ангарска, Тюмени, Казахстана, Краснодарского края, Молдавии, Черниговской, Хмельницкой и других областей СССР. Во все времена конкурс на «историю» занимал первые три места из 15-20 специальностей ДВГУ, при высоком уровне школьной подготовки поступающих.

Но доля «своих» студентов на Истфаке была ниже. На Истфак поступали не только любители истории. Поступали многие вынужденно из числа желающих стать философами, психологами, социологами, демографами, экономистами, специалистами-международниками и др. Подготовка таких специалистов в советское время была ограничена как географически (в основном в центре страны), так и по числу вузов. На востоке страны таких специалистов не готовили вообще. Это накладывало особую ответственность факультета за специализацию, качество подготовки, реализацию интересов студентов. При кооперации преподавателей кафедр Истфака с обществоведами, экономистами, психологами ДВГУ на факультете нередко защищались такие дипломные работы, как: «Об умственных способностях студента-историка», «Влияние природных условий на сельскую экономику центральных и южных районов Приморского края», «Изменение демографической картины в районах строительства БАМа», «Роль общественной работы в воспитании лидерских качеств старшеклассников» и др. Не случайно, что из выпускников 1970-1980-х годов каждый пятый стал кандидатом или доктором наук, в том числе не только исторических, но и философских, социологических, политических, экономических, педагогических и пр. Такая палитра интересов не свойственна выпускникам ни одного из гуманитарных факультетов ДВГУ-ДВФУ.

Начиная с конца 1950-х годов в ДВГУ постоянное внимание уделялось подготовке преподавателей и повышению их качества. Использовались такие формы, как направление студентов для завершения обучения на стажировку и в аспирантуру в Томский, Уральский университеты, но, как правило, в центральные вузы страны. В результате, если в 1968 г. процент остепененных преподавателей составлял около 50%, то в 1982 г. - 76,2%, а в 1987 г. - 82,6% (при среднем в ДВГУ - 61,5%).

Каждый преподаватель раз в пять лет проходил обязательное четырехмесячное обучение на ФПК МГУ. Значимость последнего была неопределимой еще и в силу сосредоточения в столице основных госархивов, главных книгохранилищ, объектов культурно-исторического назначения. Это позволяло сделать значительный задел при работе над диссертациями, написанием монографий, разработке новых спецкурсов.

Одной из главных проблем в подготовке кадров являлась подготовка докторов наук. Это было связано с отдаленностью основной источниковой и литературной базы (Томск, Москва, Ленинград), крайне ограниченным числом диссертационных советов (от Владивостока до Байкала - один Совет), трудностями в опубликовании монографий. В итоге, если в 1960-е годы было защищено 2 докторские диссертации, то в 1970-х - 0, в 1980-х - 1. Тем не менее в целом по качеству преподавательского состава исторический факультет занимал призовые места в Университете.

На факультет постоянно приглашались ученые из ведущих научных центров и вузов. Студенты встречались и слушали лекции академиков И.Д. Ковальченко, А.П. Окладникова, А.И. Крушанова, Е.М. Примакова, профессоров МГУ, ЛГУ, Институты истории АН СССР.

Нельзя не отметить довольно высокую внеаудиторную нагрузку на студентов и преподавателей. Студенты занимались уборкой картофеля в сентябре, работали на овощебазах с сентября по март, на хлебозаводах и колбасных фабриках, 7-8 ноября дежурили в ДНД, участвовали в бесконечных месячниках и субботниках по уборке закрепленной и иной территорий, уборке снега, периодически привлекались к работам по завершению строительства университетских и городских объектов (к/т «Океан», Цирк, Дом пионеров и др.). С ними всегда были преподаватели. По-разному можно оценить эту деятельность. Это, конечно, отвлекало студентов от учебы в сентябре, самостоятельной работы в течение года. С другой стороны, расширяло их кругозор, позволяло заглянуть в мир основ производства, экономики, управления и др., что так важно для любого будущего специалиста.

В конце 1980-х перед историческим сообществом встали сложнейшие задачи переустройства образования, связанные с изменением политики страны в области подготовки специалистов-гуманитариев в высших учебных заведениях, обеспечением процесса обучения современной материально-технической базой, научной и методической литературой, отходом от догматического толкования исторических событий. Политика гласности, обсуждение всеми слоями общества ранее закрытых тем отечественной истории потребовали от коллектива исторического факультета кардинального пересмотра своей работы.

Историки университета в поисках подходов к построению новой системы образования

С начала 1990-х годов в образовании ведущую роль стали играть рыночные интересы и механизмы по их реализации. В 1991 г. было закрыто вечернее отделение и число обучающихся на Истфаке стало снижаться.

Традиции исторического факультета, сильный кадровый состав (в 1992 г. более 78% преподавателей имели ученые степени и звания) позволили в сжатые сроки переустроить учебный процесс и добиться ощутимых результатов. В 1994 г. на факультете появились две новые специальности «регионоведение» и «философия», было открыто философское отделение. По специальности «регионоведение» разработана специализация - историк-регионовед по англоязычным странам Азиатско-Тихоокеанского региона (США, Австралия, Новая Зеландия, Канада). В конце 1990-х годов началась подготовка специалистов по специальностям «теология» и «религиоведение».

Подготовка специалистов по новым направлениям потребовала структурных изменений. В состав факультета (с 1994 г. - факультет истории и философии) вошли пять новых кафедр: философии, культурологии, политической истории, кафедра археологии, этнографии, истории мировой культуры и кафедра теологии и религиоведения.

Открытие новых специальностей и специализаций позволило коллективу преподавателей и сотрудников сохранить контингент студентов, улучшить материальную базу, значительно усилить научно-исследовательскую и учебно-методическую работу.

В 1990-е годы обучение на факультете истории и философии велось по пяти специальностям: «история», «философия», «регионоведение», «религиоведение», «культурология» по двум специализациям: историк-педагог, историк-исследователь. О качестве подготовки специалистов свидетельствует тот факт, что шесть студентов проходили стажировку в Калифорнийском государственном университете (США, Сакраменто), двое из них защитили магистерские диссертации, несколько человек обучались в Открытом европейском университете. Ежегодно студенты принимали участие в региональных конференциях, получая высокие оценки за результаты научной деятельности. Более 50% дипломных работ защищались на основе научно-исследовательских изысканий.

В 1990-е годы преподаватели факультета истории и философии защитили две докторские и четыре кандидатские диссертации, что позволило значительно повысить качество обучения, открыть аспирантуру по философии, всеобщей истории, археологии (аспирантура по отечественной истории была открыта в 1986 г.).

Особый вклад в развитие факультета внесли профессора Э.В. Ермакова, Э.В. Шавкунов, В.В. Совастеев, Д.Л. Бродянский, принимавшие активное участие в разработке новых учебных курсов, организации международных конференций, получивших признание за рубежом.

Нельзя не упомянуть профессоров И.И. Глущенко, К.Ф. Лыкова, С.В. Плохих, Е.А. Лыкову, А.А. Биневского, Р.М. Самигулина, Н.А. Троицкую, Г.П. Куликова, доцентов В.Н. Кравцова, Ю.И. Курбатова, Л.А. Демченко, С.М. Дударёнок, Г.А. Казачун, Н.Л. Малинину, И.К. Авилову, старших преподавателей А.П. Ботнаря, А.А. Щербину, Л.Л. Столетневу, чей жизненный опыт, знание традиций высшей школы, высокий профессионализм оказали решающее влияние на развитие гуманитарных наук в ДВГУ, прежде всего в структуре факультета истории и философии.

Традиции исторического образования, сбалансированный кадровый состав позволили в то непростое время полностью переработать учебные курсы, программы семинаров, учебных и производственных практик.

Особое внимание коллектив факультета уделял вопросам методологии исторической науки, внедряя в учебный процесс новые подходы к изучению проблем отечественной и всеобщей истории.

С 1992 г. исторический факультет получил возможность знакомиться с опытом подготовки историков за рубежом. Именно тогда был заключен договор о сотрудничестве, во многом благодаря помощи А.В. Александрова, с Калифорнийским университетом (Сакраменто, США), что позволило шести нашим студентам получить международные сертификаты в 1993 г. В 1996 г. кафедра археологии, этнографии, истории мировой культуры выиграла грант на стажировку в Мэрилендский университет (США), где преподаватели и студенты получили благожелательные отзывы зарубежных коллег по итогам командировки. В 1990-е годы профессор *Галина Ивановна Каневская* установила связи с университетами Австралии, КНР, активно занимаясь проблемами русской эмиграции.

В 1992-1997 гг. были заключены договоры о сотрудничестве с Российским государственным историческим архивом Дальнего Востока, школами Владивостока, Высшим колледжем корееведения, что, несомненно, способствовало повышению качества образования и предоставило возможности для прохождения практик студентам-историкам и получения ими дополнительных знаний.

При госаттестации ДВГУ в 1998 г. эксперт Министерства образования и науки указал, что при наличии профильных факультетов выпускники Истфака 1960-1980-х годов, кроме своего, возглавляют пять других факультетов вуза (журналистики, политических наук, экономический, социального менеджмента, менеджмента и бизнеса), за пределами своего факультета являются руководителями восьми кафедр. При этом как положительный момент отмечался высокий уровень подготовки историков и как недочет - отсутствие среди руководителей указанных структур лиц с базовым образованием. Показательно и то, что именно Истфак во многом явился основой для открытия в ДВГУ в 1990-е годы новых гуманитарных специальностей.

В последующие годы названия факультета неоднократно менялись - историко-филологический, историко-правовой, исторический, истории и философии. С 2000 г. исторический факультет входит в структуру Института истории и философии, а с 2007 г. в Институт истории, философии и культуры ДВГУ. В 2010 г. в результате объединения четырех ведущих вузов Дальнего Востока - Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ), Тихоокеанского государственного экономического университета (ТГЭУ) и Уссурийского государственного педагогического института (УГПИ) - был сформирован Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), и с этого времени историческое образование реализуется в Школе гуманитарных наук ДВФУ, в 2018 г. Школа гуманитарных наук ДВФУ была преобразована в Школу искусств и гуманитарных наук.

На базе кафедры Отечественной истории и архивоведения до последнего времени работали два научно-образовательных центра (НОЦ): «Российский Дальний Восток в истории и культуре стран Азиатско-Тихоокеанского региона» и «Религия в истории и куль-

туре стран Азиатско-Тихоокеанского региона», созданные приказом ректора ДВГУ в 2010 г. Руководителем НОЦ являлась зав. кафедрой Отечественной истории и архивоведения д.и.н., профессор С.М. Дударёнок.

В рамках работы НОЦ кафедра Отечественной истории и архивоведения в тесном сотрудничестве с ИИАЭ ДВО РАН провела ряд значимых международных и региональных научных мероприятий. Среди них: Международная научная конференция «Гражданская война и иностранная интервенция на Российском Дальнем Востоке: уроки истории», посвященная 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции (Владивосток, 25-27 октября 2012 г.); Международный научно-исследовательский семинар «Актуальные проблемы гуманитарных наук и образования в социокультурном пространстве АТР» (Владивосток, 15 ноября 2013 г.); Круглый стол «Национально-государственное строительство СССР: уроки истории», посвященный 90-летию образования СССР (Владивосток, 21 декабря 2012 г.); Международная научная конференция «Историческое образование на российском Дальнем Востоке: проблемы преподавания истории на современном этапе», посвященная 95-летию высшего исторического образования на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 18-19 ноября 2013 г.); Международная научная конференция «Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее Русской эмиграции» (Владивосток, 6-8 октября 2014 г.); Международный научный семинар «Религия в современном мире» (Владивосток, 17-19 июня 2014 г.); Международный форум «Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение», посвященный 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Владивосток, 19-21 октября 2015 г.); Круглый стол, посвященный 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной Думы (Владивосток, 27-28 апреля 2016 г.); Вторая Международная научная конференция «Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее Русской эмиграции» (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.).

В рамках работы НОЦ «Религия в истории и культуре стран Азиатско-Тихоокеанского региона» вышли в свет ряд справочных и монографических исследований, в которых рассматриваются роль и место религии в истории и культуре российского Дальнего Востока и стран АТР.

Наиболее успешным проектом НОЦ «Российский Дальний Восток в истории и культуре стран Азиатско-Тихоокеанского региона» была подготовка и издание учебного пособия для студентов высших учебных заведений «История Дальнего Востока России». Данное учебное пособие заинтересовало наших зарубежных коллег. В 2015 г. оно было переведено на корейский язык и стало использоваться в Республике Корея в учебном процессе.

Нам представляется, что региональная история должна оставаться приоритетным направлением исторических исследований в любом региональном вузе. Для российского Дальнего Востока это является особо актуальным при наличии двух мощных историографических школ - японской и китайской, которые подогревают в сознании своих граждан «справедливость» территориальных претензий к РФ со стороны Японии и убежденность граждан КНР в «несправедливости» Пекинского договора. Однако нынешняя ориентация руководства Департамента истории и археологии ШГН ДВФУ на изучение истории России и российского Дальнего Востока в контексте истории стран АТР (по их мнению, Россия - часть АТР и собственной истории она не имеет) привело к тому, что слово «Россия» или словосочетание «российский Дальний Восток» были просто убраны из перечня приоритетных направлений научных исследований историков ДВФУ, что, по нашему мнению, является не просто неправильным, но политически вредным. В ходе реализации реформы высшего образования возникает много проблем, которые порождаются активизацией бюрократической надстройкой «совершенно оторванного от содержания и преподавательского, и научного труда работников» [20].

В таких условиях отношения к истории Дальнего Востока в контексте российского исторического процесса возникающие пробелы восполняют труды сотрудников ИИАЭ ДВО РАН. Особое значение для образовательного процесса имеют фундаментальные тру-

ды сотрудников этого института, а также публикации журнала «Россия и АТР» [см.: 21], авторами которых являются историки - выпускники Университета.

Историческое образование на Дальнем Востоке в начале XXI в.

С начала непрерывного исторического образования в регионе (1943 г.) Университетом подготовлено около 4,8 тыс. специалистов, занятых в сфере образования и науки, а также в органах государственного и муниципального управления, ФСБ, МВД и т.д., в том числе в стенах вуза в 2013-2014 гг. получили историческое образование 82 специалиста и 10 магистрантов, в 2015-2016 гг. 65 чел. получили дипломы бакалавров, 43 чел. защитили магистерские работы. Из числа выпускников Истфака 1960-1980-х годов каждый пятый стал кандидатом или доктором наук, в том числе философских, социологических, экономических, политических, педагогических и др. Более 80% сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН - выпускники нашего Истфака!

Сегодня историки, преподаватели истории и обществоведения разбрелись по разным городам и селам, по школам, вузам; некоторые, добросовестно отработав в школах по распределению, затем пошли трудиться кто в органы власти, архив, кто в картинную галерею. Исторический факультет в вузе советского типа дал всем им не только базовое образование, но и нравственную закалку, чтобы они стали профессионалами каждый на своем месте. В истории становления и развития исторического образования воедино слились прошлое, настоящее и будущее.

Мы благодарны прошлому, в котором закладывались традиции исторического образования. Мы благодарны настоящему, которое дало могучий импульс развитию исторического образования и исторической науке. Мы входим в будущее с большим потенциалом в области учебной и научной деятельности.

Департамент истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук (ШИГН) ДВФУ, где в настоящее время реализуется подготовка студентов по направлению «история», - наследник исторических кафедр и исторических традиций частного историко-филологического факультета, ГДУ, ВГПИ, ДВГУ.

В структуру Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, помимо Департамента истории и археологии, входят три научных центра: Центр археологических исследований «Бохай», Дальневосточный Центр изучения США и Канады, Центр исследования миграционных процессов на Дальнем Востоке России и в странах АТР.

Образовательный процесс по направлению «история», реализуемый в ШИГН, имеет три уровня подготовки: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Направление подготовки бакалавров 46.03.01 «История», профиль «История России» и магистров 46.04.01, магистерская программа «История российского Дальнего Востока и историографические аспекты ее изучения» в 2015 г. первыми в Российской Федерации прошли международную аккредитацию. Теперь наши дипломы признаются в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна!

В Дальневосточном федеральном университете действует диссертационный совет по защита диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук по специальности 07.00.02 - «Отечественная история» и 07.00.03 - «Всеобщая история» (шифр диссовета - Д 212.056.19), а в Школе искусств и гуманитарных наук - аспирантура и докторантура по направлению «исторические науки и археология», а также функционирует журнал «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке», входящий в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций. В 2014 г. в ШИГН создано региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории, а в 2016 - Региональное отделение Российского исторического общества.

С целью повышения качества подготовки историков ШИГН ДВФУ активно сотрудничает с академическими структурами: Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), Институтом археологии и этнографии

Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Институтом всеобщей истории РАН (Москва), с журналом «Вопросы философии» Президиума РАН (Москва) и др.

В Школе искусств и гуманитарных наук ДВФУ три исторические магистерские программы: «История российского Дальнего Востока и историографические аспекты ее изучения», «Археология» и «Антропология стран Азиатско-Тихоокеанского региона».

Преподаватели-историки ДВФУ стремятся к тому, чтобы исторические знания были востребованы среди молодежи, участвуют в ряде ежегодных проектов. Это мастер-классы для учащихся 9-11 классов средних школ г. Владивостока, предметные олимпиады по истории, в том числе проведение финального тура Всероссийской олимпиады школьников «Ломоносов» (с 2009 г.), в которой ДВФУ выступает в качестве региональной площадки; ежегодной олимпиады школьников «Океан знаний»; научно-практические конференции, конкурсы, семинары, тематические вечера с учащимися общеобразовательных школ г. Владивостока («Моя страна - моя Россия: истории российской государственности посвящается...»); организация постоянно действующей экспозиции, рассказывающей о ДВФУ и об обучении на направлении подготовки «история», в частности при проведении регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников «Российский интеллект» в ВДЦ «Океан»; организация и проведение на площадках ДВФУ Всероссийского фестиваля науки; проведение учебно-тренировочных сборов для учащихся 8-10 классов образовательных учреждений г. Владивостока; проведение курсов повышения квалификации для учителей города и края и др.

Научные конференции для исторического факультета всегда были традицией, «связующим звеном» между разными поколениями историков. В конференциях, проводимых историками ДВФУ, принимают участие выпускники исторического факультета разных лет, состоявшиеся исследователи и начинающие историки - магистранты и аспиранты. Наши выпускники приезжают в свою alma mater из многих концов страны и из-за рубежа, они помнят и любят свой Истфак, который дал им путевку в жизнь.

Празднуя свой столетний юбилей исторического образования в ДВФУ, мы вспоминаем о тех, кто создавал исторический факультет, ставший одним из ведущих исторических факультетов нашей страны и кузницей кадров для всего Дальнего Востока. Праздник - это минутная остановка, как говорил великий российский историк В.О. Ключевский, чтобы осмотреться, перевести дух, оглянуться на пережитое, сосчитать прожитые годы и проверить направление движения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Терехов А.Н. Система исторического образования в России: специфика эволюции в XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. - 2009. - № 1(17). - С. 51-61.
2. Богуславский М.В. Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы современного образования. - 2010. - № 1. - С. 34-44.
3. Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли. - М., 1995. - С. 74.
4. Ермакова Э.В. Становление исторического и филологического образования на Дальнем Востоке // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции 4-5 марта 2003 г. Часть 1. Сборник трудов Института истории и философии ДВГУ: Мат-лы науч. конф. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. - 508 с.
5. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899-1989. - Владивосток, 1999. - 628 с.
6. Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899-2008 / С.М. Дударёнок, Э.В. Ермакова, Е.А. Поправко, И.К. Капран и др. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. - 584 с.
7. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922: Дис. ... канд. ист. наук. - СПб., 2014.
8. Гришаев О.В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 - начале 1930-х годов // Научные ведомости Белгородского государственного университета.

- Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. - 2014. - № 15 (186). Вып. 31. - С.144-152.
9. Ермакова Э.В. Указ. соч. - С. 8.
 10. Самигулин Р.М. Частный историко-филологический факультет: У истоков становления профессионального исторического образования на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - 2013. - № 5. - С. 21-25.
 11. Ермакова Э.В. Указ. соч.
 12. Самигулин Р.М. Указ. соч. - С. 23.
 13. Макаренко В.Г. К 40-летию Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН // Вестник ДВО РАН. - 2011. - № 1.
 14. Воспоминания В. Малаховой (выпуск 1972 г.). К столетию исторического образования на Дальнем Востоке // Личный архив А.С. Ващук.
 15. Макаренко В.Г. Указ. соч.
 16. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. - 704 с.
 17. Воспоминания В. Малаховой. Указ. соч.
 18. Воспоминания П. Сейко. К 100-летию исторического образования // Личный архив А.С. Ващук.
 19. Артемьева Н.Г. Жизнь, связанная с археологией // Россия и АТР. - 2011. - № 2. - С. 46-47.
 20. Куликов Г.П., Крупянко А.А. Об образовательной реформе: взгляд дальневосточников // Новое прошлое. - 2015. - № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obrazovatelnoy-reforme-vzglyad-dalnevostochnikov> (дата обращения: 10.07.2018).
 21. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2011-2015 гг.: библиогр. указ. - Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. - 336 с.

REFERENCES

1. Terehov A.N. Sistema istoricheskogo obrazovaniya v Rossii: specifika jevoljucii v XX v. [Terekhov A.N. A System of historical education in Russia: specific character in the 20th century]. The Vestnik Cheliabinskogo gosudarestvennogo universitetf Akademii kul'tury I iskusstva. 2009. No. 1(17). Pp. 51-61. (In Russ.).
2. Boguslavskij M.V. Problemy reformirovaniya rossijskogo obrazovaniya (istoriko-pedagogicheskij kontekst) [Boguslavsky M.V. Problems of reforming Russian education (historical-pedagogical context)]. Problemy sovremennogo obrazovaniia. 2010. No. 1. Pp. 34-44. (In Russ.).
3. Prjanikova V.G., Ravkin Z.I. Istorija obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli. [Priatkina V.G., Ravkin Z.I. A History of education and pedagogical thought]. M.: 1995. P. 74. (In Russ.).
4. Ermakova Je.V. Stanovlenie istoricheskogo i filologicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke [Ermakova E.V. Formation of historical and philological education in the Far East]. 85 let vysshemu istoricheskomu i filologicheskomu obrazovaniju na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferencii 4-5 marta 2003 g. Chast' 1. Sbornik trudov Instituta istorii i filosofii DVGU. Materialy nauchnoj konferencii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2003. 508 p. (In Russ.).
5. Istorija Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentah i materialah. 1899-1989 [A History of the Far East State University in documents and materials. 1899-1989]. Vladivostok, 1999. 628 p. (In Russ.).
6. Professora Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija i sovremennost'. 1899-2008. S.M. Dudarjonok, Je.V. Ermakova, E.A. Popravko, I.K. Kapran i dr. [Professors of the Far Eastern State University. History and Today. 1899-2008. S.M. Dudarynok, E.V. Ermakova, E.A. Popravko, I.K. Kapran and others]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 584 p. (In Russ.).
7. Krivonozhenko A.F. Petrogradskij universitet v 1917-1922: Dis. ... kand. ist. nauk [Krivshenko A.F. Petrogradsky University in 1917-1922. Master's thesis]. SPb., 2014. (In Russ.).
8. Grishaev O.V. Istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaja nauka v SSSR v konce 1920 - nachale 1930-h godov [Grishaev O.V. Historical education and historical science in the USSR at the late 1920s - the early 1930s]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 2014. No. 15 (186). Vyp. 31. Pp. 144-152. (In Russ.).
9. Ermakova Je.V. Ukaz. soch. S. 8. [Ermakova E.V. Op. cit. P. 8]. (In Russ.).
10. Samigulin R.M. Chastnyj istoriko-filologicheskij fakul'tet: U istokov stanovleniya professional'nogo istoricheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke [Samigulin R/M/ A Private historical-philological faculty: at the roots of forming professional historical education in the Far East]. Gumanitarnye issledovaniya v vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostok. 2013. No. 5. Pp. 21-25. (In Russ.).

11. Ermakova Je.V. Ukaz. Soch [Ermakova E.V. Op.cit.]. (In Russ.).
12. Samigulin R.M. Ukaz. soch. S. 23. [Samigulin R.M. Op. cit. P. 23]. (In Russ.).
13. Makarenko V.G. K 40-letiju Instituta istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Makarenko V.G. To the 40th anniversary of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS]. Vestnik DVO RAN. 2011. No. 1. (In Russ.).
14. Vospominaniya V. Malahovoj (vypusk 1972 g.). K stoletiju istoricheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke [The Memoirs by V. Malakhovoi (issue 1972). To the centenary of historical education in the far East]. Lichnyj arhiv A.S. Vashhuk. (In Russ.).
15. Makarenko V.G. Ukaz. soch. [Makarenko V.G. Op.cit.] (In Russ.).
16. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899-1999 [Far Eastern state university. History and today]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 1999. 704 p. (In Russ.).
17. Vospominaniya V. Malahovoj. Ukaz. soch. [The Memoirs by V. Malakhovoi. Op. cit.]. Lichnyj arhiv A.S. Vashhuk. (In Russ.).
18. Vospominaniya P. Sejko. K 100-letiju istoricheskogo obrazovaniya [The Memoir by H. Seiuko. To the Centenary of historical education]. Lichnyj Arhiv A.S. Vashhuk.
19. Artem'ev N.G. Zhizn', svyazannaya s arheologiej [Artem'eva N.G. A life being connected with archaeology]. Rossiya i ATR. 2011. № 2. Pp. 46-47. (In Russ.).
20. Kulikov G.P., Krupjanko A.A. Ob obrazovatel'noj reforme: vzglyad dal'nevostochnikov. [Kulikov G.P., Krupjanko A.A. About educational reform: a fareasterners']. Novoe proshloe 2015. №2. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obrazovatelnoy-reforme-vzglyad-dalnevostochnikov> (accessed: 10.07.2018). (In Russ.).
21. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2011-2015 gg.: bibliogr. Ukaz [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East]. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2017. 336 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, г. Владивосток, Россия
va_lina@mail.ru

Дударенок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Получена: 15.08.2018

Для цитирования: Вашук А.С., Дударенок С.М. Историческое образование на Дальнем Востоке России: этапы столетнего пути. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.67-82.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-67-82.

Information about the authors:

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
va_lina@mail.ru

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Received: 15.08.2018

For citation: Vashchuk A.S., Dudaryonok S.M. Historical education in the Russian Far East: stages of the centenary way. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 67-82. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-67-82. (in Russ)

УДК 316.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105

ДЫБОВСКИЙ Александр Сергеевич
Осакий университет
Осака. Япония
aledybo@gmail.com

Alexander S. DYBOVSKY
Osaka University
Osaka. Japan
aledybo@gmail.com

**АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ (1851-1920)
И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
РОССИИ**

**ALEXEY M. POZDNEEV (1851-1920) AND
RUSSIAN PRACTICAL ORIENTAL STUDIES**

В контексте геополитической стратегии Российской империи во второй половине XIX - начале XX в. в статье рассматривается деятельность А.М. Позднеева как организатора и руководителя Восточного института во Владивостоке и Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в Санкт-Петербурге. В конце XIX в. по инициативе прозорливой имперской бюрократии в лице С.Ю. Витте, Н.П. Боголепова и прочих была поставлена государственная задача - организовать подготовку специалистов для административных и торгово-промышленных учреждений России, знающих языки, особенности жизненного уклада и хозяйственной деятельности стран Ближнего и Дальнего Востока. Основная тяжесть воплощения в жизнь вышеуказанной государственной задачи легла на плечи профессора Санкт-Петербургского университета, доктора монгольской словесности А.М. Позднеева. Под его руководством небольшой группой молодых талантливых выпускников петербургского университета во Владивостоке на рубеже веков был создан Восточный институт, ставший уникальной Школой практического востоковедения, совершившей прорыв в организации востоковедного образования и научных исследований. В статье раскрываются основные направления новаторской деятельности указанной Школы и ее роль в создании современного российского востоковедения. На основе анализа разнообразных архивных материалов и публикаций «Известий Восточного института» подробно описывается роль А.М. Позднеева как идеолога, промоутера и многолетнего руководителя Школы. К статье прилагается перечень основных трудов А.М. Позднеева, составленный Т.В. Поликарповой.

The present paper provides an overview of extensive activities in the field of education of A.M. Pozdneev - a founder and head of Oriental Studies Institute in Vladivostok and Practical Oriental Academy under the Imperial Society of Oriental Studies in St. Petersburg. The founding of the two major academic centers of oriental studies in imperial Russia was of a crucial importance for the geopolitical strategy of the Russian Empire in the second half of the 19th - early 20th centuries, and it is within this historical context that the significance of the activities of A.M. Pozdneev is analyzed here. At the end of the 19th century, foresighted imperial government officials (namely, S. Yu. Vitte and N. P. Bogolepov among others) set a task to train specialists in living languages, economics and everyday life of countries of the Middle East and the Far East. Russian imperial officials realized the importance of training the necessary staff for a broad variety of administrative, commercial and industrial institutions of Asian part of Russia and neighbor-states. The main burden of the implementation of the above-mentioned task set by the State fell on a Professor of the St. Petersburg University, Doctor of Mongolian Literature, A.M. Pozdneev. In the beginning of the 20th century, under Pozdneev's guidance, a group of young, talented graduates of St. Petersburg University in Vladivostok's Oriental Studies Institute revolutionized the organization of Oriental Studies education and research, and made an invaluable contribution to the development of Russian scholarship on the East Asia. The present article reveals the main directions of innovative activities and academic achievements of the School of Practical Oriental Studies in Vladivostok and St. Petersburg and its role in the establishment of the field of modern Russian oriental studies. The role of A.M. Pozdneev as an ideologist, promoter, and the leader of the Russian School of Practical Oriental Studies is described in detail on the basis of the analysis of a wide variety of archival materials and the Oriental Studies Institute reports. A list of the main works of A.M. Pozdneev compiled by T.V. Polikarpova is provided.

Ключевые слова: А.М. Позднеев, Восточный институт, Практическая восточная академия, история российского востоковедения, практическое востоковедение

Keywords: A.M. Pozdneev, Oriental Studies Institute, Practical Oriental Academy, History of Russian Oriental Studies, Practical Oriental Studies

Введение

В последние годы появился целый ряд публикаций о первом директоре Восточного института, докторе монгольской словесности, тайном советнике (1905) Алексее Матвеевиче Позднееве. А.Н. Хохлов (1994) на архивных документах показал роль А.М. Позднеева в создании Восточного института во Владивостоке, описал основные достижения его научной, учебной, административной, а также исследовательской деятельности [38]. В

посмертной публикации Н.П. Шастиной (2003), подготовленной к печати А.Г. Садыкиным для сборника Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, посвященного 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева, прослеживается жизненный путь А.М. Позднеева, даются краткое описание его монгольских и калмыцких экспедиций и критический разбор его основных трудов; оценивается вклад ученого в развитие отечественного востоковедения [39]. В нескольких публикациях О.Н. Полянской (2011, 2014, 2016) раскрываются заслуги Алексея Матвеевича Позднеева как выдающегося монголоведа и создателя практического монголоведения, выявляется его место в истории отечественного востоковедения, описывается содержание его основных трудов и их значение, кратко рассматривается административная и учебная деятельность А.М. Позднеева в Восточном институте и Практической восточной академии [26; 27; 28; 29; 30]. Нам представляется, что в вышеупомянутых публикациях недостаточно раскрыты роль А.М. Позднеева как идеолога практического востоковедения России, а также место Алексея Матвеевича и Владивостокской школы практического востоковедения в истории развития современного российского востоковедения. Выяснению этих вопросов и посвящена наша статья.

1. Практическое востоковедение на службе имперской геополитики

Следуя природе русской экспансии, а также мировым геополитическим трендам эпохи, во второй половине XIX в. Российская империя существенно расширила свои владения, включив в свой состав малозаселенные и слабо освоенные территории южного Казахстана, Киргизии и Туркестана. Конец XIX в. ознаменовался активизацией империалистической политики «великих держав», а также одержавшей победу в войне с Китаем в 1894-1895 гг. Японией. Главным объектом империалистической экспансии и местом столкновения интересов «великих держав» стал Китай. Усилилось соперничество между Россией и Японией за политическое господство в Корее.

После присоединения к России по Айгунскому договору (1858) и Пекинскому трактату (1860) Амурского края (в который в конце XIX в. включались нынешние территории Амурской области, Приморского края, южной части Хабаровского края, а также остров Сахалин, Еврейская автономная область и северная часть Маньчжурии [15]) активизировалась дальневосточная политика России, целью которой стали продолжение наращивания военного и экономического присутствия России в Цинском Китае в соответствии с договором 1896 г., борьба за влияние в Корее и Монголии в условиях жесткой конкуренции со стороны Великобритании и других «великих держав», а также все более усиливающейся Японии. По мере роста протяженности Ташкентской железной дороги и налаживания Великого Сибирского пути, включая строительство КВЖД, еще более, чем раньше, «на окраинах России... ощущалась необходимость иметь практических знатоков Востока: толмачей, учителей, таможенников, судей, военных...» [10, с. 62].

Для решения государственных задач организации жизни новых земель, обустройства границ и развития отношений с соседними государствами важным вопросом стала подготовка специалистов, владеющих языками восточных окраин и сопредельных с Россией государств и знающих географию, экономику, политику, законодательство, особенности жизненного уклада и быта соответствующих стран и народов. Поскольку ни Академия наук, ни имевшиеся университеты России не были готовы к преподаванию живых восточных языков и особенностей жизни обществ соседних стран Ближнего и Дальнего Востока, это требовало новых подходов к организации образования и науки. Усилиями прозорливых лиц из числа имперской бюрократии для решения вышеназванной государственной задачи во Владивостоке 21 октября 1899 г. был открыт Восточный институт, провозгласивший своей целью «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточноазиатской России и прилежащих к ней государств» [8, с. 81]. Его директором, а также преподавателем монгольского и маньчжурского языков, истории и географии Монголии был назначен «ведущий монголовед России» (О.Н. Полянская) А.М. Позднеев, который в 1876 г. окончил Санкт-Петербургский университет по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду и с 1884 г. работал на кафедре монгольской словесности вышеназванного университета. Алексей

Матвеевич «был знатоком разговорного и литературного монгольского языка, монгольской истории и литературы, автором фундаментальных исследований в этой области. Его работы... внесли весомый вклад в ориенталистику» [29, с. 50].

В соответствии с «Положением о Восточном институте» обучение в нем длилось четыре года (на первом курсе все слушатели из восточных языков изучали только китайский); общими для всех слушателей были 14 предметов: 1) богословие, 2) китайский язык, 3) английский язык, 4) французский язык, 5) общий курс географии и этнографии Китая, Кореи и Японии с общим обзором их политического устройства и религиозного быта, 6) политическая организация современного Китая и обзор его товаро-промышленной деятельности, 7) новейшая история (XIX в.) Китая, Кореи и Японии в связи с историей сношений России с этими странами, 8) коммерческая география Восточной Азии и история торговли Дальнего Востока, 9) политическая экономия, 10) международное право, 11) обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав, 12) основы гражданского и торгового права и судопроизводства, 13) счетоводство, 14) товароведение [8, с. 81]. Специальные предметы варьировали следующим образом: «1) на китайско-японском отделении: японский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Японии; 2) на китайско-корейском: корейский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Кореи; 3) на китайско-монгольском: монгольский язык и обзор политического и экономического строя Монголии, с выяснением значения для него ламанизма и обзор торгово-промышленной деятельности этой страны; 4) на китайско-маньчжурском отделении: маньчжурский язык и обзор политического и экономического строя и торгово-промышленной деятельности современной Маньчжурии» [8, с. 82].

Изначально в составе Восточного института было четыре отделения (китайско-маньчжурское, китайско-монгольское, китайско-японское и китайско-корейское) и семь кафедр (китайской, японской, корейской, монгольской и маньчжурской словесности, историко-географических, юридических и экономических наук), которые заполнялись по мере привлечения необходимого персонала. Институт начал свою деятельность в составе трех и.д. профессоров во главе с директором, А.М. Позднеевым, который был к этому времени ординарным профессором Петербургского университета. К началу второго года в штате состояло тринадцать человек (преподавателей богословия - 1, профессоров - 1, и.д. профессоров - 5, преподавателей - 1, лекторов новых языков - 1, лекторов восточных языков - 4) [31, с. 83], а к 1 января 1910 г. преподавательский состав увеличился до 23 лиц (законоучитель - 1, профессоров - 2, и.д. профессоров - 5, преподавателей - 2, лекторов новых языков - 3, лекторов восточных языков - 10) [19, с. 7].

Примерно через год и три месяца после учреждения Восточного института в Санкт-Петербурге в небольшом помещении (по улице Николаевская, 7) при Императорском обществе востоковедения¹ 15 января 1901 г. были открыты Курсы восточных языков (первоначально были организованы занятия по языкам - персидскому (преподавал А.Ф. Гильфердинг), турецкому и японскому (преподавал И. Курино), на которые записалось 13 слушателей [24, Л. 2]). Вышеупомянутое Общество поставило «своею задачею сближение России с Востоком» и с первых лет своего существования стремилось к распространению в русском обществе знаний о современном Востоке [23, Л. 3].

В 1906 г. Курсы восточных языков были преобразованы в Курсы востоковедения, которые предназначались не только для практического изучения восточных языков, но также и для изучения соответствующих стран и «имели целью практическую подготовку лиц для службы на Ближнем и Дальнем Востоке» [24, Л. 2]. Их прототипом, кроме владивостокского Восточного института, стала Восточная семинария в Берлине, дававшая своим слушателям возможность приобрести теоретические познания живых восточных языков в соединении с практическими упражнениями в разговоре, а также необходимые сведения о современном быте стран изучения [23, Л. 8]. Как и Восточный институт

¹ Создано 29 февраля 1900 г. по инициативе О.С. Лебедевой, ставшей в нем первым преподавателем турецкого языка и почетным его председателем. См., например: [17].

во Владивостоке, курсы преследовали практические цели и доставляли «своим слушателям, во-первых, учение по новейшей истории и современному политическому состоянию той или другой страны, а, во-вторых,... знания именно живых, как образцово литературного, так и разговорного, языков каждой из восточных стран, подлежащих изучению» [23, Л. 8]. Директором курсов и преподавателем монгольского языка был назначен упомянутый выше А.М. Позднеев (являвшийся после ухода с поста директора Восточного института членом Совета министра народного просвещения); ученым секретарем и преподавателем китайского языка стал приват-доцент А.И. Иванов [24, Л. 3].

С 1906 по 1908 г. на курсах преподавалось четыре языка - китайский, монгольский, персидский и японский. В 1909/1910 учебном году к ним добавился турецкий, были готовы к открытию кафедры арабского, болгарского и сербского языков, а общее число слушателей составило 95 человек [24, Л. 4]. За два выпуска - 1908 и 1909 гг. - курсы окончили девять слушателей, из которых пять человек были студентами Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета [24, Л. 4].

12 января 1909 г. Курсы востоковедения были преобразованы в Практическую восточную академию, которой в 1909/1910 учебном году удалось набрать 44 новых слушателя: на китайское отделение - 5, японское - 18, монгольское - 2, персидское - 10, балканское (турецкий, болгарский, сербский языки) - 9 человек [24, Л. 6].

Как видим, масштаб деятельности рассмотренных учебных заведений был невелик, однако они были жизненно необходимы для осуществления азиатской политики России. В инициативе создания вышеназванных учебных заведений и в организации их работы были видны имперские императивы - потребность воспитания необходимого персонала для продвижения «русского дела» (С.Ю. Витте) - читай: российской политики империалистической экспансии - на Ближнем и Дальнем Востоке.

2. *Некоторые особенности организации научной и учебной работы Восточного института и Практической восточной академии*

Работа Восточного института была организована в соответствии с Положением о Восточном институте и Инструкцией в дополнение к Положению о Восточном институте в городе Владивостоке [8]. Настоящая инструкция определяла компетенцию и обязанности всех должностных лиц Восточного института, от директора до технических работников, а также и компетенцию Конференции Восточного института, которая и стала главным центром учебно-методической работы института. Конференция занималась распределением по курсам изучаемых предметов, устанавливала последовательность их изучения, расписание занятий, перечень тем ежемесячно представляемых студентами письменных работ, утверждала темы ежегодных сочинений на соискание студентами медалей, назначала предметы проверочного испытания абитуриентов при определении состава стипендиатов института, принимала решения об использовании учебных пособий и других учебных материалов и т.д. Однако наиболее важные вопросы - формирование штата сотрудников института и его финансирование, изменение учебного плана или характера специализации студентов, соединение или разделение кафедр, принятие мер к временному обеспечению преподавания по вакантным кафедрам, ходатайства об учреждении в институте ученых обществ, предложения по улучшению учебно-воспитательных установлений и т.д. - представлялись на утверждение министра народного просвещения Российской империи.

Основу учебно-методической концепции Восточного института составляла практическая направленность подготовки слушателей. Перед институтом ставилась задача «основательно ознакомлять слушателей как с естественным положением и экономическими условиями жизни, так и с правовыми отношениями различных государств Восточной Азии» [32, с. 4]. В дополнение к соответствующим курсам по географии и экономике, правовому и политическому устройству изучаемых государств уже на втором году существования Восточного института (в 1900/1901 учебном году) в нем «открылся курс новейшей истории Китая, Кореи и Японии», центральной проблемой которого стало столкновение европейской и местных культур на фоне политики западных стран в Восточной Азии [32,

с. 5]. В курсе географии стран Восточной Азии помимо общей характеристики каждой страны особенно подробная информация предоставлялась по тем провинциям и городам, которые имели значение для европейцев, давалось детальное описание морских, речных и континентальных путей сообщения [32, с. 5]. Даже в курсе богословия в версии первого законоучителя института - настоятеля Владивостокского кафедрального собора, протоиерея А.И. Муравьева - содержалась практически необходимая студентам культурологическая информация по истории важнейших мировых религий, а также информация о деятельности русской православной церкви за рубежом [8, с. VII-XI].

Практический характер образования заключался и в обучении студентов и слушателей Восточного института живым языкам изучаемых стран и народов во всем разнообразии их диалектов и функциональных стилей литературных языков с образцами разговорной и историко-повествовательной речи, примерами частной переписки, текстов официальных бумаг, дипломатического, административного, гражданского, уголовного делопроизводства с выработанными обычаями той или иной страны формами разного рода коммерческих актов, торговой корреспонденции [32, с. 5].

Стремление обучить своих студентов и слушателей владению живыми языками народов сопредельных с Россией государств для практической работы в них естественно привело Конференцию Восточного института к необходимости пересмотра традиционного метода преподавания иностранных языков, на который большое влияние оказало изучение классических текстов на мертвых языках (латыни, древнегреческом, санскрите, старославянском и прочих). Вопросы методики преподавания иностранных языков неоднократно поднимаются Конференцией, и уже в первые годы существования Института формулируется идея о необходимости активизации деятельности обучаемых и сокращения количества «сухого грамматического материала» за счет увеличения количества практических занятий [20, с. 67-68]. К разъяснению грамматики преподаваемых в институте языков было решено идти от практики владения языком, причем изучение языка должно было осуществляться при помощи текстов, из которых можно было получить разнообразные сведения лингвострановедческого характера, дающие слушателям представление о стране изучаемого языка. В Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1901 год эти идеи были сформулированы следующим образом: «Главное внимание профессоров восточных языков было обращено на то, чтобы студенты, приступающие к изучению нового языка, не обременялись массой теоретических данных, а чтобы с первых же шагов могли связать несколько слов в целое предложение, освоили бы себе как можно более разговорных оборотов и путем чтения специальных текстов чисто практического и притом современного характера - в возможной полноте еще в стенах института ознакомились с основными чертами быта и социальных отношений в изучаемой стране» [20, с. 68]. Таким образом, изучение языка с самого начала связывалось с задачами изучения реальностей быта и культуры соответствующих стран.

В условиях отсутствия технических аудио-лингвальных средств обучения формирование штата квалифицированных лекторов по иностранным языкам, являвшихся естественными носителями изучаемых в Институте языков, стало важным направлением деятельности Восточного института, способствовавшим повышению уровня преподавания иностранных языков в нем. По Положению о Восточном институте (ст. 20) должности «лекторов-туземцев» учреждались на каждой из пяти языковых кафедр института. Первоначально договор с лектором носил форму контракта, в котором оговаривались условия его работы, которая строилась так, чтобы лектор в течение всего дня «всецело принадлежал студентам» [21, с. 84]; впоследствии деятельность лекторов была регламентирована соответствующим положением.

Практическая направленность обучающей системы Восточного института не превратила его в школу переводчиков, которые существовали в России ранее (новейшее фундаментальное исследование в этой области, касающееся восточных языков, - [1]). Важной задачей обучения в институте являлось также научить студентов анализировать имеющиеся в их распоряжении материалы, критически относиться к приобретенным сведениям, самостоятельно писать научные работы [33, с. 12].

Большое внимание уделялось и научному изучению стран Восточной Азии, которое большей частью также носило прикладной характер, что достигалось в первую очередь благодаря требованию изучения современного состояния стран Восточной Азии, их географии, развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта, этнических и политических особенностей, торгово-производственной деятельности, религиозных верований, языков и культур.

Теоретическим вопросам посвящались и ежемесячные письменные работы и отчеты учащихся о летних экспедициях (из-за написания которых начало занятий на старших курсах отсрочивалось на месяц). В Записке о состоянии института за 1899/1900 академический год об исследовательской работе студентов говорилось следующее: «Обращаясь к научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава, прежде всего следует сказать о практических занятиях со студентами. Этим занятиям, преимущественно по востоковедению, институт придавал большое значение. Цель занятий была приучить слушателей к самостоятельным исследованиям, дать им возможность при вступлении на общественную деятельность с пользой применять к делу приобретенные ими в институте сведения. Эта важная задача разрешалась совместными усилиями профессоров и слушателями настолько успешно, что некоторые из наших питомцев своими работами по переводу с английского языка и отчетами о поездке в Китай начинают уже делать вклады в бедную научными трудами русскую литературу о Востоке» [31, с. 79].

Подготовка специалистов в Восточном институте не была массовой: во время первого выпуска, состоявшегося 10 мая 1903 г., были аттестованы всего лишь 10 студентов, прошедшие полный курс обучения. За первые шесть выпусков аттестаты были выданы 75 студентам, за тот же период времени свидетельств об окончании института были удостоены 39 офицеров. За первые десять лет существования института образование в нем получили 114 человек.

Итак, в Восточном Институте во главу угла учебно-педагогической деятельности ставились основательная языковая подготовка и комплексное изучение страны избранного языка. Обучение имело не абстрактно-теоретический, а практический характер. Основным предметом изучения был не только язык как таковой, но и та социальная, культурная, экономическая, правовая и прочая реальность, которая стояла за ним. На методику преподавания иностранных языков существенное влияние, по-видимому, оказывал и личный опыт преподавателей, практически осваивавших восточные языки, находясь в языковой среде в стране будущей специальности (А.В. Рудаков, П.П. Шмидт, Е.Г. Спальвин, Г.В. Подставин, Н.В. Кюнер, Г.Ц. Цыбиков, Д.М. Позднеев). Такое изучение иностранного языка путем практической коммуникации в языковой среде принципиально отличалось от классической методики изучения иностранных языков, выработанной в процессе изучения мертвых языков, прежде всего древнегреческого и латыни, основой которой (методики. - А.Д.) было чтение классических текстов, детальное ознакомление с грамматикой и особое внимание к филологическому толкованию «темных» мест изучаемого текста.

По масштабам своих финансовых возможностей, а также по организации учебной работы Практическая восточная академия существенно уступала Восточному институту: здесь не было стабильного штатного расписания, собственного издательства и печатного органа. Курс обучения в Академии был рассчитан на три года, а программа ее находилась в соответствии с практическими требованиями государственной службы, коммерческой и иной деятельности в странах Ближнего и Дальнего Востока. Задачей Академии было «как практическое изучение языков и стран Востока, так и соответствующих дополнительных наук: коммерческих, юридических и пр.» [25]. В соответствии с этим и академический курс распадался «на отделы: коммерческий, консульский, окраинно-административный и военный» [25]. Слушателями Академии могли стать лица, окончившие среднее или высшее учебное заведение. Лица, не имеющие необходимого образовательного уровня, получали статус вольнослушателей. Плата составляла 20 рублей за семестр в случае изучения одного языка и 35 - в случае выбора двух. Занятия были организованы в вечернее время, что позволяло ее слушателям совмещать обучение в Акаде-

мии с трудовой деятельностью или получением университетского образования [25].

Главным криэйтором и администратором Практической восточной академии также стал А.М. Позднеев, который вольно или невольно воспроизводил привычные приемы и методы практического востоковедения, выработанные им за четыре года директорства в Восточном институте. Сам Алексей Матвеевич писал: «Ближе всего программы курсов (речь идет о курсах восточных языков, преобразованных в Курсы востоковедения и ставшие предтечей Практической восточной академии. - А.Д.) доходят к постановке преподавания во владивостокском Восточном институте, причем питомцы курсов Общества востоковедения имеют перед студентами Восточного института то преимущество, что они не отторгаются из сердца России на окраину, а следовательно, не лишаются возможности в каждый данный момент быть всецело осведомленными о положении в России того или другого занимающего их вопроса» [23, Л. 8-9].

Как и во время своего директорства в Восточном институте, А.М. Позднеев неоднократно обращался в Министерство путей сообщения и российские пароходные компании с ходатайствами о бесплатном проезде слушателей Академии в страны распространения изучаемых ими языков. Так, в 1910 г. 23 слушателя воспользовались бесплатным проездом в страны: Персия - 6, Китай - 4, Япония - 5, Сербия - 6, Турция - 2 человека [24, Л. 8]. Алексей Матвеевич неустанно трудился над совершенствованием содержания учебного процесса: например, в осеннем семестре 1908-1909 гг. на Курсах востоковедения был введен первый в России курс консульского и дипломатического права на Востоке [24, Л. 3]. По уровню преподавания живых языков, географии, новейшей истории и быта соответствующих стран занятия в Практической восточной академии были важным дополнением к программе Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, поэтому многие студенты Факультета посещали занятия Академии. Например, из известных японоведов здесь учились Н.И. Конрад, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, М.Н. Рамминг, братья Орест и Олег Плетнеры. При этом главной задачей слушателей Академии было прежде всего практическое изучение языков. Исследовательских заданий во время их пребывания в странах изучаемого языка им не давалось, не было и публичных слушаний исследовательских работ студентов или иных лиц. Перемещение слушателей в места прохождения языковой практики (особенно дальневосточных стран) было сопряжено с расходами и требовало времени. В исследовательской работе своих слушателей Академии не удалось подняться до уровня Восточного института. В отличие от Восточного института, вскоре после революции 1917 г. Практическая восточная академия прекратила свое существование.

3. А.М. Позднеев как идеолог практического востоковедения России

В создании учебно-методической системы Восточного института, а также и Практической восточной академии ключевую роль сыграл Алексей Матвеевич Позднеев. Кроме педагогической деятельности и собственных научных исследований, А.М. Позднеев немало времени посвящал подбору и подготовке персонала Института и Академии, а также вопросам организации, методологии и методики учебной и научной работы указанных учреждений.

В коллективном труде «Дальневосточный государственный университет: История и современность» (1999), приуроченном к столетнему юбилею ДВГУ, сообщается о том, что выпускники Восточного института охарактеризовали А.М. Позднеева, с одной стороны, как «выдающегося монголоведа, великолепного организатора и администратора», с другой - как «администратора старой школы, тяжелого и капризного старика, душившего всякое свободное проявление организованного студенческого общения, как между собой, так и с профессорами...», за что «студенчество окрестило период правления А.М. Позднеева “монгольским игом”» [4, с. 37]. Дальневосточный историк Н.В. Кочешков в специальной главе своей книги о преподавателях Восточного института, посвященной жизненному пути Алексея Матвеевича, подробно останавливаясь на научных достижениях этого корифея российского монголоведения и ученого с мировым именем, отмечает также его «уникальные организаторские способности и умение работать с людьми» [12, с. 37]. На

наш взгляд, в вышеуказанных публикациях А.М. Позднеев недостаточно оценен как теоретик науки и образования, как русский патриот с широким кругозором и ясным геополитическим мышлением, в своих прозрениях намного опередивший время.

Для понимания взглядов Алексея Матвеевича на развитие науки и образования важна речь А.М. Позднеева на торжественном акте открытия Восточного института 21 октября 1899 г. Эта речь стала своеобразным манифестом практического востоковедения, программой основательной перестройки отечественного востоковедного образования. В ней отразились взгляды А.М. Позднеева на развитие и взаимодействие «чистой», «отвлеченной» «науки для науки», с одной стороны, и «науки практической» - с другой¹. В указанной речи А.М. Позднеев, лаконично обрисовав геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке, характер столкновения «великих держав» в Восточной Азии, а также миссию России и особенности российской дальневосточной политики, указал на возможность развития Китая с его многомиллионным населением как будущей «сокровищницы мира», показал перспективы превращения Тихого океана в центр развития мировой цивилизации в будущем. Исходя из задач «русского дела» (С.Ю. Витте) в Восточной Азии, А.М. Позднеев обосновал необходимость практической ориентации в подготовке студентов и слушателей Восточного института. По его мнению, в российское востоковедение, которое до появления Восточного института занималось преимущественно изучением памятников литературы и истории стран Дальнего Востока, необходимо было внести «живую струю практики», сделать его средством получения и распространения «истинных сведений о Востоке», двигателем российского предпринимательства в Восточной Азии и развития отношений Российской империи с ее восточными соседями. Поэтому целью деятельности Восточного института провозглашалось широкое изучение современного Дальнего Востока и воспитание таких специалистов, которые смогут стать просвещенными деятелями, способными содействовать развитию «частной предприимчивости и... русского дела на Дальнем Востоке», а также «распространять среди русского общества правильные представления о нем» [18, с. 69].

В противовес традиционному востоковедению, развиваемому учеными петербургской школы, представленными в первую очередь профессурой восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Алексей Матвеевич считал необходимым создание новой школы практического востоковедения, основой которой был призван стать Восточный институт. Различие традиционного и практического востоковедения А.М. Позднеев видел в том, что первое интересуется прежде всего древностью, «не преследует никаких практических целей» и «высоко держит знамя чистой науки»; оно стремится к «исследованию и познанию абсолютного в своем предмете, к уяснению основ и законов его бытия» [18, с. 70], для него необходимо некоторое «законченное прошлое», по которому ученый «вполне может и прозревать и незыблемо устанавливает как причины известных событий, так и результаты оных» [18, с. 70]; основной его интерес - «сакральные книги» народов Востока, разгадка тайн которых ученый может посвящать всю жизнь. «Не то в практической науке. Подверженный постоянным изменениям материал ее, во-первых, хранится и должен быть извлечен из самой жизни, во-вторых, отличительным качеством трактатов этой науки должна быть по преимуществу современность», - развивал свою мысль Алексей Матвеевич. По его мнению, практическое направление востоковедной науки было призвано преследовать утилитарные цели, изучать современность и стать основой практического востоковедного образования, способного дать обучаемым верные сведения о реальной жизни восточных народов и «практически применимые результаты» исследований, а также «знание речи живой, удобопонятной современному желтому человеку», причем, не простолюдину, а представителю «современных образованных обществ той или другой народности...» [18, с. 72]. Востоковед-практик, с точки зрения А.М. Позднеева, не может обойтись без навыков чтения, перевода и составления «разного ро-

¹ Думается, что это противопоставление у А.М. Позднеева в основном соответствуют современному противопоставлению фундаментальных и прикладных научных исследований. - А.Д.

да актов и документов, относящихся до гражданского, уголовного или дипломатического производств...», «торговой корреспонденции...» [18, с. 72-73]. Отмечая большую сложность практического востоковедения, Д.М. Позднеев указал на необходимость привлечения к новому направлению науки большого количества исследователей, предсказал появление так называемых «узких специалистов», знающих все мелкие детали в своей области, которые не способны уловить специалисты широкого профиля. А.М. Позднеев считал развитие практического востоковедения необходимым и неизбежным и предвидел благотворное влияние практического востоковедения на традиционные востоковедные исследования: «Наука для науки, несомненно, и сама потечет еще шире и глубже при восприятии в свое ложе данных науки практической. Это последнее наше положение уже ясно показывает нам высокое значение практической науки» [18, с. 75-76], - констатировал он. В заключение своей речи А.М. Позднеев призвал собравшихся проявлять снисходительность к методологическим исканиям Восточного института ввиду недостаточной изученности вопросов практического востоковедения и отсутствия каких бы то ни было учебных пособий и напомнил о высокой миссии Восточного института - стать центром российского практического востоковедения и практического востоковедного образования [18, с. 77].

А.М. Позднеева занимали и общие вопросы теории образования. Например, в связи с тем, что контингент студентов Восточного института формировался без вступительных экзаменов, Алексей Матвеевич на заседаниях Конференции ставит вопрос о специфике учебной работы высшего учебного заведения и отличиях последнего от средней школы [20, с. 62]. Позднеев считал, что назначение средней школы состоит в том, чтобы «в возможно большей степени развивать духовные способности человека и сообщать ему знания для разумного и сознательного отношения к окружающему в жизни» [20, с. 62], и далеко не все обладатели аттестата зрелости, выданного средней школой, пригодны для обучения в университете в связи с тем, что «между догматическим усвоением научных истин под неустанным контролем учителя в средней школе и свободным штудированием предмета в высшем учебном заведении существует коренная разница, обуславливающая собою массу трудного для молодого человека» [20, с. 62].

Из отчетов заседаний Конференции Восточного института следует, что ее председатель А.М. Позднеев большое внимание уделял вопросам оптимизации преподавания восточных языков. Например, на одном из первых заседаний конференции Восточного института 18 октября 1899 г. А.М. Позднеев замечает: «Очень многие у нас почитают китайские тоны за какую-то странную и совершенно излишнюю модуляцию голоса, которая свойственна будто бы одним только китайцам и может быть совсем игнорируема иностранцами» [8, с. XXIX]. И далее: «Объясняться с китайцем, не соблюдая ни ударений, ни тонов, очень трудно даже при отличном знании слов, грамматики и идиоматической фразеологии...». В результате Конференцией было определено: «лекции по китайскому языку читать совместно профессору и лектору», с тем, чтобы профессор объяснял бы теоретическое правило, а лектор «говорил пример и произносил его по несколько раз с отдельными студентами, пока каждый из них не усвоит себе более или менее правильной интонации...» [8, с. XXIX-XXX]. Как видим, Алексей Матвеевич считал необходимой такую постановку преподавания восточных языков в Восточном институте, которая дала бы слушателям возможность свободно пользоваться изучаемыми языками на практике.

На заседании конференции Восточного института 23 февраля 1900 г. А.М. Позднеевым обосновывается необходимость более широкого преподавания в институте китайского языка на китайско-монгольском и китайско-маньчжурском отделениях с тем, чтобы сделать предметом специального обучения наряду с японским и корейским языками [8, с. XLV-L]. 17 июля 1900 г. высочайшее разрешение было получено [21, с. 149], и центральное место в подготовке слушателей китайско-маньчжурского и китайско-монгольского отделений стала занимать китаеведческая подготовка. На китайский язык (так же, как и на японский и корейский) стало отводиться по 10 недельных уроков, а на монгольский и маньчжурский, как более исследованные, легкие для освоения и обладающие сравнительно меньшей литературой, было выделено по 6 недельных уроков [21, с. 113].

Позднеев вел переписку с организациями и частными лицами, занимающимися различными видами деятельности в странах Восточной Азии. На заседании Конференции 29 ноября 1899 г. по заявлению директора было принято решение «...при каждой открывающейся к тому возможности приглашать русских деятелей на Востоке сообщать Институту собранные ими материалы по исследованию различных стран Востока» [8, с. LX]. Таким образом, Восточный институт превращался в координационный центр по исследованию стран Восточной Азии, устанавливал необходимые связи с общественностью.

А.М. Позднеев выдвинул идею изучения современной истории стран Восточной Азии и сформулировал ключевые задачи соответствующего учебного курса. Он писал: «С наступающего 1900-1901 академического года в Институте впервые открывается курс новейшей истории Китая, Кореи, Японии, причем вопрос о столкновении двух культур, - одного из основных явлений этого периода, - ставит целую массу других, побочных мелких вопросов, решать которые приходится и ученым, и практическим деятелям. При этом необходимо, конечно, уяснить также роль, цели, задачу, интересы и стремления каждого из европейских государств, соперничающих ныне на Востоке. С другой стороны, нельзя не заметить, что если в курсе новейшей истории Китая для всякого европейского практического деятеля представляются имеющими большое значение факты вторжения европейцев в жизнь Китая, со всеми многоразличными последствиями этого явления, то все же означенные факты ближайшим образом касаются лишь самого незначительного уголка жизни всего Китая, вне которого продолжает действовать, развиваться громадный самобытный Китай с его своеобразной культурой...» [32, с. 5-6].

Практическая направленность преподавания иностранных языков в Восточном институте приводит Позднеева к мысли о необходимости изменения традиционного метода преподавания иностранных языков, в истоках которого лежало изучение мертвых языков: «Учебные занятия в Восточном институте в течение отчетного года по сравнению с минувшим годом подверглись значительному изменению, как со стороны метода преподавания, так и содержания читаемых курсов. В 1900-1901 учебном году, когда в Восточном институте впервые был открыт курс всех восточных языков, входящих в состав институтского преподавания, изучения оных, за исключением только китайского языка, велось по классическому способу. Опыт первого года указал, однако, что одно чтение профессором сухого грамматического материала за срок от полутора до двух месяцев и простое слушание этих лекций, без активного участия в оных, действует на студента расслабляющее и убивает их энергию, а далее, благодаря тому, что из обширного, только прослушанного, но не усвоенного практически курса грамматики многое забывается, профессорам, естественно, приходится впоследствии, при начале чтения и разбора текстов, повторять снова почти все сказанное. По таковым соображениям, как отдельными профессорами, так и полным составом конференции определено было изменить классический способ изучения языков на практический. Само собою разумеется, что этот последний метод собою так же точно не исключает повторений, но он, несомненно имеет за собою то преимущество, что с одной стороны с первого же момента делает студента активным, а с другой - сообщение систематического курса грамматики, после ознакомления на практике с важнейшими элементами языка, слушается студентами охотнее и воспринимается продуктивнее и сознательнее, так как оно дает им полное освещение тех фактов, с которыми они уже имели доселе дело в отдельности» [20, с. 67-68] (Здесь сохранена пунктуация оригинала. - А.Д.).

Как видим, Алексей Матвеевич постоянно работал над вопросами совершенствования учебной и научной работы Восточного института. Он внес весомый вклад и в разработку общей концепции Восточного института, и в частные вопросы учебно-методической и научно-исследовательской работы. А.М. Позднеев неизменно интересовался общими вопросами методики и философии образования и, несомненно, был креативным лидером в деле создания и совершенствования обучающей системы Восточного института, в том числе и в области оптимизации преподавания иностранных языков. Его идеи были основополагающими и при создании Практической восточной академии.

Учреждению Практической восточной академии предшествовала попытка А.М.

Позднеева придать изучению востоковедения в России характер общегосударственной задачи, решаемой системой народного образования. По возвращении из Владивостока в столицу в октябре 1904 г. А.М. Позднеев как член Совета министра народного просвещения обратился в Министерство с проектом «К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях: докладная записка от 8 октября 1904 г.» [22]. В этой «Записке» А.М. Позднеев выступал за создание в России системы востоковедного образования и науки, которые служили бы геополитическим задачам России и готовили бы необходимые кадры для продвижения «русского дела» (С.Ю. Витте) на Ближнем и Дальнем Востоке. Суть проекта А.М. Позднеева состояла в том, чтобы придать постановке преподавания на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета практический характер по образу и подобию владивостокского Восточного института. При этом научное изучение Востока предполагалось передать Академии наук, создав в ней несколько новых кафедр; предполагалось также создать сеть средних специальных учебных заведений - Восточных школ - для подготовки будущих востоковедов и переводчиков для местных органов государственной власти [22, Л. 1-10].

В своем проекте А.М. Позднеев основывался на результатах успешной работы Восточного института в первые годы его существования прежде всего в постановке преподавания восточных языков (см. об этом подробнее в [5]). Поэтому он отчетливо видел недостатки в работе факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и предлагал конкретные меры, направленные на устранение этих недостатков - например, усиление общеобразовательных курсов для будущих востоковедов по истории и географии, совершенствование практической языковой подготовки студентов посредством увеличения числа практических занятий по языку и привлечения к работе со студентами опытных лекторов, являющихся природными носителями соответствующих языков.

Проект А.М. Позднеева был радикален, так как он предполагал кардинальную перестройку востоковедного образования не только в главном университете страны, но и во всей стране. В некотором отношении он был и реакционер¹, так как посягал на свободу научного поиска столичных востоковедов, а также их лекционной работы и прагматично направлял их деятельность в русло служения Империи. Кроме того, в нем не присутствовали высказанные ранее идеи о практическом востоковедении как науке, объектом изучения которой является современность стран и народов Востока. В его проекте не говорилось уже о «практической» науке, противостоящей науке «чистой», «отвлеченной», а также о плодотворном взаимодействии двух вышеназванных потоков научной мысли. Кроме того, в «Записке» полностью отсутствовало развитие идей, высказанных Алексеем Матвеевичем в его речи во время церемонии открытия Восточного института во Владивостоке. Несколько упрощая идеологию проекта, можно сказать, что научные исследования предполагалось передать Академии наук, а Факультету восточных языков предполагалось поручить целенаправленно осуществлять исключительно практическую подготовку будущих дипломатов, административных работников, предпринимателей, таможенников, военных и т.д., призванных служить Российской империи на Востоке. Это явно был шаг назад от вдохновенной речи А.М. Позднеева о новой школе востоковедения и «практической науке» во время торжественного акта открытия Восточного института.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что «Записка» А.М. Позднеева была подвергнута разгромной критике в пространном «Заключении факультета восточных языков» за подписью декана факультета В. Жуковского и секретаря П. Мелиоранского. «Записка» А.М. Позднеева была охарактеризована как «проект уничтожения одного из отделений» Санкт-Петербургского университета (Заключение Факультета восточных языков по Записке члена Совета министра народного просвещения А. Позднеева) [10, с. 3]. «Заключение» начиналось с обвинения А.М. Позднеева в «поразительном незнакомстве» с «современным состоянием вообще научного востоковедения в Европе и постановкою его в России, в частности, на Факультете восточных языков» [10, с. 1] и заканчивалось утвер-

¹ Ср. характеристику А.М. Позднеева как «крайнего реакционера» по политическим взглядам в [39; С. 7].

ждением о том, что «мало соответствуют жизненной действительности» предложения автора «Записки» «на каникулярное время откомандировывать учащихся в местности по языку своей специальности для практики...» [10, с. 40]. Единственно правильной мыслью «Записки» было признано то, что «факультет не может одновременно давать своим питомцам и высшее научное университетское образование, и практическую подготовку к различным видам службы» [10, с. 4]. Не вдаваясь в определение понятий, авторы «Заключения» заявили, что «Факультет восточных языков самым решительным образом желает продолжать быть и сознавать себя нераздельною частью Университета, а потому считает главной своею задачею разработку и преподавание научного, а не практического востоковедения» [10, с. 3]. Предложения А.М. Позднеева не получили поддержки ни академической, ни университетской общественности столицы, однако его государственнические планы были высоко оценены Министерством просвещения, и его попечительству были предоставлены Курсы востоковедения при Императорском обществе востоковедения, а затем и Практическая восточная академия, которые и стали местом осуществления вышеизложенных идей по развитию практического востоковедения.

Заключение

Как было показано выше, Восточный институт и Практическая восточная академия были призваны обучать своих слушателей свободному владению восточными языками во всем разнообразии их книжных и разговорных форм, функциональных стилей и речевых жанров и давать им разнообразные сведения о соответствующих странах и народах, необходимые для практической деятельности в административных, торговых, религиозных, военных и прочих учреждениях Империи, а также для ведения предпринимательской деятельности в азиатских районах России и прилегающих к ним государствах. Но чтобы давать студентам такие знания и языковые компетенции, обучающие должны были не только сами обладать необходимой компетенцией, но и создать соответствующую обучающую систему. И на этом поприще педагогическому коллективу Восточного института удалось совершить несколько замечательных «прорывов в будущее». В результате целенаправленной и самоотверженной работы небольшой группы талантливых молодых выпускников восточного факультета Санкт-Петербургского университета и первого директора Восточного института А.М. Позднеева был совершен революционный переворот, обеспечивший прорыв к совершенно новым, невиданным ранее в России параметрам восточного образования и востоковедных исследований.

Во-первых, была создана уникальная для своего времени система преподавания восточных языков. Ее создание началось с использования новейших учебников, написанных ведущими европейскими востоковедами, коренной переработки методики преподавания иностранных языков, важнейшим элементом которой стало введение и эффективное использование института «лекторов-туземцев», и создания с их помощью собственных уникальных учебников и учебных пособий. Учебные пособия, написанные А.В. Рудаковым, П.П. Шмидтом, Е.Г. Спальвиным и В.М. Мендриным, были далеко не идеальными¹, однако они составляли существенную часть обучающей системы, позволявшей студентам Восточного института за сравнительно небольшой промежуток времени (3-4 года) практически осваивать восточные языки.

Во-вторых, практическая направленность учебной и научной работы профессоров Восточного института привела их к необходимости сделать объектом своих интересов современное состояние народов и обществ, языки которых они преподавали. Необходимо было изучать особенности быта и религиозных верований, сельское хозяйство и промышленность, торговлю и транспорт, государственное устройство и законодательство, общественные институты и особенности менталитета соответствующего народа и т.д. и

¹ См., например, критические замечания об учебниках и программах по иностранным языкам, а также по содержанию лекций и организации учебной работы Восточного института по «Записке» подполковника Поморцева в: [1; с. 276-279].

т.п. Так был совершен прорыв к проблематике современного страноведения. Например, две страноведческие работы Д.М. Позднеева (который, несомненно, был сторонником идей и последователем своего старшего брата А.М. Позднеева) - «Япония: военно-экономическое описание» (М.: Изд. Развед. упр. штаба РККА, 1924. 268 с., диагр.) и «Япония: страна, население, история, политика» (под ред. А.А. Иорданского. М.: Воениздат, 1925. 351 с.: [25 фото]; ил.; 2 карты) - это своего рода прототип неоднократно издававшегося отделом Японии Института Востоковедения АН СССР информационного сборника «Современная Япония». То, что Д.М. Позднеев написал в двух этих книгах общим объемом более 600 страниц, вполне сопоставимо с вышеуказанным справочником, над написанием второго издания которого (1973 г., 853 с.) работал 41 автор.

В-третьих, был совершен прорыв в области сбора информации. Его источниками стали не только полевые экспедиции, но и периодические издания, в первую очередь газеты и журналы на европейских и восточных языках. С их использованием уже в первые годы существования Восточного института появляется реферативный информационный сборник «Летопись Дальнего Востока». Периодические издания содержали материалы, служившие для оперативного анализа экономики и политики, производственной деятельности и торговли, международных отношений, военного потенциала государств и армий, работы правительств, организации судопроизводства и проч. Анализом периодики для поиска информации систематически занимались, например, на всю жизнь связавшие свою исследовательскую работу с практическим востоковедением Д.М. Позднеев и К.А. Харнский. Из периодики черпал необходимый материал для курса лекций по Новейшей истории Китая, Японии и Кореи Н.В. Кюннер. С другой стороны, востоковеды обращались к журналистике как средству, дающему возможность сообщить российской публике новейшие сведения о Востоке. Вышеупомянутые Д.М. Позднеев и К.А. Харнский написали сотни статей по востоковедной тематике в российской прессе¹.

В-четвертых, в условиях отсутствия литературы по многим проблемам практического востоковедения активизировалась переводческая работа, которой занимались преподаватели и студенты. Кроме полных переводов, нередко писались компилятивно-реферативные работы, которые становились мостиком между освоением зарубежной научной мысли и собственным научным поиском. В качестве примера такой работы можно назвать получившую высокую оценку Конференции Восточного института статью Л.А. Богословского «К вопросу о характеристике японцев. Этическая основа жизни привилегированного сословия Японии», опубликованную в «Известиях Восточного института» и до настоящего времени вызывающую интерес читателей [2]. После доработки исследование было защищено в качестве диссертации (вероятно, магистерской) (см. об этом: [11]). Таким образом, предметом активного научного интереса и анализа востоковедов стали работы, как тогда говорили, «туземных авторов». В японистике в этой области большое наследие оставили В.М. Мендрин, Д.М. Позднеев, Н.П. Мацокин.

В-пятых, важным прорывом в области практического востоковедения стали полевые исследования студентов старших курсов, а также офицеров-слушателей Восточного института во время летних командировок в страны изучаемых языков. Методически такие работы были, как правило, несовершенны, но в них поднимались новые для российского востоковедения вопросы, давались описания еще не исследованных европейцами территорий, разных сторон жизни, ставших предметом специальности слушателей стран и народов. Летние поездки по странам изучаемого языка давали студентам и слушателям возможность, как говорил А.М. Позднеев в речи на торжественном акте открытия Восточного института, «посвятить свои силы на более широкое и разностороннее изучение областей, сопредельных восточной окраине России» [18, с. 67]. В этой сфере в исследова-

¹ См. подробнее: [6], наши статьи о К.А. Харнском – «К.А. Харнский как публицист и политический обозреватель» и «Публицистика К.А. Харнского и газетная дискуссия о новом быте», а также список публикаций К.А. Харнского – [34].

тельской деятельности активно участвовали офицеры-слушатели. По подсчетам М.К. Басханова, только в течение первых четырех лет существования Восточного института ими в «Известиях» было опубликовано 12 работ (см. подробнее: [1, с. 235-236]).

Необходимо сказать, что основе успешной деятельности Восточного института в последние десятилетия существования Российской империи способствовало то, что имелось необходимое финансирование для создания уникальной для своего времени востоковедной библиотеки, собственная типография и возможность выписывать необходимые газеты и журналы на иностранных языках. Уже в советскую эпоху по инициативе Е.Г. Спальвина на восточном факультете ГДУ, в который превратился Восточный институт в 1920-е годы, была предпринята попытка издания периодического научно-популярного востоковедного журнала «Восточная студия», которое было крайне затруднительно из-за отсутствия необходимых финансовых средств и издательской базы (см. об этом: [7]).

Уход от традиционного востоковедения, развивавшегося во многом под влиянием классических работ по истории и литературе Древней Греции и Рима, а также провозглашенные А.М. Позднеевым императивы практического востоковедения открыли новые объекты исследований и новые подходы, сделали возможной новую оригинальную постановку проблем, открыли безграничные просторы для порождения новых научных дискурсов. Поэтому представители Владивостокской практической школы во многом были пионерами отечественного востоковедения. Например, работы Е.Г. Спальвина «Японский прогресс» [37] и «Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа» [35] были у нас первым основательным подходом к теме, названной впоследствии в Японии «теорией японцев» (НИХОНДЗИНРОН) и получившей феноменальное распространение и в Японии, и за ее пределами после публикации знаменитого бестселлера американского культур-антрополога Р. Бенедикт «Хризантема и меч» (1946). Е.Г. Спальвиным и П.Г. Васкевичем были написаны первые работы о японской диаспоре в России¹, Н.П. Мацокин написал первую в отечественной японистике серьезную работу по японской мифологии [14], а также «новаторскую» (В.М. Алпатов) работу по морфологии японского глагола [13]. Н.П. Овидиев, ставший в 1932 г. последним заведующим кафедрой японской словесности ГДУ, опубликовал в 1926 г. первую в отечественной японистике работу о стилистической дифференциации в японском языке [16]. Преподавателями и слушателями Восточного института были осуществлены первые в России переводы японской художественной литературы, не говоря уже о многочисленных новаторских курсах лекций, а также целом комплексе учебных пособий по восточным языкам, многие из которых в начале XX в. были лучшими не только в России, но и в мире².

Как было показано в нашей статье, исходная установка на связь с практикой позволила Восточному институту реализовать новые подходы к изучению стран Восточной Азии, внести заметный вклад в преподавание восточных языков в России. Усилиями профессорско-преподавательского состава Восточного института и его первого директора А.М. Позднеева была создана новая научно-практическая школа российского востоковедения, а также уникальная обучающая система, позволявшая в короткие сроки готовить востоковедов-практиков, необходимых Российской империи в ее азиатских владениях и прилегающих государствах. За два десятилетия своей деятельности Восточный институт стал одним из мировых центров востоковедения. Научно-теоретический подход к изучению Востока в России был переведен в практическое русло. На деле было налажено взаимодействие между наукой и практикой международных дипломатических, экономических, культурных связей. Трудami преподавателей, слушателей, студентов и выпускников Восточного института было положено начало современному российскому востоковедению.

¹ См: [3; 36]. Как следует из текста, «Очерк» П. Васкевича был написан в янв. 1904 г.; в предисловии к публикации архивных материалов А.А. Щербина указал, что написание работы Е.Г. Спальвина датируется 1911 г. (С. 108).

² См. хотя бы учебники и учебные пособия по японскому языку Е.Г. Спальвина.

И этот уникальный опыт А.М. Позднеев со всей присущей ему настойчивостью старался воспроизвести в созданной им при Императорском обществе востоковедения Практической восточной академии. На этот раз результаты были весьма скромные, однако Алексей Матвеевич до конца своих дней оставался государственнымником [1, с. 221] и русским патриотом, как бы принявшим на себя обет служения «русскому делу», в том смысле, в каком он сам его понимал.

Приложение

Алфавитный указатель основных работ Алексея Матвеевича Позднеева

Составитель Т.В. Поликарпова

1881 *Магистерская диссертация: Образцы народной литературы монгольских племен. Петербургский университет.*

1883 *Докторская диссертация: Монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ, с пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 гг. Петербургский университет.*

Lao-tse's Tao-te-king, nach Reinold v Paenknner's Uebersetzung bearbeitet von E. A. von Friede, St.-Petersburg, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Т. 6. С. 374-400; т. 7. С. 1-18.

Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Т. CCXLIV, Отд. 2.

Вести с Востока [Смерть императрицы] / пер. с фр.) // Восточное обозрение. 1882. Вып. 9. С. 3-6.

Города Северной Монголии / [соч.] А. Позднеева. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. [2], 115 с.

Грамматика монгольского языка (фонетика и морфология) // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Долон-Нор (Выписка из дневника, веденного во время путешествия по Монголии в 1876-1879 гг.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1888. Т. XXX. С. 63-79.

Житие Святого равноапостольного князя Владимира / пер. с калм.; под ред. А.М. Позднеева. Астрахань: Тип. Гл. упр. калм. народа, 1888. 86 с. В память девятисотлетия крещения Руси.

Замечания на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г. // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. 1892. Т. XXII. С. 114-228.

Записка о преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии / сост. орд. проф. С.-Петерб. ун-та А. Позднеев. Санкт-Петербург: Тип. и лит. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1889. [2], IV, 98 с.

История калмыков. Л., 1935.

К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. Докладная записка от 8 октября 1904 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 150.

К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. СПб.: Тип. Б.М. Вольфам, 1904. 20 с. На правах рукописи.

К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 152.

К истории зюнгарских калмыков: (Письмо к Н.И. Веселовскому по поводу издания «Посольства Унковского к Контайше. 1722-1724 гг.») / А.М. Позднеев. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. 26 с. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии; т. 10, вып. 2). Отд. отт.

К истории развития буддизма в Забайкальском крае. [СПб.]: Тип. Император. Акад. наук, [1886?]. 19 с. (Записки Императорского русского географического общества по от-

делению этнографии; т. I, вып. 3). В том числе материалы на монг. яз. Отд. отт.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ. 1-е изд. СПб., 1892.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым, членом совета министра народного просвещения, профессором и директором курсов востоковедения при Обществе востоковедения. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. [3], IV, 195 с.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ / составленная А. Позднеевым; Имп. О-во востоковедения. Изд. 3-е, испр. и доп. Петроград: Тип. И. Бораганского, 1915. 196 с.

Калмыцкие народные сказки: в подлинном калмыцком тексте / издал А. Позднеев. СПб., 1886. 95 с. Монг. На правах рукописи.

Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А.М. Позднеевым. I. СПб., 1892.

Калмыцкие народные сказки / в подлинном калмыцком тексте издал А. Позднеев. СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1897. 95 с.

Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / составил А. Позднеев, член совета министра народного просвещения, профессор и директор Практической восточной академии; [предисл.: пред. О-ва востоковедения Н. Шведов]; О-во востоковедения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. [2], IV, 306 с.

Каменописный памятник подчинения маньчжурами Кореи (с маньчжурским текстом) // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1890. Т. V, вып. 1. С. 37-55. Поправка к статье: Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1892. Т. VII, с. 326.

Китайская пайцза, найденная в Минусинском округе в 1884 году. СПб.: Тип. АН, 1885. 7 с.; 1 ил. Отд. отт. из Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Вып. 1. С. 1-7.

Китайская пушка, хранящаяся в Санкт-Петербургском артиллерийском музее // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 121-141.

Китайские зеркала, найденные в г. Кульдже // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 222-225.

Китайские тексты, читанные в 1906-1907 гг. СПб.: Изд. Имп. О-ва востоковедения, 1907. 95 с.

Ламайские кумиры или статуи божеств: (Из коллекции, сост. проф. Позднеевым). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, [1896]. 11 с.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского Университета А.М. Позднеевым в 1895/96 акад. г. Т. I / записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб.: Литогр. И. Трофимова, 1896. 240 с.; каллигр. 6 л.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. Т. II / записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб., 1897.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т. III / записаны и изданы бывшими студентами Факультета восточных языков Императорского университета Г.П. Подставиним и Г.Ц. Цыбиковым. Владивосток, 1908.

Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. А. Позднеевым: в 2-х т. Т. I: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Изд-во ИРГО, Тип. Император. Акад. наук, 1896. XXX+696 с.: ил.

Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. А. Позднеевым: в 2-х т. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Рус. георг. о-во, 1896. XXX, 517 с.: ил.

Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг.: в 2 т. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Тип. Император. Акад. наук,

1898. XXIX+527 с. (Труды экспедиции ИРГО).

Монголо-бурятский переводчик. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. XVIII, 108 с.

Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Тип. Акад. наук, 1883. XXXVIII+421 с., 1 табл. [Прил.: Дорожная запись следования войск на север Масыха. Краткая записка Инь Хуа-синя о походе на запад. Погодичная запись Цзун Ду-юй, Чэн Луна. Краткая записка о походе за границу, составленная Цянь Лян-цзэ].

Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного Института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н.И. Веселовского. СПб., 1900. Рукопись.

Монгольские официальные бумаги, собранные А.М. Позднеевым. СПб., 1898.

Монгольско-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1 акад. г. Т. 3, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 1-48.

Монгольско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе. Вып. I, с. 1-48. Владивосток: Нар.тип.-лит. газ. «Дальний Восток». 1901. 48 с. Отд. отт. Из Известий Вост. Ин-та, т. III, вып. 1, 1901-1902 акад. г.

Несколько слов об астраханских калмыках // Восточное обозрение. 1883. № 46-48.

Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин: из сб. фак. Вост. яз. «Восточные заметки». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. 19 с.

Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин // Восточные заметки. СПб., 1895. С. 367-386.

Новые учебники калмыцких начальных школ. СПб.: Сенат. тип., 1912. 29 с.

Новый Завет Господа и спаса нашего Иисуса Христа с греческого подлинника на калмыцкий язык: Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна / перевел А. Позднеев (проф. по каф. монг. и калм. словесности при Императорском С.-Петербурге. Ун-те). СПб.: Депо Великобританского и иностранного библейского общества, 1887. 587 с.

О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1884. Т. X, вып. 3-6. С. 245-259. Отд. отт. 22 с. + 1 табл.

О книге Г. Пржевальского [Третье путешествие в Центральную Азию. Критический очерк] // Восточное обозрение. 1884. Вып. 19. С. 106-108.

О монгольской исторической литературе по памятникам, хранящимся в Императорском С.-Петербургском университете // Восточное обозрение. [Б. г.]. № 5, 6.

О последнем китайском восстании в Юго-Восточной Монголии и о причинах противохристианских восстаний в Китае вообще / [соч.] проф. А. Позднеева. СПб.: Синод. тип., 1896. 26 с. Церковные ведомости, 1895, № 47-48. [Восстание крестьян в округе Жэхэ в 1891-1892 гг., обращенное торговцами на китайцев-христиан и монголов].

О русской торговле в Монголии // Сибирь. 1879. № 8.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1887. 38 с.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1884. Вып. 27. С. 223-263.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года // Сибирский сборник (прил. к «Вост. обозрению»). 1887. Вып. IV. С. 64-94.

Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов: собраны и изданы с приложением примечаний о характере народной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложения у монголов А. Позднеевым. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.

Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке, доставленной в

Академию наук г. Винокуровым: Чит. в заседании Ист.-филол. отд-ния Акад., 6 окт. 1881 г. / сост. А.М. Позднеевым. [СПб.]: Тип. Имп. Акад. наук, [1881]. 14 с., 1 л. ил.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1904. 208 с.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1904. 360 с. Отд. отт.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1 акад. г. Т. 3, вып. 1 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1901. С. 1-32.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 37-70.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 3 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 81-120.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 4 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 121-168.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 5 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 169-216;

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 4 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 271-272.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 5: Маньчжурские тексты / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 273-360.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 7 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 375-406.

Ответ на рецензию проф. И.П. Минаева на сочинение «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Декабрь. С. 304-323.

Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883.

Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1887. XVI, 493 с., 6 л. ил., 10 л. прил.; алф. указ. личных и геогр. имен, предм. указ. имен. (Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества по отделению этнографии; т. XVI). Отд. отт.

Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу [Репринт. изд.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. XVI, 492, V с. (Серия «Наше наследие»).

Памятники исторической литературы астраханских калмыков: в подлинном калмыцком тексте / издал А. Позднеев. СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1885. 90 с.

Поездка по Монголии в 1892-1893 г. (Чит. в экстренном собрании Р.Г.О. 23 ноября 1893 г.). [СПб.]: Тип. А.С. Суворина, [1894]. 36 с.

Поездка по Монголии в 1892-1893 гг. А. Позднеева (Читано в экстренном собрании Императорского Русского Географического общества 23-го ноября 1893 г.) // Записки Императорского русского географического общества. 1894. Т. 30, вып. 2. С. 145-184.

Последние издания Православного миссионерского общества на разговорном калмыцком языке. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, [1895]. 26 с.

Пять китайских печатей // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1896. Т. IX. С. 280-290.

Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфа-

вита: (по поводу хранящейся в Парижской Национальной библиотеке маньчжурской рукописи) // Известия Восточного Института: 2-й г. изд.: 1900-1901; акад. г. Т. II, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1900. С. 118-139.

Разыскания в области вопроса о происхождении и развития маньчжурского алфавита: (по поводу хранящейся в Парижской Национальной библиотеке маньчжурской рукописи). Владивосток: Паровая Типо-литогр. газ. «Дальний Восток», 1901. 21 с. Извлечено из Известий Восточного Института; т. II, вып. 2.

Русско-монголо-бурятский переводчик / [А. Позднеев]; [ред.: Н.А. Волошинов]. 2-е изд. СПб.: Столич. скоропеч., 1898. XVIII, 108, II с.

Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дорботского База-Бакиш: издание Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета ко дню открытия XI международного съезда ориенталистов / пер. с калм.; сост. и примеч. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. XVIII+260 с.

Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880. 84 с.

Ургинские Хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта // Труды III Международного съезда ориенталистов. СПб., 1879. Т. I. С. 371-454. [Гэгэны и китайские императоры. Объяснение монгольских, тибетских, маньчжурских и китайских слов, встречающихся в статье: с. 409-454].

Учебник тибетской медицины. Т. I / пер. с монг. и тибет. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1908. - VIII+425 с. - [предисловие, с. I-VIII. Перевод учебника «Джуд-ши». Лекарственные продукты.

РЕЦЕНЗИИ

К вопросу о пособиях при изучении истории монголов в период Минской династии [Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1895. Т. IX. С. 93-102. Рец. на кн.: Покотилов Д. История восточных монголов в период династии МИН. 1368-1634 (по китайским источникам). СПб.: Тип. Имп. Акад наук, 1893, VI+230 с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Июнь. С. 323-353. Рец на кн.: Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). Из дневника члена экспедиции П.Я. Пясецкого. В 2-х т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. Т. I. 560 с.; т. II, 561+4+XVIII с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Т. CCXXXII, отд. 2. С. 316-351. Рец на кн.: Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. С 2 карт., 108 рис. и 20 политип. в тексте. СПб.: Изд. Рус. георг. О-ва, 1883. IV+II+473+II с.

[Рецензия] // Восточное обозрение. 1884. Вып. 19. С. 9-11. Рец на кн.: Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. С 2 карт., 108 рис. и 20 политип. в тексте. СПб.: Изд. Рус. георг. О-ва, 1883. IV+II+473+II с.

[Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 127-136. Рец. на кн.: Георгиевский С. Первый период китайской истории (до императора Цинь ши-хуанди). СПб.: Лит. по способу М. Алисова, 1885. 322 с.

[Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1888. Т. III. С. 133-134. Рец. на кн.: [Адоратский] Николай. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. Вып. I. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). Казань, 1887. 165 с. Вып. II: История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745-1808). Казань, 1887. 167+367+III с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Т. 238, вып. 3. С. 87-123. Рец на кн.: Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. С картой Монголии. Омск, 1883, IV+354 с., 1 л. карт.

ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ

Mongolia and the Mongols. Vol. 1. Order from Mongolia Society. 1892 / translated from the Russian by J.R. Shaw and D. Plank. Bloomington, 1971 (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series).

Mongolia and the Mongols. Vol. 2. Order from Mongolia Society. 1893 / editor J.R. Krueger. Translated from the Russian by W.H. Dougherty. Bloomington, 1977. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series).

Religion and Ritual in society. Lamaist Buddhism in late 19th-century Mongolia / edited by J.R. Krueger; translated from the Russian by A. Raun and L. Raun. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 694 p. (Publications of the Mongolia Society. Occasional papers).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Скачков П.Е. Библиография Китая. - М.; Л.: Госполитиздат, 1932. - 844 с.

Скачков П.Е. Библиография Китая. - М.: Вост. лит., 1960. - 692 с.

Шастина Н.П. А.М. Позднеев (подготовка к печати, примечания А.Г. Сазыкина) // Mongolica-VI: Сб. ст. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / сост. И.В. Кульганек. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. - С. 7-18.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. - СПб.: Нестор-История, 2018. - 629 с.
2. Богословский Л. Бусидо [Электронный ресурс]. URL: http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/udarsolnca/udarsolnca_5.htm (дата обращения: 06 08 2018.).
3. Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае // Известия Восточного та. - Т. XV. Вып. 1. - Владивосток: Паровая Типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1906. - С. 1-25.
4. Дальневосточный государственный университет: История и современность. 1899-1999. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. - 704 с.
5. Дыбовский А.С. К характеристике обучающей системы Восточного института (1899-1920) // Первый профессиональный японовед России: опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. - С. 131-185.
6. Дыбовский А.С. Тема Японии в журналистике Дмитрия Матвеевича Позднеева // Материалы XXXIII Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония) 31 авг. - 1 сент. 2017 г. Владивосток. - Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2018. - С. 107-126.
7. Дыбовский А.С., Моргун З.Ф. Профессор Е.Г. Спальвин и журнал «Восточная студия» // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. - С. 107-127.
8. Известия Восточного института. Т. I. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - V-VIII, 1-96, I-LXIV, 39-49, 1-39, 1-34 с.
9. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899-1939. - Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. - 626 с.
10. История отечественного востоковедения до середины XIX века. - М.: Наука, 1990. - 439 с.
11. Каневская Г.И. Один из первых русских японоведов (выпускник Восточного института Л.А. Богословский) // Вестник ДВО РАН. - 2014. - № 6. - С. 160-169.
12. Кочешков Н.В. Восточный институт во Владивостоке (1899-1920 годы) и его профессора: Учеб. пособ. - Владивосток, 1999. - 95 с.
13. Мацокин Н.П. Очерк морфологии настоящего времени японского глагола. - Владивосток, 1929. - IX+142 с.
14. Мацокин Н.П. Японский миф об удалении богини Солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного Университета. 22-й г. изд.: 1920-21 акад. г. Т. LXVI, вып. 3. - Владивосток: Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. - С. 11-41.
15. Общество изучения Амурского края [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_изучения_Амурского_края (дата обращения: 07.08.2018).

16. Овидиев Н.П. Современное состояние литературного японского языка // Тр. Дальневост. гос. ун-та. - 1926. - Сер. VI. - № 3. - С. 1-13.
17. Ольга Лебедева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peoples.ru/science/literature/lebedeva/> (дата обращения: 07.08.2018).
18. Основание Восточного института и торжественный акт его открытия // Известия Восточного института. Т. I. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 1-80.
19. Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год с историческим очерком его десятилетней деятельности. - Владивосток: Типо-лит. Вост. Ин-та, 1910. - 125 с. (Известия Восточного института. 11-й г. изд. 1909-1910 акад. г. Приложение 1-ое).
20. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1901 год, составленный и, в извлечениях, читанный на годичном акте 21 октября 1901 года директором Восточного института, профессором, А. Позднеевым // Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1901-1902 академический год. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1902. - С. 62-68. (Известия Восточного института; т. III, вып. 3).
21. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за первые два месяца его существования в 1899 и 1900 году // Протоколы заседаний Конференции Восточного института. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 85-151. (Известия Восточного института; т. II, вып. 2).
22. Позднеев А.М. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях: докладная записка от 8 октября 1904 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 150. 19 лл.
23. Позднеев А.М. К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Ин-та востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хран. 152.
24. Позднеев А.М. Краткий очерк организации и последовательного развития изучения Востока при Обществе востоковедения. 1909 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Ин-та востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хран. 154. 9 лл.
25. Позднеев Д.М. Практическая восточная академия // Новое время. - 1910. - № 12403, нояб.
26. Полянская О.Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения. - 2016. - Т. 11, № 6. - С. 143-148.
27. Полянская О.Н. Восточный институт (Владивосток) - центр практического монголоведения в России начала XX в. // Гуманитарные исследования внутренней Азии. - 2016. - № 2. - С. 4-10.
28. Полянская О.Н. Восточный институт во Владивостоке, его роль в изучении Монголии. Востоковеды Алексей и Дмитрий Позднеевы // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. - С. 308-319.
29. Полянская О.Н. Монголоведение в университетах России в XIX - начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке // Гуманитарный вектор. - 2011. - № 3 (27). - С. 48-52.
30. Полянская О.Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. - 2014. - № 1. - С. 33-44.
31. Протоколы заседаний Конференции Восточного института. - Владивосток, 1900. - С. 60-184. (Известия Восточного института; т. II, вып. 2).
32. Протоколы заседаний Конференции Восточного института // Известия Восточного института. 1900-1901 акад. г. Т. II, вып. 1. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 1-68.
33. Протоколы заседаний Конференции Восточного института // Известия Восточного института. Т. III, вып. 1. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1902.
34. Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. - 348 с.
35. Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа: речь, произнесенная на торжественном акте по случаю празднования десятилетия Восточного института 21 октября 1909 г. - Владивосток: Типо-лит. при Вост. Ин-те, 1913. - II; 22 с. (Известия Восточного института; т. XXXI, вып. 3).
36. Спальвин Е.Г. Японские общества города Владивостока // Известия Российского государственного архива Дальнего Востока. Т. II. - Владивосток, 1997. - С. 109-155.
37. Спальвин Е.Г. Японский прогресс (речь, произнесенная на первом годичном акте Вост. Ин-та 21 окт. 1900 г.) // Известия Восточного института. Т. II, вып. 2. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 33-44.

38. Хохлов А.Н. А.М. Позднеев - основатель Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института ДВГУ. - Владивосток, 1994. - С. 37-47.
39. Шастина Н.П. А.М. Позднеев // MONGOLICA-VI: Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева. - СПб., 2003. - С. 7-18.

REFERENCES

1. Baskhanov M.K. History of the study of Oriental languages in the Russian Imperial army. SPb.: Nestor-History, 2018. 629 p.
2. 2. Bogoslovskij L. Bushido Available at: URL: http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/udarsolnca/udarsolnca_5.htm (accessed 06 08 2018).
3. Vaskevich P., Sketch of life of Japanese in the Amur region. proceedings of the Oriental Institute. Vol. XV, vol. 1. Vladivostok: steam Type-lit. gas. "Far East", 1906 . P. 1-25.
4. Far Eastern state University: history and present. 1899-1999. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 1999. 704 p.
5. Dybovsky A.S. Characteristics of the educational system of the Oriental Institute (1899-1920). First professional japanologist in Russia: experience of the Latvian-Russian-Japanese research of the life and activities of E.G. Spalvina. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2007. Pp. 131-185.
6. Dybovsky A.S. Theme of Japan in journalism Dmitrii Matveevich Pozdneev. Proceedings of the XXXIII Russian-Japanese Symposium of historians and economists, Far Eastern branch Russian Academy of Sciences and the Kansai district (Japan), 31 Aug.- 1 September. 2017. Vladivostok. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN, 2018. Pp. 107-126.
7. Dybovsky A.S., Morgun Z.F. Professor E.G. Spelvin and the magazine "East Studio". The path of development of Oriental studies in the Far East of Russia. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2014. Pp. 107-127.
8. News of the Eastern Institute. T. I. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. V-VIII, 1-96, I-LXIV, 39-49, 1-39, 1-34 p.
9. History of the far Eastern state University in documents and materials 1899-1939. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta 1999. 626 p.
10. The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century. M.: Science, 1990. 439 p.
11. Kanevskaya G.I. One of the first Russian japanologist (graduate Institute of East L.A. Bogoslovsky). Vestnik DVO RAN. 2014. No. 6. Pp. 160-169.
12. Kocheshkov N.V. East Institute in Vladivostok (1899-1920) and its professors: studies. benefit. Vladivostok, 1999. 95 p.
13. Matsokin N.P. Sketch of the morphology of Japanese verbs. Vladivostok, 1929. IX+142 p.
14. Matsokin N.P. The Japanese myth of the destruction of the Sun goddess Amaterasu in the heavenly grotto and a sun magic. Proceedings of the Oriental Department of the State far Eastern University. 22nd ed.: 1920-21 academies. G. T. LXVI, vol. 3. Vladivostok: Ed. and PECs. GOS. Far East universiteta, 1921. P. 11-41.
15. Society for the study of the Amur region Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_изучения_Амурского_края (accessed 07.08.2018).
16. Ovidiev N. P. Current state of literary Japanese. Tr. Far East State un-ta. 1926. Ser. VI. No. 3. P. 113.
17. Olga Lebedeva. Available at: URL: <http://www.peoples.ru/science/literature/lebedeva/> (accessed 07.08.2018).
18. The Foundation of the Eastern Institute and the solemn act of its opening. Proceedings of the Eastern Institute. T. I. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. 1-80.
19. Report on the state of the Eastern Institute in 1909 with a historical sketch of its ten-year activity. Vladivostok: Tipo-lit. East. In-TA, 1910. 125 p. (news of the Eastern Institute. 11th ed. 1909-1910 academies. d. Annex 1).
20. Report on the status and activities of the Eastern Institute for the year 1901, compiled and, in extracts, read on October 21, 1901 by the Director of the Eastern Institute, Professor, A. Pozdneev. Minutes of the conference of the Eastern Institute for the academic year 1901-1902. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1902. P. 62-68. (Proceedings of the Oriental Institute; vol.III, vol. 3).
21. Report on the status and activities of the Eastern Institute for the first two months of its existence in 1899 and 1900. Minutes of the conference of the Eastern Institute. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 85-151. (News of the Eastern Institute; vol. II, vol. 2).
22. Pozdneev A.M. On the organization of the study of the East in Russian educational institutions: report from October 8, 1904. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. HR. 150. 19 l.

23. Pozdnev A.M. To the question of the establishment of courses of Oriental languages in the society of Oriental studies. 1907. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. store. 152.
24. Pozdnev A.M. A Brief outline of the organization and consistent development of the East in the Society of Oriental studies. 1909. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. store. 154. 9 sh.
25. Pozdnev D.M. Practical Eastern Academy. New time. 1910. No. 12403, Nov.
26. Polyanskaya O.N. Oriental education in Russia in the early XX century.: activities of M. Pozdnev for the training of practitioners. Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya.: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya. 2016. Vol. 11, № 6. P. 143-148.
27. Polyanskaya O.N. East Institute (Vladivostok) - the center of practical Mongolian studies in Russia of the beginning of XX century. Humanitarian studies of internal Asia. 2016. No. 2. P. 4-10.
28. Polyanskaya O.N. Eastern Institute in Vladivostok, its role in the study of Mongolia. Orientalists Alexey and Dmitry Pozdnev. Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, Economics, science. kn. 3, part 1. Irkutsk: Publishing house BGUEP, 2014. P. 308-319.
29. Polyanskaya O.N. Megalopodinae in universities of Russia in the XIX - early XX centuries the Oriental Institute in Vladivostok. Humanitarian vector. 2011. № 3 (27). P. 48-52.
30. Polyanskaya O.N. Scientific megalopodinae in Russia: stages of formation and development. Bulletin of the Buryat State University. Humanities research of inner Asia. 2014. No. 1. P. 33-44.
31. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Vladivostok, 1900. P. 60-184. (News of the Eastern Institute; vol. II, vol. 2).
32. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Proceedings of the Oriental Institute. 1900-1901 Acad. G. T. II, issue. 1. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 1-68.
33. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Proceedings of the Oriental Institute. Vol. III, vol. 1. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1902.
34. Ways of development of Oriental studies in the far East of Russia. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2014. 348 p.
35. Spalvin E.G. Confucian ideas in the ethical teaching of the Japanese people: speech delivered at the solemn act on the occasion of the celebration of the decade of the Eastern Institute on October 21, 1909 Vladivostok: Tipo-lit. at East. In-those, 1913. II; 22 p. (Izvestiya Vostochnogo instituta; vol. XXXI, vol. 3).
36. Spalvin E.G. Japanese societies of Vladivostok. proceedings of the Russian state archive of the Far East. Vol. II. Vladivostok, 1997. P. 109-155.
37. Spalvin E.G. Japanese progress: (speech delivered at the first annual act of the East. In-TA 21 Oct. 1900). Izvestiya Vostochnogo instituta. Vol. II, vol. 2. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 33-44.
38. Khokhlov A.N. A.M. Pozdnev, the founder of the Oriental Institute in Vladivostok. Izvestiya Vostochnogo instituta DVGU. Vladivostok, 1994. P. 37-47.
39. Shastina N.P. A.M. Pozdnev. MONGOLICA - VI: Dedicated to the 150th birthday of A. M. Pozdnev. SPb., 2003. P. 7-18.

Информация об авторе:

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакий университет, Осака. Япония
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886,
aledybo@gmail.com

Получена: 03 08 2018

Для цитирования: Дыбовский А.С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851-1920) и практическое востоковедение России. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с. 83-105.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105.

Information about the author:

Alexander C.Dybovsky, candidate of philological Sciences, Professor, School of language and culture, graduate school, Osaka University, Osaka. Japan
ORCID iD is 0000-0001-6236-0886,
aledybo@gmail.com

Received: 03 08 2018

For citation: Dybovsky A.C. Alexey M. Pozdnev (1851-1920) and Russian practical oriental studies. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 83-105.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105.
(in Russ)

УДК 316.7;93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-106-111

ПЛАТОНОВА Нонна Михайловна
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
г. Хабаровск, Россия
nonnaplaton@mail.ru

Nonna M. PLATONOVA
Far Eastern State Transport University
Khabarovsk, Russia
nonnaplaton@mail.ru

ОТКЛИК НА РУБРИКУ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: КОНЕЦ XX - НАЧАЛО
XXI вв.» НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ» № 3 за 2018 год

RESPONSE TO THE COLUMN «THE FAR EAST IN
RUSSIAN HISTORY: END OF THE 20th -
BEGINNING OF THE 21st CENTURIES» OF THE
SCIENTIFIC JOURNAL "HISTORICAL AND SOCIAL-
EDUCATIONAL IDEA" No. 3, 2018

Статья представляет собой отклик на рубрику научного журнала, посвященную важным проблемам современного развития российского Дальнего Востока на рубеже XX-XXI вв. Сегодня это одна из приоритетных национальных задач как представителей власти, так и ученых различных направлений, практиков-экспертов. Анализируя научные исследования, автор стремился раскрыть широту и многообразие суждений, подходов и методов по изучению проблемы, акцентировать внимание на дискуссионных аспектах. Безусловно, статьи, представленные в рубрике, пополняют отечественную историографию и расширяют исследовательское пространство.

The article is a response to the column of the scientific journal, devoted to important problems of modern development of Russian Far East at the turn of the 20th-21st centuries. Today it is one of the priority national tasks of both of the representatives of the authority and scientists of various fields, practitioners and experts. Analyzing scientific research, the author aimed to reveal the breadth and variety of judgments, approaches and methods for studying the problem. Also the author focused on the discussion aspects. Undoubtedly, presented articles supplement national historiography and expand the research space.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Тихоокеанская Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион, постсоветский период, историография

Keywords: Russian Far East, Pacific Russia, Asian-Pacific area, post-Soviet period, historiography

Дальневосточные исследователи неожиданно для себя могут обнаружить на страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» № 3 за 2018 г. формат специального раздела «Дальний Восток в российской истории: конец XX - начало XXI вв.», в котором представлены статьи отечественных и зарубежных исследователей. Раздел охватывает важные теоретико-методологические и прикладные проблемы исторического развития Дальневосточного региона. Хотя сегодня статьи по дальневосточной тематике публикуются во многих журналах, но специальные рубрики в изданиях научных центров, отдаленных от Владивостока, встречаются не часто. И после прочтения этого раздела захотелось поделиться своими впечатлениями. Очень важно отметить, что редколлегия журнала, анонсируя номер, обратилась к важнейшим историческим событиям России, имевшим важное значение в развитии исторического прошлого нашего отечества. Обращение дальневосточных историков к постсоветскому ду - это новое направление, характеризующее современное развитие исторической науки в России. Когда известному философу А.М. Пятигорскому задали вопрос: «Есть мнение, что сейчас, например, нельзя писать про 90-е?», он ответил: «Если вам уже пришла в голову идея писать про 90-е - значит, все это у вас уже в голове. "Нельзя" - значит не так называемое существующее, объективное время, а в собственном мотивационно-волевом комплексе. Садитесь и пишите» [8].

В этой связи хочется отметить историографические исследования ученых-историков Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН, направленные на научное осмысление политических, социально-экономических, демографических трансформаций, на изменения структур повседневности на Дальнем Востоке в постсоветский период (1991 - начало 2000-х гг.). А.С. Ващук в статье «Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX - начале XXI вв.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов», рискуя вызвать критику со стороны ряда историков, традиционно работающих в историографическом жанре, включает, кроме научных

публикаций, экспертные заключения, публицистику, которые по ее мнению, в своей совокупности более ярко воссоздают современное гуманитарное пространство и выход гуманитариев на уровень экспертной деятельности. Можно приветствовать и такой историографический подход, как анализ широкого спектра мнений ученых, относящихся к разным отраслям гуманитарного знания: экономистов, географов, социологов, историков по проблеме изучения поворота России на Восток. Эта широта концепций и междисциплинарность хорошо подтверждает вывод автора, что точки зрения экспертов в вопросах роли региона в социально-экономическом развитии Российской Федерации крайне разнятся: Дальний Восток для Центра либо территориальная обуза и ресурсная периферия - либо экономическое пространство с преобладающей перспективой роста внутри- и внешнеэкономической динамики в АТР. Нельзя не согласиться с выводами А.С. Ващук, что «в XXI в. дальневосточная проблематика становится частью интеллектуальной отечественной истории», а «обращение к термину "Тихоокеанская Россия" можно назвать одним из признаков утверждения концепции политики поворота на Восток» [2, с. 38].

Абсолютно новым направлением современного этапа отечественной исторической науки является проблема «Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 - начале 2000-х гг.», ей посвящена статья Е.Н. Чернолуцкой. Автор акцентирует внимание читателей на зарубежных публикациях западных экспертов об одном из сложных периодов развития российского общества. Как справедливо отмечает автор, современная внутривнутриполитическая история российского Дальнего Востока слабо освещена в англоязычной историографии, научное осмысление сложных процессов трансформации, происходивших в годы перестройки, практически шло в режиме реального времени, и ученые чаще всего выступали в качестве комментаторов текущих событий. Центральное место в их работах занимает вопрос о власти, рассматриваемый в рамках концепции центр-периферийных отношений. Особый интерес вызывает исследование феномена так называемого сепаратизма на Дальнем Востоке в работах западных коллег, а также эволюция региональной политической элиты. В заключении Е.Н. Чернолуцкая отмечает, что «некоторые позиции англоязычных авторов носят дискуссионный характер, в основном ими проработаны и проанализированы лишь те явления и тенденции, которые наиболее ярко проявились в постсоветский период» [10, с. 122].

Новизной постановки отличаются статьи сотрудников института истории не только историографического направления, но и статьи, отражающие социальные реалии конца XX и начала XXI в. Творческая лаборатория Е.С. Волковой является ярким примером воплощения идей антропологического подхода в исторической работе: через призму деятельности конкретного человека Е.С. Волкова в статье «Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX-XXI вв. в зеркале художественной литературы» рассматривает жителей региона в трансформирующемся социально-экономическом пространстве. В качестве главного источника для изучения постсоветского периода, который позволил автору воссоздать социально-исторические типы поведения, образ мышления, общественные настроения и отследить изменения повседневности, автор выбрал художественную литературу. Е.С. Волковой удалось показать, как литературные источники демонстрируют негативные тенденции (катастрофическое падение реальных денежных доходов населения, развал промышленности, уменьшение рождаемости, миграция и т.д.) в развитии дальневосточного социума и позволяют проиллюстрировать статистические данные и официальные документы. После прочтения статьи возникло желание поглубже узнать дальневосточную литературу. Да и сами писатели предстают как участники исторического процесса [2].

Не ослабевает исследовательский интерес к истории российско-китайских отношений, которые прошли сложные этапы. Между двумя государствами были разные периоды - и активного взаимодействия, и конфронтационного противостояния. В современных условиях развитие сотрудничества России и Китая, влияние китайского фактора на экономическое развитие Дальнего Востока, последовательная защита национальных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются важными государственными пробле-

мами, что нашло отражение в исторических исследованиях. И хотя статья Н.Ф. Бугая «Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920-1940-е гг.» выходит за хронологические рамки рубрики, мы не смеем критиковать за это редколлегия. Автор статьи, поднимая проблему взаимоотношения между китайцами и установившейся советской властью, раскрывает их место и роль в очень сложных внешнеполитических условиях и на этапе становления советской системы. Автор дополняет своих предшественников, подчеркивая, что Дальний Восток стал особой контактной территорией в XX в. Ведущей сферой приложения сил для китайцев (наряду с промышленным сектором, сельским хозяйством, сезонными работами) была торговая деятельность, особо обращается внимание на проблемы обучения китайских студентов и офицеров в советских военных школах и училищах, показывается процесс вовлечения китайской части населения в общественно-политическую жизнь восточных территорий [1].

Следующая статья Е.Г. Гарбузаровой «Дальний Восток России в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс - один путь»: перспективы и риски» раскрывает сложные аспекты российско-китайского сотрудничества, обосновывает существующие риски и угрозы, доказывает необходимость пристального внимания к модернизации Дальнего Востока, что продиктовано вызовами времени. Резюмируя, автор подчеркивает, что «России на востоке, с одной стороны, необходимо способствовать развитию региона, учитывать национальные интересы и совершать минимум уступок, с другой - расширять взаимодействие с Китаем, снижать вероятность недопонимания между государствами» [4, с. 62]. Хотя данный вывод можно найти и в других публикациях, здесь важно подчеркнуть то видение автора из ближнего зарубежья проблемы, которое интегрируется в общее концептуальное видение проблемы.

На волне активного роста научного интереса к российскому Дальнему Востоку возникла необходимость в осмыслении политики развития региона, осуществляемой государством. Весомый вклад в разработку этого направления также вносят публикации, представленные на страницах журнала ИСОМ исследования Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН. В солидной статье В.Л. Ларина «Тихоокеанская Россия в "Большой Евразии" начала XXI века: вызовы и ответы» анализируется сущность и воздействие вызовов и угроз развитию восточных районов страны. Сегодня статус и миссия Тихоокеанской России вновь претерпевают изменения - от «моста между Евразией и АТР» и «платформы для интеграции России в АТР» к восточной окраине «Большой Евразии». Можно разделить мнение автора, который с сожалением отмечает, что в настоящее время тема вызовов и угроз развитию Дальневосточного региона недостаточно активно обсуждается в российской академической среде, но периодически поднимается в западной литературе. В заключении В.Л. Ларин за фасадом обилия декларируемых идей, проведенных специальных форумов и объявленных проектов все-таки видит элементы снижения интереса Центра к Дальнему Востоку, что в условиях кардинально меняющегося геополитического расклада в АТР может стать новой и вполне реальной угрозой для России [5, с. 74].

Продолжая тему политики развития Дальневосточного региона, исследователи С.К. Песцов и А.Б. Волынчук в своеобразной формулировке ставят проблему «Стратегии развития Дальнего Востока: (не)типичный случай современной региональной политики». Авторы предлагают анализ исторического случая в рамках основных подходов, анализа основных черт и особенностей в контексте научной дискуссии о т.н. новой парадигме региональной политики. Представленные статистические показатели и их глубокий анализ приводят авторов, на наш взгляд, к логичному выводу, что планы и практические действия российского руководства по развороту России в Азию и развития Дальнего Востока не дают оснований для оптимизма. Современная российская региональная политика скорее способствует сохранению за Тихоокеанской Россией статуса слабоосвоенной периферийной территории на неопределенное время [6]. Статья В.Л. Ларина и совместная статья С.К. Песцова и А.Б. Волынчука отличаются своей тональностью от оптимистических оценок экспертов. Вероятно, очень сильно желание дальневосточных ученых предупредить

политиков, чтобы «очередной» поворот на Восток не был потом объектом критики будущих поколений историков.

В статье А.Е. Савченко «В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX - начале XXI века» показан процесс поиска оптимальной модели развития региона и идеологический контекст, в котором происходил ее вариативный выбор. Автор поднимает ряд важных для дальневосточной политики вопросов и подчеркивает, что принятым в разные годы (1987, 1996, 2013) программам развития восточных районов необходима сильная центральная власть. Подводя итоги, А.Е. Савченко отмечает, что «программный подход может выступать лишь отдельным элементом дальневосточной политики и решать узкие специфические задачи, а для долгосрочного прогресса Дальнего Востока более важным представляется обеспечение стабильных и благоприятных макроэкономических условий» [9, с. 111].

Отдельного упоминания заслуживает тема исторического опыта освоения российских восточных территорий с помощью миграции рабочей силы. Этому посвящена статья В.Г. Петровича и С.И. Самсонова «Саратовское Поволжье и Дальний Восток: третье столетие отношений». Научно-познавательный интерес представляет не только обширный статистический материал, но и информация о поселениях в Амурской и Приморской областях Российской империи, которые основывали выходцы из Саратовского Поволжья, сопоставление миграционной политики П.А. Столыпина и современного проекта «Дальневосточный гектар». В выводах авторы акцентируют внимание на том, что приоритетное развитие Дальнего Востока можно обеспечить, учитывая исторический опыт освоения восточной окраины, традиционную связь регионов России, важность обеспечения переселенцев льготами [7, с. 99].

С уверенностью можно сказать, что исследования авторов, опубликованные в рубрике «Дальний Восток в российской истории: конец XX - начало XXI вв.», выступают средством информационного обмена среди историков, политологов, социологов, что в современных условиях является насущной задачей и практической целью. Надеюсь, что научный журнал и его рубрика и в дальнейшем будет стимулировать новые научные исследования и станет заметным актом в развитии отечественных гуманитарных наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бугай Н.Ф. Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920-1940-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т.10. - № 3/1. - С. 13-29. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-13-29
2. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX - начале XXI вв.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 30-45.
3. Волкова Е.С. Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX-XXI вв. в зеркале художественной литературы // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 46-57.
4. Гарбузарова Е.Г. Дальний Восток России в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс - один путь»: перспективы и риски // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 58-64.
5. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в "Большой Евразии" начала XXI века: вызовы и ответы // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 65-81.
6. Песцов С.К., Волинчук А.Б. Стратегии развития Дальнего Востока: (не)типичный случай современной региональной политики // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 82-92.
7. Петрович В.Г., Самсонов С.И. Саратовское Поволжье и Дальний Восток: третье столетие отношений // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 93-103.
8. Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: Размышления и соображения. Цикл лекций. - URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf>.

9. Савченко А.Е. В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX - начале XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 104-113.
10. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 - начале 2000-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2018. - Т. 10. - № 3/1. - С. 114-123.

REFERENCES

1. Bugai N.F. Obshchestvenno-politicheskaya obstanovka na Dalnem Vostoke: kitaytsy v sovetskom stroitelstve. 1920-1940-e gg. [Public-political situation in the Far East: Chinese in the Soviet construction. 1920-1940th years]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 13-29. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-13-29 (In Russ).
2. Vashchuk A.S. Dalnevostochnaya politika postsovetskoy Rossii v kontse XX - nachale XXI vv.: kontseptsii, ekspertnyye mneniya i tochki zreniya publitsistov. [Far Eastern policy of post-Soviet Russia in the late XX-early XXI century: concepts, expert opinions and publicists' points of view]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 30-45. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-30-45. (In Russ).
3. Volkova E.S. Zhizn posle reform: praktiki vyzhivaniya dalnevostochnikov na rubezhe XX - XXI vv. v zerkale khudozhestvennoy literatury. [Life after reforms: practices of survival of the Far East at the turn of the XX-XXI centuries in the mirror of fiction]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 46-57. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-46-57 (In Russ).
4. Garbuzarova E.G. Dalniy Vostok Rossii v kontekste sopryazheniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i kitayskogo proyekta «Odin poyas - odin put»: perspektivy i riski. [Russian Far East in the context of the Eurasian economic Union and the Chinese project "One belt - one road": prospects and risks]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 58-64. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-58-64. (in Russ)
5. Larin V.L. Tikhookeanskaya Rossiya v "Bolshoy Evrazii" nachala XXI veka: vyzovy i otvety. [Pacific Russia in the "Great Eurasia" of the early XXI century: challenges and answers]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 65-81. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-65-81. (in Russ)
6. Pestsov S.K., Volynchuk A.B. Strategii razvitiya Dalnego Vostoka: (ne)tipichnyy sluchay sovremennoy regionalnoy politiki. [Development strategies of the Far East: (not) a typical case of modern regional policy]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 82-92. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-82-92. (in Russ).
7. Petrovich V.G., Samsonov S.I. Saratovskoye Povolzh'ye i Dalniy Vostok: tret'ye stoletiyе otnosheniy. [Saratov Volga region and the Far East: the third century of relations]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 93-103. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-93-103. (in Russ)
8. Pyatigorskiy A.M. Chto takoye politicheskaya filosofiya: Razmyshleniya i soobrazheniya Tsikl lektsiy. [What is political philosophy: Thoughts and reflections. Lecture series]. (In Russ). <http://library.khpg.org/files/docs/1424972598.pdf>.
9. Savchenko A.E. V poiskakh klyucha. Programmyy podkhod k razvitiyu Dalnego Vostoka v kontse XX - nachale XXI veka. [Looking for the key. Program approach to the development of the Far East in the late XX - early XXI century]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 104-113. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-104-113. (in Russ).
10. Chernolutsкая E.N. Angloyazychnaya istoriografiya o politicheskikh transformatsiyakh na Dalnem Vostoke Rossii v 1990 - nachale 2000-kh gg. [English-language historiography of political transformations in the Far East of Russia in the 1990s-early 2000s.]. Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl = Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. No. 3/1. Pp. 114-123. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-114-123. (in Russ).

Информация об авторе:

Платонова Нонна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск, Россия
nonnaplaton@mail.ru

Получена: 09.08.2018

Для цитирования: Платонова Н.М. Отклик на рубрику «Дальний Восток в российской истории: конец XX - начало XXI в.» научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» № 3 за 2018 год. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.106-111.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-106-111.

Information about the author:

Nonna M. Platonova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern State Transport University,
Khabarovsk, Russia
nonnaplaton@mail.ru

Received: 09.08.2018

For citation: Platonova N.M. Response to the column «the Far East in Russian history: end of the xx - beginning of the xxi centuries» of the scientific journal "Historical and social-educational idea" no. 3, 2018. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 106-111.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-106-111.
(in Russ)

***Социологические
и гуманитарные науки.***
Исторический, социологический и
психологический аспекты

***Sociological
and Humanities Sciences.***
Historical, Sociological and Psychological Aspects

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-115-124

ВЕЛИКИЙ Пётр Панфилович
Лаборатория социального развития
агропромышленного комплекса и сельских
территорий
Институт аграрных проблем Российской
академии наук
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Peter P. VELIKIY
Laboratory of Social Development of the
Agro-Industrial Complex and Rural Territories
Institute of Agrarian Problem of the
Russian Academy of Sciences
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

УСПЕШНЫЕ ХОЗЯЕВА СЕЛЬСКИХ ПОДВОРИЙ: НАСЛЕДНИКИ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРЫ

SUCCESSFUL RURAL FARMSTEADS: HEIRS OF TRADITIONS AND INNOVATORS

В статье рассмотрены проблемы жизнедеятельности группы семей, которой присущи социоструктурные признаки, отличные от основной массы членов сельских сообществ. Это семьи, ориентированные на самообеспечение своего благополучия ресурсами за счет более крупного личного подсобного хозяйства. Используя традиционно крестьянские ресурсы (домашние животные, плодородие приусадебных земельных участков, промыслы), они стали создавать уровень жизни, вполне сопоставимый с тем, что обеспечивал труд в других укладах. Хотя они дифференцированы по масштабам хозяйствования, но в целом уровень их жизни, как правило, выше, чем у односельчан, занятых только в сельскохозяйственных организациях или живущих на средства, получаемые в результате маятниковой трудовой миграции. Автор, опираясь на метод социологии «включенное наблюдение», рассматривает данную группу, названную «успешные хозяева сельских подворий», с позиции спецификации целей и смыслов активности, достигнутых результатов, делает сравнение ее с успешными представителями фермерского уклада. Хотя между образом жизни семей успешных сельских подворий и фермера существует большое различие, но есть и общие черты, присущие современному аграрию, соединяющему инновации аграрной науки и крестьянскую культуру природопользования. Объединяет их и отношение к вызовам и угрозам природного и социального характера. Соединение в трудовой деятельности традиций крестьянских, которые включают не только различные способы труда, но и многообразие вариантов учета специфики природных явлений, с новациями, привнесенными аграрной наукой, является существенной характеристикой стиля жизни успешных хозяев сельских подворий. У одних семей преобладают либо крестьянские, либо новые индустриальные способы труда. Семьи, среди членов которых есть механизаторы широкого профиля и необходимая техника, нередко специализируются на обслуживании односельчан (и даже организаций, базирующихся в другом селе) по доставке различных грузов. Главное отличие успешных хозяев подворий от семей, имеющих ЛПХ меньшего масштаба, заключается в целевых установках на автономное существование с опорой на ресурсы семьи - физические, профессиональные, духовно-нравственные. Поддержание семьи такого хозяйства становится неотъемлемым атрибутом жизнеустройства независимо от того, имеют ли члены семьи рабочее место в сельскохозяйственной организации или нет.

Ключевые слова: семейные хозяйства, акторы, смыслы, цели, мотивация, социальная среда, уклады, фермеры, наемные работники

The article deals with the problems of the life activity of a group of families, which are characterized by socio-structural features that differ from the main mass of members of rural communities. These are families that are oriented toward self-sufficiency of their well-being with resources at the expense of a larger personal subsidiary farm. Using traditionally peasant resources (domestic animals, the fertility of personal plots of land, crafts), they began to create a standard of living quite comparable to what provided labor in other ways. Although they are differentiated in terms of economic size, but in general, their standard of living is generally higher than that of fellow villagers employed only in agricultural organizations or living on funds obtained as a result of pendulous labor migration. The author, based on the method of sociology, included observation, considers this group, named "successful masters of rural farmsteads", from the point of specifying the goals and meanings of activity, the results achieved, and comparing it with successful representatives of the farming system. Although there is a big difference between the way of life of families of successful rural farmsteads and the farmer, but there are also common features inherent in modern agrarians, connecting the innovations of agrarian science and the peasant nature management culture. They are united by their attitude to challenges and threats of a natural and social nature. The combination of the traditions of the peasant in the work activity, which include not only different methods of work, but also the diversity of options for taking into account the specific nature, with innovations introduced by agrarian science, is an essential characteristic of the style of life of successful farms of rural farmsteads. Some families are dominated by either peasant or new industrial methods of work. Families, among whose members there are machine operators of a wide profile and the necessary equipment, often specialize in servicing villagers (and even organizations based in another village) for the prosperity of various cargoes. The main difference between successful owners of farmsteads and families with small-sized private household plots is the target of autonomous existence based on the resources of the family - physical, professional, spiritual and moral. Maintaining the family of the family economy becomes an indispensable attribute of life-support, regardless of whether the family members have a work place in the agricultural organization or not.

Keywords: family farms, actors, meanings, goals, motivation, social environment, ways of life, farmers, hired workers

**Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ
(Проект номер 18-011-00206, конкурс А 2018)**

Acknowledgement. The article was prepared with the support of the RFBR grant (Project number 18-011-00206, competition A 2018, "Successful Hosts of Farmsteads: Meanings and Results of Active Livelihoods").

Соединение процессов производства сельскохозяйственной продукции и реализации ее на рынке - неотъемлемое содержание жизнедеятельности крестьянства и фермеров во все эпохи их присутствия в обществах. Торгующими крестьянами называл Ленин хлеборобов села Шушенское, наблюдая их во время своего пребывания там в качестве ссыльного.

В советское время колхозное крестьянство опривычило другую лексику: произведенную продукцию нужно было не продавать, а сдавать государству, что отражало неэквивалентность обмена ресурсами. И вот в конце XX в. настало время, когда реализуется снова модель, включающая коммерческое начало, - плоды крестьянского труда отчуждаются исключительно путем реализации на рынке. Считается, что получаемые при этом доходы стимулируют трудовую активность, инновационное поведение персонала предприятий хозяйствующих субъектов. Хотя по общему принципу рыночной экономики это действительно так, но реализуется он и в разных укладах аграрного сектора неодинаково.

Менеджмент какого-нибудь ООО или фермер при высоких доходах могут и не увеличивать оплату персоналу, оправдывая это тем, что нужно обновлять технику, отдавать долги, что-то строить и т.п. Составу работников, положение которых не выходит за пределы статуса наемных, особой пользы от выгодной реализации продуктов их труда может и не быть. Это характерно для всех действующих укладов отечественного АПК, особенно для занятых в фирмах агрохолдингов.

Исключением являются сельскохозяйственные производственные кооперативы и семейные хозяйства (ЛПХ) - уклады, в которых хозяйственная самостоятельность всех участников является непреложным условием успеха их функционирования. Для агросельской социологии они представляют большой интерес, исходя из следующих предпосылок.

Как известно, в ходе ликвидации колхозно-совхозного строя АПК было предложено несколько новых укладов, в которые по свободному выбору могли включиться сельские жители: акционерные общества, фермерство, товарищества, производственные кооперативы, ЛПХ и некоторые другие, например индивидуальное предпринимательство в социальной сфере. Предполагалось, что рынок отберет наиболее жизнеспособные, экономически эффективные.

Сейчас кажется удивительным и парадоксальным подход к расстановке акцентов реформирования: в поле осмысления брались экономические и полностью исключались факторы социальные, то, как будут выживать семьи, членам которых не нашлось рабочего места в организациях новых укладов. По существу это была модель жизнеустройства людей единообразная для города и села. Но в городе при закрытии предприятий все-таки можно было рассчитывать на заработок в какой-то другой сфере, в селе же колхоз (ликвидация которого совпала с обострением общей экономической ситуации в стране) был, как правило, единственным источником существования.

Данная ситуация обострила потребность части семей к активизации хозяйствования семейного, с использованием традиционно крестьянских ресурсов (домашние животные, плодородие приусадебных земельных участков, промыслы).

Высокая значимость семейных подворий в создании фонда продовольствия в оценках ученых-аграрников, политиков и общественном мнении массовых слоев городского населения общепризнанна. По данным органов государственной статистики, как в советское, так и в настоящее время от 40 до 70 % общего объема продукции поступает от личного подсобного хозяйства крестьян, которая в основном ими и потребляется.

Тема семейного хозяйства, получившего название «личное подсобное хозяйство» (ЛПХ), привлекала внимание ученых на всех этапах советского периода и в начале 1990-х годов. В работах позднесоветского времени поднимались общетеоретические вопросы, касающиеся социально-экономической природы семейного хозяйства, анализировались данные эмпирических исследований, раскрывающие место ЛПХ в производстве сельскохозяйственной продукции, в товарообороте и доходах сельской семьи (Т.И. Заславская [1], Р.В. Рывкина [2], Г.И. Шмелев [3]). Среди социологических публикаций на рубеже начала аграрной реформы особо следует выделить работу З.И. Калугиной «Личное подсобное хозяйство в СССР» [4], в которой автор, помимо выделения функций этой формы, рассматривает перспективы ее в проекции зарождения аренды и подряда в сельском хозяйстве.

В начале 90-х годов в анализе ЛПХ акценты сместились в сторону критической оценки сосуществования его с колхозом. В формуле «колхоз как филиал ЛПХ» (В.Г. Виноградский) [5] схватывался смысл обусловленности успехов семейного хозяйства в зависимости от этоса и практик льготного или бесплатного обеспечения его колхозными ресурсами, предсказывалось наступление трудного времени для ведения подворья, когда такие связи прекратятся.

Другой линией анализа постколхозных реалий явилось наделение субъектов семейного хозяйства качествами, присущими крестьянам XIX - начала XX в. в отношении владения земельной собственностью и обработки ее в статусе фермеров (В.Ф. Башмачников) [6]. Однако массового устремления крестьян к данной перспективе не случилось, что вызвало ряд публикаций по объяснению причин, среди которых назывались: переформирование сознания нескольких поколений сельских жителей за годы их колхозного бытия (В.П. Данилов) [7], традиционной осмотрительности, которая спасла многие семьи от «прыжка в омут несообразностей аграрной реформы» (П.П. Великий) [8].

По мере продвижения аграрной реформы, сломавшей колхозный механизм взаимодействия сельских жителей с сельскохозяйственной организацией и установления факта недоступности рабочих мест в новых укладах, аграрные социологи пытались выявить, может ли семья существовать за счет ЛПХ (Ч.И. Ильдарханова [9], А.М. Никулин [10], О.В. Нечипоренко [11], Р.Р. Салахутдинова [12], В.Г. Виноградский [13], В.В. Пациорковский [14], В.Л. Шабанов [15], И.Е. Штейнберг [16]). В процессе изучения структурной дифференциации уже тогда была выявлена группа сельских жителей, инициативных, ответственных, информационно компетентных, которая стала самостоятельно изыскивать каналы жизнеустройства: в форме трудового отходничества, занятости редкими видами аграрного труда (пчеловодство) (П.П. Великий, М.Ю. Мореханова [17], Ч.И. Ильдарханова [18] и др.).

Для оценки перспектив семейного хозяйства и места в нем успешных хозяев представляется важным обоснование Э. Шумахером в работе «Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение» [19] идеи большей человекосоразмерности трудовой занятости в мелких, нежели в крупных, формах хозяйствования.

В то же время нельзя не учитывать российский опыт, в том числе советского периода, в осмыслении семейного хозяйства. Исследования новосибирских социологов показали, что в среднесоветский период существовала зависимость удельного веса крестьян, предпочитавших вести крупное семейное хозяйство от уровня урбанизированности поселения. По мере роста элементов урбанизации и технического оснащения сельскохозяйственного труда люди отказывались от расширения ЛПХ. Сегодня эта тенденция пресекалась под воздействием новых обстоятельств - возможным отсутствием сельскохозяйственных организаций и фермеров даже в крупных поселениях, считавшихся оплотом урбанизации сельских территорий.

Результаты успешности сельских подворий в этих условиях в настоящее время целиком зависят от смысловой составляющей его агентов.

Смысл жизни крестьян был предметом изучения в основном на рубеже XIX-XX вв. (А.Н. Энгельгардт [20], С.В. Мартынов [21], А.И. Шингарев [22], А.М. Большаков [23]). Затем последовал значительный перерыв, и только с середины 80-х годов появились исследо-

вания, в той или иной степени затрагивающие эту тему (П.И. Симуш [24], В.И. Староверов [25], В.А. Артемов [26], Р.В. Рывкина [27], Г.С. Широкалова [28], А.М. Никулин [29], В.Г. Виноградский [30]). Особое значение для понимания смыслов активной жизнедеятельности имеют публикации Т. Шанина и членов группы исследователей, изучавших под его руководством семейные истории российских крестьян [31].

В 2015-2016 гг. к теме смыслов сельской жизни обратилась группа исследователей под руководством Ж.Т. Тощенко [32]. В итоговой публикации дана широкая панорама смысложизненных ценностей людей в разрезе поселений разной крупности, в зависимости от образования, профессии, пола и возраста, освещены общие проблемы жизнедеятельности сельского социума.

В то же время среди них имеется и воспроизводится специфическая группа. Это члены семейных хозяйств, занимающих, по оценкам экспертов, не более 10-15% домохозяйств, которые, создав достаточно крупное хозяйство, наладили устойчивый поток пищевых продуктов, востребованных на рынках городов и в крупных поселениях муниципальных районов. Эта категория семей в чем-то отличается по смыслам жизни от тех, чья трудовая деятельность проходит в общественно организованных укладах. Не уклоняясь от такого же участия, успешные хозяева больше, чем другие односельчане, озабочены результатами своего семейного хозяйства, хотя это увеличивает рабочее время и трудовую нагрузку.

В научном осмыслении их социального положения, социально-ролевой структуры и духовного мира многое не проблематизировано. Остаются не проясненными смыслы активности, выходящие за некую норму, принятую в сельских сообществах: является ли она ответом на изменение потребностей членов семьи или выступает ресурсом приспособления к непредсказуемым ситуациям, способом преодоления несбалансированности между мерой труда и его оплатой в общественно-организованных укладах, или из-за психологической предопределенности («трудоголики»).

Актуальность избранной темы определяется практическими и научными потребностями, необходимостью более глубоко и эффективно исследовать процессы, происходящие в центре и на границах структурообразования современного российского общества, углубить теоретические позиции социологии повседневности, поиском соразмерной занятости в рамках сельскохозяйственных организаций и семейного хозяйствования

Достижение хороших результатов в личном подсобном хозяйстве, с одной стороны, свидетельствует о сохранении созидательного человеческого потенциала села, о наличии у семьи смыслов жизни, ориентированных на значимые личные и общественные цели, несмотря на сокращение пространства формализованной трудовой занятости. С другой - требует переоценки институализации и практик официального фермерства, мелкого и среднего. Если крепкие ЛПХ - в смыслах сельчан реальный пример доступной перспективы в достижении благополучия, то, например, практики хозяйствования мелкого фермерства отражаются в сознании как образец непреходящей «головной боли» из-за множества препятствий - производства, хранения и сбыта продукции, притязаний фискальных органов.

Итак, созданная структура аграрного производства слабо способствует эффективной реализации человеческого капитала занятых на сельскохозяйственных предприятиях и в фермерских хозяйствах. В этих условиях ведение семейного хозяйства остается неизменным атрибутом жизнеустройства сельской семьи, независимо от того, имеют ли ее члены рабочее место в сельскохозяйственной организации или нет. В то же время семейные хозяйства дифференцированы: от крупных (в допустимых правовых рамках) до мелких, средних и просто «символических».

Главное отличие успешных хозяев подворий от семей, имеющих ЛПХ меньшего масштаба, заключается в целевых установках на автономное существование с опорой на ресурсы семьи - физические, профессиональные, духовно-нравственные. Эти ресурсы во многом определяют выбор специфики хозяйства по набору «отраслей» - либо набор узкого профиля (например, овощеводство, кролиководство, пчеловодство), либо многоотраслевого крестьянского типа (коровы, овцы, козы, птица, овощеводство и т.п.). Есть разли-

чия и по наработанным ресурсам в зависимости от стажа хозяйства. На начальном этапе они могут и не отличаться от ЛПХ, присущего массовому жителю села, но постепенно наращивая потенциал, становятся другими и по размеру, и по товарности.

Выбор способа обеспечения человеком своего благополучия определяется смыслами широкого диапазона, поэтому оценка социального облика данной группы будет неполной, если ограничиться материальной составляющей образа жизни. Не меньшее значение имеют социокультурные характеристики отношения людей к экономике, политике, культуре, поскольку идеальное содержание этого ряда ценностей определяют ориентиры их на цели и средства достижения результатов, приемлемых и одобренных обществом.

Успешные хозяйства сельских подворий с позиции принципов человекосоразмерности жизнедеятельности должны действовать в соответствии с нормами, регулирующими не только производственную сторону, но и их повседневность, приобщение к ценностям культуры, духовности и сохранения здоровья. В этом контексте особое значение приобретает проблема измерений социокультурных характеристик людей, с учетом того, что не существует стандартов или норм «должного» поведения их в сфере культуры. Выход мы видим в сравнении с группой, переход в которую является идеальным вариантом поступательного развития. Наиболее полно трудовая жизнь и среда вне ее согласуется у фермеров, достигших такого положения, когда их функции ограничиваются управлением трудом наемного персонала управления, тогда как хозяева ЛПХ лично трудятся, семья их действует на принципах единой команды. Тем не менее сравнение возможно. Дело в том, что почти каждая из таких семей ставит цели развития и расширения хозяйства, а это путь к статусу фермера. Жизнь изобилует такими примерами. Так, в Республике Татарстан количество ЛПХ, переходящих в фермерский статус, превысило 500 (за счет грантов и других способов помощи с участием банков и муниципальных органов) [33]. Главным условием получения гранта на создание высокотехнологизированных ферм по нормам фермерства является собственный начальный капитал, который претендент может создать, ведя товарное ЛПХ.

Итак, фигурантом, занятым схожим с успешным хозяином сельских подворий делом и заботами, является фермер, причем не мелкий, поскольку жизнедеятельность его вообще не может претендовать на роль образца, а средний, основная функция его - организация и управление. Опираясь на метод социологического исследования «включенное наблюдение», сравним краткое «досье» фермера и успешного хозяина сельских подворий.

Фермер: образование высшее, возраст 36 лет, дочерям 6 лет и 2 года, жена - 33 года, не работает, занята воспитанием детей. Выращивает зерновые культуры на площади в 2 тыс. га. Имеет для этого полный набор техники: трактор, комбайн, сеялки, плуги. Временная нагрузка на работе: март-август - 10 часов, сентябрь-октябрь - 12 часов, декабрь-февраль - 2-3 часа. Личное подсобное хозяйство отсутствует. Доход позволяет хорошо обустроить быт семьи: в течение двух лет (2016-2017 гг.) приобретены новые модели электронных средств информации, вложены средства в строительство дачи на сумму более 2 млн рублей. Ежегодно проводит отпуск в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи. Часто посещает театры и концерты профессиональных артистов.

Включен в существующие формы повышения профессиональной компетенции (Интернет, семинары, изучение специальной литературы). В случае неординарных ситуаций рассчитывает на помощь друзей- фермеров. Является председателем родительского комитета в школе, оказывает эпизодически помощь сельскому сообществу и регулярно - наемному персоналу. Предметом беспокойства являются цены на зерно, неурожайные годы. Повседневность протекает бесконфликтно. Планирует расширение хозяйства. С учетом трудностей и достижений по 10-балльной шкале удовлетворенности поставил себе высшую оценку.

Успешные хозяйства сельского подворья: муж - 43 года, жена - 36 лет, дочери - 15 и 6 лет. Оба супруга имеют среднее специальное образование, трудовая деятельность началась в 19 лет. Жизненный опыт мужа наработан в процессе выполнения функций

слесаря, горного мастера, оператора автоматических станков и линий агрегатов. Опыт жены более скромнен, хотя, судя по распределению функций в хозяйстве, она вполне квалифицированно ведет учет баланса ресурсов. Несмотря на то, что аграрный опыт у них ограничивался лишь детскими годами, проведенными в сельской семье своих родителей, они девять лет назад переселились в деревню (устроиться на работу в которой практически невозможно) с ориентацией выживания за счет ЛПХ. Смысл жизни составляющая - благополучие семьи, образование детей. Кроме того, деловой азарт, довольство собой как хозяином положения, который без какого-либо посредника (в лице хозяйственной организации или муниципалитетов) самостоятельно способен организовать нормальную повседневность своих близких. Переселились в деревню с Дальнего Востока. Хозяйство двухотраслевое: кролики - 70 голов, куры - 150 голов. На собственное потребление идет около 10-15% продукции, остальное - на продажу, то есть обеспечивают едой, по убеждению этих хозяев сельского подворья еще восемь семей, подобных себе по составу. На приусадебном участке выращивают овощи исключительно для своего питания. На подворье имеется крольчатник и помещение для кур. Техническое оснащение: подержанный легковой автомобиль с прицепом, мотоблок с разными насадками, набор электроинструментов, измельчитель зерна. В доме имеется разнообразный набор бытовых предметов: компьютер с выходом в Интернет, новая мебель. С учетом накопленного имущества и покупок в 2016-2017 гг. семью можно отнести к группе среднего уровня успешных хозяйств подворья. Повседневность членов семьи жестко привязана к обслуживанию животных. Муж ежедневно с 7:30 утра до 10 ч. вечера с несколькими перерывами (завтрак, обед, часовой отдых, ужин) выполняет predetermined трудовые операции, которые нельзя ни отложить, ни тем более отменить. В субботу и воскресенье добавляются заботы о сбыте продукции, нужно преодолеть расстояние в 70 км до торговых точек, которые не всегда доступны.

Жена работает наравне с мужем: начиная трудиться еще раньше его, в 6:30 утра: приготовление еды, уборка в доме и на подворье, кормление и поение животных. В целом ее рабочий день длится 9 часов и 3 часа выделяется на занятия с детьми. Наиболее напряженным являются июнь-август, когда рабочий день длится до 14-16 часов. Пятнадцатилетняя дочь также в выходные дни, свободные от учебы, в течение 2-3 часов помогает матери в обустройстве быта.

Взаимодействие с местными фермерами и сельским сообществом отсутствует. Семья планирует расширить хозяйство. Возможность (на базе проективной оценки ситуации) перехода на работу в организацию с высокой зарплатой отвергается. Высоко оценивается возможность независимого, автономного образа жизни и самостоятельного обеспечения себя материальными ресурсами.

Среди угроз наибольшее значение придается поведению потребителей, отсутствию торговых площадей и неопределенности позиции муниципальных органов по отношению к представителям успешного хозяйствования в рамках ЛПХ. Избегают брать кредиты, объясняя это отсутствием ресурсов для залога и из-за недоверия банкам в целом.

Основным источником культуры является телевидение и Интернет. Супруги активно используют их для повышения своей профессиональной компетенции, сочетая новации с традиционными крестьянскими подходами к ведению хозяйства. Книг мало, и их не приобретают, газеты не выписывают. В отпуске с выездом за пределы села не были за 10 лет ни разу, и в целом социокультурные практики ограничиваются общением с покупателями продукции их хозяйства. Выезд за пределы своего села, помимо рыночных целей, крайне редки.

Несмотря на, казалось бы, «беспросветную» повседневность, супруги полны оптимизма и по 10-балльной шкале определили удовлетворенность жизнью в высшем значении - 10 баллов.

В семье господствует высокая моральная ответственность за качество продукции, идущей на рынок. Глава семьи, объясняя этот факт, ссылается на христианские заповеди, которым следуют члены семьи.

Несмотря на огромные различия в социальном и экономическом положении фермера и успешных хозяев сельского подворья, существуют общие схожие моменты. Прежде всего, это амбициозные смыслы развития - освоить, построить, увеличить, мотивируя не только созданием благ для семьи, но и осознанием своей самооценности и гражданской значимости. Они новаторы в сельской среде. Схожими являются их заботы и тревоги, подходы к технологиям труда, включающие применение технических средств, хотя и разных по масштабам, составу, мощности. Причем у успешных хозяев сельского подворья в большей степени распространен подход к хозяйствованию с использованием глубинных позитивных практик традиционной крестьянской культуры природопользования и достижения современной аграрной науки.

Субъекты сравниваемых укладов (фермерство и высший слой собственников ЛПХ) укоренены в сельском социальном (и территориальном) пространстве, и от них зависят и перспективы функционирования АПК и жизни деревни. Однако нельзя не заметить ту трудно проходимую, зачастую непреодолимую зону, которая отделяет успешных хозяев сельского подворья от фермера. При сходстве забот фермер, как правило, выполняет функции организатора процесса, управляя наемным персоналом; успешный хозяин сельских подворий все виды работ выполняет сам, с помощью членов семьи, и чем больше масштаб хозяйства, тем тяжелее нагрузки. Ключевыми словами обозначения возможности реализовать многие привычные для современного человека акции, вроде очередного отпуска, посещения учреждений искусства, музеев и стадионов, являются «невозможно», «не положено». Электронные средства информации и коммуникации частично этот пробел компенсируют, однако трудно так напряженно занятым людям обойтись без медицинского учреждения по месту жительства (впрочем, возврат ФАПов в среднем по людности села согласно государственным решениям уже начат). Успешные хозяева сельского подворья сильно дифференцированы: есть семьи, содержащие 15 и более коров, много другого скота и птицы; есть и те, кто содержит 2-3 коровы. Различаются они и по специализации. Причем крупных игроков агробизнеса успешные хозяева сельского подворья воспринимают как угрозу своему существованию, поскольку те могут легко вытеснить их из рыночной среды. Мало доступны для них и услуги банков. Но наиболее важным моментом является не столько масштаб хозяйствования, а то, что данная группа семей внутри владельцев ЛПХ воспроизводится от года к году, от десятилетия к десятилетию. Причем это происходит на принципах самоорганизации в ситуации отсутствия интереса к ним муниципальных органов и общественных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. - М.: Дело, 2002; Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. - М.: Дело, 2004.
2. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. - Новосибирск, 1979.
3. Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. - М.: Наука, 2000.
4. Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. - Новосибирск: Наука, 1991.
5. Виноградский В.Г. «Орудия слабых», неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. - 1999. - № 3-4. - С. 36-48.
6. Башмачников В.Ф. Возрождение фермерства в России (взгляд очевидца и авангардного участника). - Казань: Престиж, 2010.
7. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. - М.: РОССПЭН, 2011.
8. Великий П.П. Спасибо мужику за консерватизм // Деловой мир. 09.02.1991.
9. Ильдарханова Ч.И. Аграрная активность сельских семей Республики Татарстан: муниципальное измерение // Вестник КГАУ, - 2014. - Т. 9. - № 3.
10. Никулин А.М. Кубанский колхоз - в холдинг или асьенду // Социологические исследования. - 2002. - № 1.

11. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества в изменяющейся России: новации и традиции. - Новосибирск, 2010.
12. Российское село в условиях глобальных вызовов / Калугина З.И., Староверов В.И., Долгушкин Н.К., Нечипоренко О.В., Разин А.А., Хагуров А.А., Пациорковский В.В., Великий П.П., Широкалова Г.С., Староверова И.В., Сергиенко А.М., Ильдарханова Ч.И., Самсонов В.В., Фадеева О.П., Зазулина М.Р., Салахутдинова Р.Р. и др.: Коллективная монография / Под общ. ред. В.И. Староверова. - Уфа, 2014.
13. Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники: репортаж с диктофоном на шее // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. - М.: МВШСЭН, 2002. - С. 492-514.
14. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. - М., 2003.
15. Шабанов В.Л. Особенности современной сельской занятости (на примере Саратовской области) // Экономика сельского хозяйства России. - 2015. - № 7. - С. 78-83.
16. Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. - М.: МВШСЭН, 2002. - С. 183-189.
17. Мореханова М.Ю., Великий П.П., Хайбулаева Л.Г. Нетипичные крестьяне: социологический подход к изучению их жизнеустройства и стратификации // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2016. - № 3 [Электронный ресурс] - URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php>.
18. Ильдарханова Ч.И. Перспективы воспроизводства сельскохозяйственного ремесла: межпоколенческий аспект // Стратегическое управление социально-экономическим развитием агропродовольственного комплекса России в условиях роста глобальной конкуренции: материалы Островских чтений - 2016. - Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2016. - С. 507-510.
19. Шумахер Э.В. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Пер. с англ. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
20. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем: 1872-1887. - СПб.: Наука, 1999.
21. Мартынов С.В. Печорский край [Ч. 1-2]. - СПб., 1905.
22. Шингарев А.И. Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений воронежского уезда: статистико-социологические исследования в дореволюционной России. - М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
23. Большаков А.М. Советская деревня (1917-1925 гг.). Экономика и быт. Изд. второе, значительно дополненное. - Л.: Прибой, 1925.
24. Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. - М.: Политиздат, 1991.
25. Староверов В.И. Сельская социология. - М., 2003.
26. Артемов В.А. Тенденции изменения бюджетов времени сельских работников // Условия и образ жизни сельского населения (тенденции изменения). - Новосибирск: АН СССР, 1990. - С. 7-32.
27. Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. - 2001. - № 4. - С. 32-39.
28. Широкалова Г.С. Аграрные отношения и аграрная политика в современной России. - Н. Новгород, 2002.
29. Никулин А.М. Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социологические исследования. - 2002. - № 1.
30. Виноградский В.Г. Социальная организация пространства и эволюция поселения (философско-социологический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Куйбышев, 1991.
31. Шанин Т. Крестьянский двор в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. - М.: Прогресс-Академия, 1992. - С. 29-53.
32. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. - М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
33. Якушкин Н.М., Шарипов С.А., Гайнутдинов И.Г. Малый аграрный бизнес в Татарстане: вопросы методологии и практики. - Казань: РИО ГБУ «РЦМКО», 2013.

REFERENCES

1. Zaslavskaya T.I. Sotsietal'naya transformatsiya rossijskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya [Societal Transformation of Russian Society: Activity-Structural Concept]. Moscow, Delo, 2002; Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossijskoe obshchestvo. Sotsial'nyy mek-

- hanizm transformatsii [Contemporary Russian Society. The Social Mechanism of Transformation]. Moscow, Delo, 2004. (In Russ.).
2. Ryvkina R.V. Obraz zhizni sel'skogo naseleniya [Lifestyle of The Rural Population]. Novosibirsk. 1979. (In Russ.).
 3. Shmelev G.I. Agrarnaya politika i agrarnye otnosheniya v Rossii v XX veke [Agrarian Policy and Agrarian Relations in Russia in The Twentieth Century]. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ.).
 4. Kalugina Z.I. Lichnoe podsobnoe khozyajstvo v SSSR: Sotsial'nye regulatory i rezul'taty razvitiya [Personal Subsidiary Farming In The USSR: Social Regulators And Development Results]. 1991. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
 5. Vinogradsky V.G. "Orudiya slabykh", neformal'naya ekonomika krest'yanskikh domokhozyajstv ["The Tools Of The Weak", The Informal Economy Of Peasant Households]. Sociological Journal. 1999. No. 3-4. Pp. 36-48. (In Russ.).
 6. Bashmachnikov V.F. Vozrozhdenie fermerstva v Rossii (vzglyad ochevidtsa i avangardnogo uchastnika) [The Revival Of Farming In Russia (The Eye Of An Eyewitness And Avant-Garde Participant)]. Kazan: Prestige, 2010. (In Russ.).
 7. Danilov V.P. Istoriya krest'yanstva Rossii v KHKH veke. Izbrannye trudy: v 2-kh CH. CH. 1 [History Of The Peasantry Of Russia In The Twentieth Century. Selected Works: in two chapters. Ch. 1]. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. (In Russ.).
 8. Velikiy P.P. Spasibo muzhiku za konservatizm [Thanks To The Peasant For Conservatism]. Business World. 09.02.1991. (In Russ.).
 9. Ildarkhanova Ch.I. Agrarnaya aktivnost' sel'skikh semej Respubliki Tatarstan: munitsipal'noe izmerenie [Agrarian Activity Of Rural Families Of The Republic Of Tatarstan: Municipal Dimension]. Bulletin of KSAU, 2014, vol. 9, issue 3. (In Russ.).
 10. Nikulin A.M. Kubanskij kolkhoz - v kholding ili as'endu [Kuban Collective Farm - In Holding Or Hacienda]. Sociological Research. 2002. No. 1. (In Russ.).
 11. Nechiporenko O.V. Sel'skie soobshhestva v izmenyayushheysya Rossii: novatsii i traditsii [Rural Communities In A Changing Russia: Innovations And Traditions]. Novosibirsk, 2010. (In Russ.).
 12. Rossijskoe selo v usloviyakh global'nykh vyzovov [The Russian Village in Conditions of Global Challenges]. Kalugina Z.I., Staroverov V.I., Dolgushkin N.K., Nechiporenko O.V., Razin A.A., Khagurov A.A., Paciorkovsky V.V., Velikiy P.P., Shirokalova G.S., Staroverova I.V., Sergienko A.M., Ildarkhanova Ch.I., Samsonov V.V., Fadeeva O.P., Zazulina M.R., Salakhutdinova R.R. and other collect. monograph. Under the general editorship of V.I. Staroverova. Ufa, 2014. (In Russ.).
 13. Vinogradsky V.G. Krest'yanskije semejnye khroniki: reportazh s diktofonom na shee [Peasant Family Chronicles: Reporting With A Dictaphone At The Neck]. Reflexive Peasant Studies: A Decade Of Studies In Rural Russia. Moscow: MHSSES, 2002. Pp. 492-514. (In Russ.).
 14. Paciorkovsky V.V. Sel'skaya Rossiya: 1991-2001 gg. [Rural Russia: 1991-2001]. Moscow, 2003. (In Russ.).
 15. Shabanov V.L. Osobennosti sovremennoj sel'skoj zanyatosti (na primere Saratovskoj oblasti) [Features of modern rural employment (on the example of the Saratov region)]. Economics of agriculture in Russia. 2015. No. 7. Pp. 78-83. (In Russ.).
 16. Steinberg I.E. Real'naya praktika strategij vyzhivaniya sel'skoj sem'i: setevye resursy [Real Practice of Rural Survival Strategies: Network Resources]. Where is Russia Going? Formal institutions and real practices. Moscow: MHSSES, 2002. Pp. 183-189. (In Russ.).
 17. Morekhanova M.Yu., Velikiy P.P., Khaibulaeva L.G. Netipichnye krest'yane: Sotsiologicheskij podkhod k izucheniyu ikh zhizneustrojstva i stratifikatsii [Atypical Peasants: A Sociological Approach To The Study Of Their Livelihoods And Stratification]. Yearbook "Regional agrosystems: economics and sociology". 2016, No. 3. Available at: <http://www.iagpran.ru/journal.php>. (In Russ.).
 18. Ildarkhanova Ch.I. Perspektivy vosproizvodstva sel'skokhozyajstvennogo remesla: mezhpokolencheskij aspekt [Prospects Of Reproduction Of Agricultural Craft: Intergenerational Aspect]. Strategic management of social and economic development of the agro-food complex of Russia in conditions of growth of a global competition: materials of Ostrovsky readings: 2016. Saratov: Publishing House of the IAPS RAS, 2016. Pp. 507-510. (In Russ.).
 19. Schumacher E.V. Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroj lyudi imeyut znachenie [Small Is Fine. The Economy In Which People Matter]. Moscow: Edit. House of the Higher School of Economics, 2012. (In Russ.).
 20. Engelgardt A.N. Iz derevni: 12 pisem: 1872-1887 [From The Village: 12 Letters: 1872-1887]. St. Petersburg: Science, 1999. (In Russ.).
 21. Martynov S.V. Pechorskij kraj: [CH. 1-2] [The Pechora Region: [Ch. 1-2]]. St. Petersburg, 1905. (In Russ.).

22. Shingarev A.I. Vymirayushhaya derevnya: opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh selenij voronezhskogo uyezda: statistiko-sotsiologicheskie issledovaniya v dorevolutsionnoj Rossii [An Endangered Village: The Experience Of Sanitary And Economic Research Of Two Villages Of Voronezh Uyezd: Statistical And Sociological Research In Pre-Revolutionary Russia]. Publishing House LKI, 2010. (In Russ.).
23. Bolshakov A.M. Sovetskaya derevnya (1917-1925 gg.). Ekonomika i byt. Izd. vtoroe, znachitel'no dopolnennoe [The Soviet Village (1917-1925). Economy And Way Of Life. The second ed., significantly enlarged]. Leningrad: Priboy, 1925. (In Russ.).
24. Simush P.I. Mir tainstvennyj... Razmyshleniya o krest'yanstve [The World Is Mysterious... Reflections On The Peasantry]. Moscow: Politizdat, 1991. (In Russ.).
25. Staroverov V.I. Sel'skaya sotsiologiya [Rural Sociology]. Moscow, 2003. (In Russ.).
26. Artemov V.A. Tendentsii izmeneniya byudzhetoj vremeni sel'skikh rabotnikov [Trends in Changing The Time Budgets Of Rural Workers]. Conditions and lifestyle of the rural population (trends of change). Novosibirsk: Academy of Sciences of the USSR. 1990. Pp. 7-32. (In Russ.).
27. Ryvkina R.V. Obraz zhizni naseleniya Rossii: sotsial'nye posledstviya reform 90-kh godov [The Way Of Life Of The Population Of Russia: The Social Consequences Of The Reforms Of The 90s]. Sociological Research. 2001. No. 4. Pp. 32-39. (In Russ.).
28. Shirokalova G.S. Agrarnye otnosheniya i agrarnaya politika v sovremennoj Rossii [Agrarian Relations And Agrarian Policy In Modern Russia]. N. Novgorod, 2002. (In Russ.).
29. Nikulin A.M. Zhizn' Lyuby Kuranovskoj: sem'ya, khozyajstvo, byudzhetoj [Life of Lyuba Kuranovskaya: Family, Economy, Budget]. Sociological Research. 2002. No. 1. (In Russ.).
30. Vinogradsky V.G. Sotsial'naya organizatsiya prostranstva i ehvolutsiya poseleniya (filosofsko-sotsiologicheskij analiz). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskikh nauk [Social Organization Of Space And The Evolution Of The Settlement (Philosophical And Sociological Analysis). The Dissertation Author's Abstract On Competition Of A Scientific Degree Of The Doctor Of Philosophical Sciences]. Kuibyshev, 1991. (In Russ.).
31. Shanin T. Krest'janskij dvor v Rossii [Peasant Household In Russia]. The Great Stranger: Peasants And Farmers In The Modern World. Moscow: Progress-Academy, 1992. Pp. 29-53. (In Russ.).
32. Smysly sel'skoj zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza) [Sense Of Rural Life (The Experience Of Sociological Analysis)]. Ed. by J.T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 2016. (In Russ.).
33. Yakushkin N.M., Sharipov S.A., Gainutdinov I.G. Malyj argarnyj biznes v Tatarstane: voprosy metodologii i praktiki [Small Agrarian Business In Tatarstan: Issues of Methodology and Practice]. Kazan: RIO GUU "RCMCO", 2013. (In Russ.).

Информация об авторе:

Великий Пётр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем Российской академии наук, г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Получена: 29.07.2018

Для цитирования: Великий П.П. Успешные хозяйства сельских подворий: наследники традиций и новаторы. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с.115-124.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-115-124.

Information about the author:

Peter P. Velikiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Laboratory of Social Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Territories, Institute of Agrarian Problem of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

Received: 29.07.2018

For citation: Velikiy P.P. Successful rural farmsteads: heirs of traditions and innovators. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 115-124.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-115-124. (in Russ)

УДК 33

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-125-133

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт им.
И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORIEV
Novosibirsk Military Institute named after
I.K. Yakovlev Forces of the National Guard of the
Russian Federation
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛКОВЫХ СУДОВ ПО
УКРЕПЛЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА В
ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1867-1917 гг.)**

**ACTIVITY OF FLEET SHIPS ON STRENGTHENING
OF THE RIGHT IN THE PORTRAIT OF THE
PERIOD (1867-1914)**

Статья посвящена исследованию проблемных вопросов реформирования и функционирования полковых судов в Российской империи после проведенной в 1867 г. военно-судебной реформы. Автором статьи дана краткая характеристика научной литературы, раскрывающей некоторые вопросы функционирования института полковых судов в рассматриваемый период. Сделана попытка проанализировать степень воздействия на деятельность полковых судов выходившего трижды в год «Перечня упущений», издаваемого приказом по округам, и систематического контроля органов военной прокуратуры. Дана краткая характеристика положений Военно-судебного устава 1867 г. по вопросам, касающимся деятельности полковых судов. Раскрываются изменения в сфере деятельности полковых судов в военное время. В частности, дан краткий анализ измененного IV раздела военно-судебного устава 1867 г., введенного в действие приказом по Военному министерству № 464 и получившего название «О суде в военное время». Автором осуществлена попытка проанализировать имевшийся порядок рассмотрения дел в полковом суде, охарактеризовать всех участников процесса, их права и обязанности. В результате проведенного исследования автор приходит к важному выводу о том, что в период 1867-1917 гг. в императорской армии полковые суды рассматривали незначительные правонарушения нижних чинов. Полковые суды, состоявшие из трех офицеров, назначаемых командиром полка, позволяли уменьшить разрыв между мерами дисциплинарного устава и формами уголовной ответственности, давали возможность военному командованию своевременно принимать конкретные, решительные и оперативные меры по отношению к солдатам, которые сознательно, а также неоднократно совершали те или иные нарушения воинской дисциплины, дисциплинарные проступки и другие малозначительные правонарушения. Полковые суды позволяли более эффективно и дифференцированно подходить к каждому военнослужащему в вопросах воинской дисциплины, тем самым во многом предупреждая совершение более тяжких правонарушений, в большей степени соблюдать принцип неотвратимости наказания.

The article is devoted to the study of problematic issues of reforming and functioning of regimental courts in the Russian Empire after the military-judicial reform, carried out in 1867. The author of the article gives a brief description of the scientific literature that reveals some questions of the functioning of the institute of regimental courts in the chronological period under consideration. An attempt was made to analyze the degree of influence on the activities of regimental courts of the "List of Omissions" published three times per year, issued by the order for the districts and systematic control of the military prosecutor's office. The article briefly describes the provisions of the 1867 Military-Court Regulations on matters relating to the activities of regimental courts. Changes are revealed in the sphere of activity of regimental vessels in wartime. In particular, a brief analysis of the amended IV section of the military-judicial charter of 1867, enacted by the order of the Military Ministry No. 464 and entitled "On the court in time of war", is given. The author made an attempt to analyze the existing order of consideration of cases in the regimental court, to characterize all the participants in the process, their rights and duties. As a result of the study, the author comes to an important conclusion that in the period from 1867-1917 in the imperial army, the regimental courts considered minor offenses of the lower ranks. The regimental courts, consisting of three officers appointed by the regiment commander, made it possible to narrow the gap between the measures of the disciplinary regulations and the forms of criminal responsibility, enabling the military command to take timely, concrete, decisive and expeditious measures against soldiers who, consciously, other violations of military discipline, disciplinary offenses and other minor offenses. Regimental courts allowed more effective and differentiated approach to every serviceman in matters of military discipline, thereby, in many ways preventing the commission of more serious offenses, to fulfill the principle of the inevitability of punishment to a greater extent.

Ключевые слова: Российская империя, пореформенный период, приговор, полковой суд, отправлен правосудия, Военно-судебный устав 1867 г., командир полка

Keywords: Russian Empire, post-reform period, sentence, regimental court, administration of justice, military-court order of 1867, commander of regiment

Современное состояние дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации требует более внимательного отношения к отечественному историческому наследию, к использованию успешного опыта прошлых периодов по профилактике и пресечению правонарушений в армии и на флоте. В связи с этим актуальным представляется изучение и анализ деятельности полковых судов (далее по тексту - ПС) в пореформенный период Российской империи с 1867 по 1917 гг. Деятельность полковых судов в указанный период сыграла, по нашему мнению, важную роль в поддержании воинской дисциплины и укреплении правопорядка и может послужить примером эффективного управленческого решения для реформаторов современной военной юстиции.

Вопросы военной истории формирования и функционирования ПС рассматривались в научных и публицистических работах таких авторов, как Д.А. Милютин *«Военные реформы императора Александра II»* (М., 1881), И. Шендзиковский *«О военном суде в военное время (полевом военном суде)»* (СПб., 1892), И. Иллюстров *«Военные суды в русской армии за 25-летие (1867-1885 гг.)»* (М., 1890), Д.Ф. Огнев *«Военная подсудность»* (СПб., 1896), А.С. Лыкошин *«Отмена и исправление приговоров полковых судов в порядке возобновления дел»* (Военный сборник, 1898, № 7) и т.д.

Проведенное глубинное исследование и теоретический анализ историографии рассматриваемой научной проблематики позволяет заключить следующее: полноценного военно-исторического исследования до сего времени в отечественной науке не проводилось.

Изучение роли и места ПС в отправлении военного правосудия в Российской империи, безусловно, является интересным и поучительным для современной России, что делает тему исследования «Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867-1914 гг.)» весьма актуальной.

Актуальность обозначенной научно-исследовательской темы также обуславливается как существенным возрастанием роли судебной власти, в том числе и военных судов, так и отсутствием полномасштабного военно-исторического анализа роли и места ПС в поддержании дисциплины и правопорядка в армии и на флоте.

Именно в данном контексте актуальность темы исследования предопределила научную задачу: на основе достоверных библиографических источников (научные монографии, архивные материалы, публицистические очерки и дневниковые записи) провести комплексный военно-исторический анализ деятельности ПС в отправлении правосудия, поддержании дисциплины и правопорядка в армии и на флоте в рассматриваемый период.

ПС по Военно-судебному уставу 1867 г. (далее по тексту - В-СУ) был определен ускоренный порядок отправления правосудия. Уголовное дело мог возбудить командир полка, иные командиры (начальники) обвиняемого. Также оно могло быть рассмотрено в связи с обращением мирового судьи, бюрократов, полиции либо по частной жалобе пострадавшей стороны [1].

Необходимо также отметить, что окончательное решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, в конечном счете, было за командиром полка. Решение данного вопроса со стороны командира полка предполагало ознакомление с материалами дела и вынесение предварительного заключения о подсудности и подведомственности рассматриваемого уголовного дела суду вверенного ему полка. Командир полка отдавал дело в ПС после того, как ознакомился с материалом следствия, и был полностью уверен, что данное дело подведомственно ПС [2; 3].

Командир полка направлял дело в ПС, изложив в сопроводительных документах все сопутствующие обстоятельства совершенного правонарушения. После этого в ПС представляли следственные материалы, копию послужного списка и выписку из штрафного журнала полка. При этом обжалование действий командира полка не допускалось вовсе [4].

В случаях, если дела, возбужденные по заявлениям представителей гражданской администрации и частных лиц, оставались без внимания, указанные лица имели право

обжалования подобного решения. Данные положения закона демонстрируют попытку ограничения полномочий полкового командования в отправлении правосудия [5].

По нашему мнению, необходимо также отметить, что уголовные дела в ПС практически всегда рассматривались в открытых заседаниях в устной форме. Исключения, согласно В-СУ, составляли дела: о грубых дисциплинарных проступках, «семейных правах», «оскорблении женской чести, непотребстве и других бесстыдных или соединенных с соблазном действиях» и когда стороны настаивали на закрытом процессе (в условиях возбуждения дела частными лицами). Все материалы следствия велись в специальном журнале, куда записывали показания каждого участника судебного процесса (обвиняемый, потерпевший, свидетель). С помощью чиновников местной полиции или своими силами ПС могли проводить самые разные следственные действия, в том числе осмотр, обыск, выемку и т.д., при необходимости привлекая к данным процедурам вышеперечисленных участников процесса.

ПС привлекал специалистов для экспертизы представленных доказательств. Так, например, экспертами могли стать лица, «продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность» [1]. Несомненно, такие новеллы говорили о том, что судебный процесс в ПС стал состязательным и непосредственным.

Дела в отношении лиц, осуждаемых за самовольное оставление части, а также «за неисправимо дурное и развратное поведение» [1], В-СУ предписывал разбирать в течение одного заседания. Поэтому на практике ПС рассматривали дела указанной категории в упрощенно-ускоренном порядке.

В тех случаях, когда становилось понятным в ходе судебного процесса, что данное дело относится к подсудности военно-окружного суда, оно решением командира полка передавалось военному прокурору, который мог согласиться с решением ПС и направить материалы дела в военно-окружной суд либо вернуть его в ПС для дальнейшего рассмотрения на месте [6; 7].

ПС выносил приговор в специально отведенной для этого комнате коллегиальным способом, путем голосования, на основе внутренней убежденности и совестливости судей, основываясь на обстоятельствах, выявленных в ходе судебного разбирательства [8].

Обозначенные выше характеристики свидетельствует о существенном расширении возможностей непосредственного исследования материалов дела в судебном процессе, что создало серьезные гарантии обеспечения прав подсудимого [9; 10].

Виновный обязывался выплатить сопутствовавшие разбирательству судебные издержки и компенсировать причиненный пострадавшим ущерб. Особенно важно отметить, что гражданский иск о выплате материальной компенсации рассматривался в ходе уголовного процесса. С учетом смягчающих вину обстоятельств ПС имел соответствующие полномочия по обращению к командиру полка с мотивированным прошением о смягчении наказания за содеянное.

Вынесенный ПС приговор зачитывал председатель суда. Приговоренный имел право на обжалование приговора ПС, для чего следовало направить жалобу об этом на имя командира полка. Затягивать организацию процесса и исполнение санкций под каким-либо поводом запрещалось под угрозой наказания за «преступное бездействие власти». Окончательный приговор ПС должен был содержать следующие пункты:

- полную дату проведения заседания ПС;
- ФИО преступника и потерпевшего;
- детальные обстоятельства рассмотренного дела;
- суть приговора с указанием примененной нормативной базы.

ПС был обязан принять все необходимые меры для того, чтобы склонить стороны судебного процесса к мировому соглашению в тех случаях, когда по уголовному делу оставалось возможным примирение потерпевшего и преступника. Здесь необходимо отметить, что ПС по существу рассматривал гражданские иски совместно с уголовным делом [8; 11; 12].

В случае, если ПС удавалось склонить стороны процесса к примирению, такие договоренности закреплялись соответствующим актом примирения, который зачитывался и подписывался сторонами судебного процесса. Данный акт со всеми условиями соглашения, заверенный председателем и членами ПС, представлялся командиру полка, который становился гарантом соблюдения договора, а уголовное дело прекращалось за примирением сторон судебного процесса [13; 14].

Утверждал приговор ПС командир полка. Он, в пределах своих полномочий, имел право на изменение приговора: на одну-две степени. Это являлось очевидным реликтом ревизионно-решающего порядка пересмотра и утверждения судебных решений, унаследованного от судопроизводства XVIII в. На утверждение приговора давалось три дня, а по делам о «дурном поведении» и побеге - «не позднее следующего дня после получения дела из полкового суда» [1]. В случае несогласия с приговором ПС командир полка направлял дело с сопроводительным письмом о своем особом мнении в территориальный военно-окружной суд.

Право на обжалование действия ПС в соответствующем военно-окружном суде было и у потерпевшего, и у обвиняемого [1].

Судебные издержки уплачивались ответчиком (в случае признания его виновным) или истцом (в случае необоснованного обвинения), в зависимости от того, чью позицию ПС сочтет законной и справедливой. Взыскание судебных издержек с гражданских лиц осуществлялось посредством уведомления полиции или судебных приставов, служивших при окружном съезде мировых судей [15; 16].

В случае совершения преступления группой лиц судебные издержки относили на счет «главных виновных», но при этом сохранялся так называемый принцип солидарности ответственности. При финансовой невозможности выплаты судебных издержек их возмещали за казенный счет. О таких решениях объявляли совместно с приговором в приказе по полку.

Таким образом, базовые принципы гласности, состязательности и другие процессуально-правовые начала в деятельности ПС по В-СУ 1867 г. в какой-то степени ограничивались, что позволяло проводить процессы и принимать решения в ускоренном судопроизводственном режиме. Некоторое ограничение прав подсудимого по сравнению с правами частного обвинителя и гражданского истца было проявлением обратной стороны упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел ПС [17; 18].

Но при этом также необходимо отметить, что деятельность ПС не была бесконтрольной: не менее трех раз в год квалифицированность вынесенных судебных решений проверялась чиновниками военно-судебного ведомства, а процессуальные недостатки становились предметом серьезного разбирательства и объявлялись в приказе по военному округу [19].

В 1867 г. издается «Сборник правил, определяющих участие полка в отправлении правосудия», а затем публикуются и образчики судебной документации ПС, что имело важное практическое значение для ПС, рассматривавших различные уголовные дела. Так, например, согласно статистическим отчетам, за период 1867-1885 гг. ПС разбирали в течение каждого года около 7,5 тыс. уголовных дел. Для удобства использования законодательством статей В-СУ в 1884 г. были изданы отдельно «Инструкции полковым судам» (приказ Военного Министра № 323).

Весьма значительные институциональные преобразования ПС произошли 1883-1885 гг. Так, например, ПС было предоставлено право переводить военнотружущих в категорию «штрафованные» и направлять таких осужденных для исправления в дисциплинарный батальон сроком до трех лет.

Проверяли судебные решения ПС соответствующие чины В-С ведомства. Они обнаруживали недостатки и фиксировали их соответствующим приказом по округу. Циркулярное предписание № 6824 от 19 ноября 1884 г. возлагало на военную прокуратуру обязанности по проверке дел с направлением военнотружущих в дисбат.

В целом необходимо отметить, что ПС рассматривали дела в отношении нижних бюрократов, разбирая до 72% дел в отношении военнотружущих данной категории. В

том числе рядовые составляли до 93%, а унтер-офицеры - порядка 7%. Соответственно, ПС являлись основным звеном отправления военного правосудия в Российской империи. ПС рассматривали до 80% всех В-С дел, при этом 97% были утверждены командирами соответствующих полков. Так, например, в 1885-1910 гг. ПС разбирали до 15 500 тыс. дел в год, осуждая в среднем 17 тыс. военнослужащих. Для понимания реальных масштабов деятельности ПС важно зафиксировать следующее: в рассматриваемый период отечественной истории общая численность военнослужащих указанной категории в русской армии составляла около 950 тыс. чел. [17].

Подавляющее большинство рассматриваемых ПС дел (до 93%) составляли составы, известные современным военным юристам:

- самовольное оставление военной части (побег);
- неявка на службу в установленный срок;
- нарушение порядка и правил несения караульной службы;
- недостойное поведение в отношении старших по воинскому званию и должности, а также должностных лиц исполняющих специальные обязанности военной службы;
- утрата и намеренная порча военного имущества и т.д. [19; 20].

В частности, слаженной работе ПС способствовали периодический (до трех раз в год) выпуск «Перечня упущений», издаваемый приказом по округам, и систематический контроль со стороны органов военной прокуратуры.

Таким образом, ПС стали основой В-СС в Российской империи. ПС были органично сформированы, внятно организованы и отправляли военное правосудие, руководствуясь передовым для того времени В-СУ. Но боевые действия русской армии показали, что для военного времени требовалось законодательство иного качества, и приказом по Военному министерству был утвержден IV раздел В-СУ «О суде в военное время» [21; 22]. Данные новации наделяли правом командира полка изменять состав ПС по собственному усмотрению. Кроме того, финальный приговор объявлялся председательствующим сразу же после окончания судебного заседания.

Следует отметить, что для военного периода существовали две формы судов. Первые - это суды полкового и корпусного звена, следовавшие за своей воинской частью. Вторые - суды, дислоцировавшиеся в тылу армии на крупных разъездах и стратегических узловых коммуникациях и, действуя на правах ПС, находившиеся в назначенном месте на более или менее регулярной основе.

Кроме того, для военного периода было принято решение об увеличении количества дел, по которым не проводилось предварительное производство, сокращались сроки осуществляемых процессов, упрощена процедура разбора судебных дел.

Так, например, ПС было определено право не вызывать свидетелей, находящихся в отдалении, если их показания не имеют существенного значения в судебном процессе. В подобных условиях подсудимый должен был защищать себя самостоятельно. Главнокомандующий при необходимости мог воспользоваться правом устранения кассационных жалоб и протестов.

Адаптированный вариант судопроизводства в ПС снижал рабочую нагрузку на военно-окружные суды и прокуратуру, что способствовало увеличению внимания к резонансным преступлениям. Состоящие из назначенных командиром полка офицеров, ПС очень часто знали подсудимых и поэтому крайне ответственно и со знанием деталей и тонкостей дела применяли меры судебных санкций, уменьшая таким образом дистанцию между мерами дисциплинарной и уголовной ответственности. Строго наказывая злостных нарушителей порядка, ПС имел возможность максимально облегчить меру наказания в отношении тех подсудимых, которые совершили проступок по случайности и не осознавая всей полноты содеянного. Для подобных военнослужащих судебный процесс

становился чем-то похожим на хороший урок, из которого всем следовало извлечь соответствующее знание о законе, морали и справедливости.

По нашему мнению, вполне ярким примером деятельности ПС является «Систематическая ведомость о подсудимых по делам бывших в рассмотрении полкового суда, а также приговоренных к наказаниям и оправданных по решению суда» гвардии Преображенского полка за 1868 и 1869 гг. (табл. 1) со списком лиц, осужденных ПС (табл. 2) [23; 24; 17].

Таблица 1. «Систематическая ведомость о подсудимых по делам бывших в рассмотрении полкового суда, а также приговоренных к наказаниям и оправданных по решению суда» гвардии Преображенского полка за 1868 и 1869 гг.

Table 1. “Systematic List of Defendants on Cases That Were in The Examination of the Regimental Court, As Well As Sentenced to Punishment and Justified by The Court’s Decision” Guard Preobrazhensky Regiment for 1868 and 1869

Из числа подсудимых, оправданных и обвиненных, под судом состояли	Число подсудимых нижних чинов	
	1868 г.	1869 г.
Нарушение правил воинской дисциплины	11	18
Уклонение от службы под разными предлогами	2	4
1-й и 2-й побеги со службы	3	4
Похищение, растрата и утрата казенного имущества	6	12
Кража	21	12
Дурное и нетрезвое поведение	5	4
Драка нижних чинов между собой	1	5
Итого	49	59

Источник: [23; 24; 17].

Source: [23; 24; 17].

Таблица 2. Список лиц, осужденных полковым судом

Table 2. List of Persons Convicted by The Regimental Court

Иван Кичигин	За самовольную отлучку, пьянство и утрату зимних шаровар	Решено при полку 12 января. Переведен в разряд «штрафованных» и наказан розгами - 75 ударов
Егор Ефимов	За самовольную отлучку и кражу ситца 12 аршин	Решено 12 января. Лишен нашивки и переведен в разряд «штрафованных»
Демид Жирный	За самовольную отлучку и утрату казенного башлыка	Решено 23 января. Переведен в разряд «штрафованных»
Александр Алексеев	За нанесение удара в пьяном виде унтер-офицеру Грибкову	Решено 5 февраля. Лишен нашивки с переводом в разряд «штрафованных». Выдержать под арестом две недели
Ефим Субботин	За самовольную отлучку, пьянство и неотдание чести генерал-майору Осипову	Решено 7 февраля. Наказан ста ударами розгами

Иван Кичигин	По подозрению в краже серебряной сигаретницы у Михаила Трофимова	Решено 7 марта. Освобожден от всякой ответственности
Семен Исаев	За первый побег со службы и открытие сундука украденным ключом	Дело препровождено военному прокурору. Решено 10 октября
Федор Кичев	За пьянство и нанесение побоев городовому унтер-офицеру Рас-топчину	Решено 14 мая. Переведен в разряд «штрафованных»
Иван Гожумов	За кражу 6 рублей у унтер-офицера Чумакова	Решено 5 июля. Наказан розгами - 50 ударов, переведен в разряд «штрафованных»
Алексей Алейников	За кражу пары подошв у рядового Зазули	Рассмотрен 7 июля. Арестован на две недели, посажен на хлеб и воду в темном карцере
Александр Шереметьев	За раскрытие сундука и похищение из него 85 копеек, принадлежавших рядовому Семенову	Решено при полку 27 декабря. Освобожден от всякой ответственности
Дмитрий Спиридонов	За кражу ситцевой рубашки из стола унтер-офицера Ивана Коновалова	Решено 10 декабря. Лишен нашивки. Содержать под арестом на хлебе и воде в течение четырех недель

Источник: [23; 24; 17].

Source: [23; 24; 17].

Таким образом, ПС в Российской империи в пореформенный период 1867-1917 гг. в основном разбирали дела в отношении нижних чинов, которые совершили мелкие правонарушения. Квалификационно ПС состояли из офицеров, назначенных командиром полка и очень хорошо знавших обвиняемых. Судьи ПС имели возможность оперативно и справедливо применять санкционные меры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Военно-судебный устав (полное издание), выс. утв. 15 мая 1867 г.: Со включением: 1. Приказа военного министра 20 мая 1867 г. с правилами для руководства при наложении наказаний. 2. Положений о взысканиях дисциплинарных. 3. Выс. утв. мнений Гос. совета и др. - СПб 1868.
2. Приказ по Военному Ведомству № 135 от 1 мая 1872 года.
3. Байшев М.И. Военно-судебная реформа в царской армии (60-70 гг. XIX в.). - М., 1955.
4. Иллюстров И. Военные суды в русской армии за 25-летие (1867-1885 гг.). - М., 1890.
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. - М., 1973.
6. Приказ по Военному Ведомству № 135 от 1 мая 1872 года.
7. Огнев Д.Ф. Военная подсудность. - СПб., 1896.
8. «Постановления приговоров в полковых судах». - Петербург, 1897.
9. Иллюстров И. Военные суды в Русской Армии за 25-летие (1861-1885 гг.). - СПб. 1890.
10. Милютин Д.А. Военные реформы императора Александра II. - М., 1881.
11. «Инструкция полковым судам» от 30 ноября 1884 г.
12. Лыкошин А.С. Отмена и исправление приговоров полковых судов в порядке возобновления дел // Военный сборник. - 1898. - № 7.
13. Тыртов М. Полковые суды и их необходимая реорганизация // Военный ник. - 1911. - № 11.
14. Лужин К.Н. Военные суды и судебная реформа 1864 г. / В кн. «Судебная реформа современной России». К 140-летию судебной реформы: Мат-лы науч. конф. в Российской акад. правосудия. - М., 2005.
15. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. - М., 1973.
16. Слободянюк И.П. Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII - первая половина XIX в.). - М., 2005.

17. Первухин Д.В. Русский полковой суд. Страницы истории // Военная юстиция. - 1991. - № 1. - С. 56-62.
18. Власов А.Н. Военно-судебная система Российской империи в 1867-1917 гг. и комплектование ее профессиональными кадрами / Российский военно-правовой сборник // 175 лет военно-юридическому образованию в России. - М., 2008.
19. Петухов Н.А. История военных судов России. - М.: Норма, 2003.
20. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
21. Устав Военно-Судебный. Раздел IV. О суде в военное время. 1899 г.
22. Шендзиковский И. О военном суде в военное время (полевом военном суде). - СПб., 1892.
23. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф.2583. Оп.4. № 2. Л.22, 27, 35, 39.
24. РГВИА. Ф.2583. Оп.4. № 2. Л.8-11.

REFERENCES

1. Voennno-sudebnyj ustav (polnoe izdanie), vys. utv. 15 maya 1867 g.: So vklucheniem: 1. Prikaza voennogo ministra 20 maya 1867 g. s pravilami dlya rukovodstva pri nalozhenii nakazaniy. 2. Polozhenij o vzyaskaniyakh distsiplinarykh. 3. Vys. utv. mnenij Gos. soveta i dr. [The Military-Judicial Order (Full Edition), High Ratified May 15, 1867: Including: 1. Order of the Minister of War on May 20, 1867, With Rules for Leadership in Imposing Punishments. 2. Provisions on Disciplinary Penalties. 3. High Ratified Opinions of the State Council and Others]. St. Petersburg, 1868. (In Russ.).
2. Prikaz po Voennomu Vedomstvu № 135 ot 1 maya 1872 goda [Order of the Military Department No. 135 Dated May 1, 1872]. (In Russ.).
3. Bayshev M.I. Voennno-sudebnaya reforma v tsarskoj armii (60-70 gg. XIX v.) [Military-Judicial Reform in the Tsarist Army (60-70 years of the XIX century)]. Moscow, 1955. (In Russ.).
4. Illustrov I. Voennye sudy v russkoj armii za 25-letie (1867-1885 gg.) [Military Courts in the Russian Army for the 25th Anniversary (1867-1885)]. Moscow, 1890. (In Russ.).
5. Beskrovnyj L.G. Russkaya armiya i flot v XIX veke [Russian Army and Navy in the XIX century]. Moscow, 1973. (In Russ.).
6. Prikaz po Voennomu Vedomstvu № 135 ot 1 maya 1872 goda [Order of the Military Department No. 135 Dated May 1, 1872]. (In Russ.).
7. Ognev D.F. Voennaya podsudnost' [Military Jurisdiction]. St. Petersburg, 1896. (In Russ.).
8. «Postanovleniya prigovorov v polkovykh sudakh» ["Sentences in the Regimental Courts"]. St. Petersburg, 1897. (In Russ.).
9. Illysof I. Voennye sudy v Russkoj Armii za 25-letie (1861-1885gg) [Military Courts in the Russian Army for the 25th Anniversary (1861-1885)]. St. Petersburg. 1890. (In Russ.).
10. Milyutin D.A. Voennye reformy imperatora Aleksandra II [Military Reforms of Emperor Alexander II]. Moscow, 1881. (In Russ.).
11. «Instruktsiya polkovym sudam» ot 30 noyabrya 1884 g. ["Instruction to the Regimental courts" by November 30, 1884]. (In Russ.).
12. Lykoshin A.C. Otmena i ispravlenie prigovorov polkovykh sudov v poryadke vozobnovleniya del [Cancellation and Correction of Sentences of Regimental Courts in the Order of Resumption of Cases]. Voennyj sbornik = Military Collection. 1898, No. 7. (In Russ.).
13. Tyrtov M. Polkovye sudy i ikh neobkhodimaya reorganizatsiya [Regimental Courts and Their Necessary Reorganization]. Voennyj sbornik = Military Collection. 1911, No. 11. (In Russ.).
14. Luzhin K.N. Voennye sudy i sudebnaya reforma 1864 g. V kn. «Sudebnaya reforma sovremennoj Rossii». K 140-letiyu sudebnoj reformy. Materialy nauchnoj konferentsii v Rossijskoj akademii pravosudiya [Military Courts and Judicial Reform of 1864. In the book: "Judicial Reform of Modern Russia". To the 140th Anniversary of the Judicial Reform. Materials of the Scientific Conference at the Russian Academy of Justice]. Moscow, 2005. (In Russ.).
15. Zayonchkovskiy P.A. Voennye reformy 1860-1870 gg. v Rossii [Military Reforms of 1860-1870 in Russia]. Moscow, 1973. (In Russ.).
16. Slobodyanyuk I.P. Sud i zakon v Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII - pervaya polovina XIX v.) [The Court and Law in the Russian Empire (Second Half of the XVIII - First Half of the XIX Centuries)]. Moscow, 2005. (In Russ.).
17. Pervukhin D.V. Russian Regimental Court. History pages. Military Justice, 1991, No. 1, pp. 56-62. (In Russ.).

18. Vlasov A.N. Military-Judicial System of the Russian Empire in 1867-1917 and Recruitment by her Professional Staff. Russian Military-Law Collection. 175 years of Military-Legal Education in Russia. Moscow, 2008. (In Russ.).
19. Petukhov N.A. History of Military Courts of Russia. Moscow, Publishing House "Norma", 2003. (In Russ.).
20. Troitsky N.A. Tsarist Courts Against Revolutionary Russia. Political Processes of 1871-1880. Saratov, Publishing House of Saratov University. 1976. (In Russ.).
21. The Military Court Statute. Section IV. About the Trial in Wartime. 1899. (In Russ.).
22. Shendzikovsky I. On Military Court in Wartime (Field Military Court). St. Petersburg, 1892. (In Russ.).
23. RGVIA, F. 2583 Op. 4, No. 2, l. 22, 27, 35, 39. (In Russ.).
24. RGVIA, F. 2583 Op. 4, No. 2, l. 8-11. (In Russ.).

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Получена: 12. 08.2018

Для цитирования: Григорьев О.В. Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867-1917 гг.). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.125-133.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-125-133.

Information about the author:

Oleg V. Grigoriev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk Military Institute named after I.K. Yakovlev Forces of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Received: 12. 08.2018

For citation: Grigoriev O.V. Activity of fleet ships on strengthening of the right in the portrait of the period (1867-1914). *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4-2. Pp. 125-133.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-125-133. (in Russ)

УДК 316.4; 37.013.78

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-134-149

ИГНАТОВИЧ Владлен Константинович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vign62@mail.ru

Vladlen K. IGNATOVICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vign62@mail.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ
И БАЗИСНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЦЕНАРИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОБЫТИЯ**

**PSYCHOLOGICAL SPACE-TIME AND BASIC
CULTURAL SCENARIOS OF THE EDUCATIONAL
EVENT**

Статья посвящена проблеме проектирования образовательного события как совместного действия участников, направленных на решение творческой задачи и сопровождаемых возникновением у них новых смыслов осуществляемой деятельности. Для этого вводятся представления о психологическом пространстве-времени и базисном культурном сценарии образовательного события. Описаны возможные варианты психологического пространства-времени на основе различия внутренних позиций участников события по отношению к значимому Другому, которому адресовано осуществляемое творческое действие. Обоснован тезис о том, что психологическое пространство-время возникает как эффект общности совместной деятельности участников события к этому Другому, общение с которым происходит на ценностно-смысловом уровне. Показано, что данное пространство характеризуется направленностью потоков субъективно воспринимаемого времени в системе Прошлое - Будущее - Настоящее. Рассмотрены различные виды базисных культурных сценариев (объект-объектный, объект-субъектный, субъект-объектный и субъект-субъектный), доминирование одного из которых зависит от локализации полюса субъектности в системе отношений личности участников и Культуры. Эти сценарии описаны с точки зрения концепции трех типов культур М. Мид. Доказано, что только субъект-субъектный базисный культурный сценарий способен обеспечить подлинную событийность отношений между участниками образовательного события. Обоснована ведущая роль творческого воображения, благодаря которому возможен субъект-субъектный диалог участников события с Прошлым и Будущим.

The article is devoted to the problem of designing an educational event as a joint action of participants aimed at solving a creative task and accompanied by the emergence of new meanings of the activities carried out by them. To do this, we introduce concepts of psychological space-time and basic cultural scenario of an educational event. Possible variants of psychological space-time are described on the basis of the difference in the internal positions of the participants of the event in relation to the significant Other, to whom the creative action is directed. The thesis is substantiated that the psychological space-time arises as the effect of the reversal of the joint activity of the participants of the event to this Other, the communication with which occurs at the value-semantic level. It is shown that this space is characterized by the direction of streams of subjectively perceived time in the system Past - Future - Present. Various types of basic cultural scenarios (object-object, subject-subject, subject-object and subject-subject) are considered, the dominance of one of which depends on the localization of the subject's pole in the system of relations between the personality of participants and Culture. These scenarios are described from the point of view of the concept of the three types of cultures of M. Mead. It is proved that only the subject-subject basic cultural scenario is able to ensure the authentic events of the relations between the participants of the educational event. The leading role of the creative imagination is substantiated, thanks to which the subject-subject dialogue of the participants of the event with the Past and the Future is possible.

Ключевые слова: образовательное событие, психологическое пространство-время, базисный культурный сценарий, субъектность, значимый Другой

Keywords: educational event, psychological space-time, basic cultural scenario, subjectivity, significant Other

Введение

Событийность - одна из самых привлекательных и востребованных в последнее время российским образовательным сообществом идей, с практическим осуществлением которой связаны перспективы развития образования на современном этапе. Идеи событийности разработаны в первую очередь в общефилософском и философско-психологическом аспектах. Исследователями выделяются такие сущностные характеристики событийности, как взаимопринадлежность личности и бытия (М.М. Бахтин), переживание другого и стремление к другому как центральный момент в понимании человеческой жизни (С.Л. Рубинштейн), обретение в со-бытийной общности жизнеспособности индивида, его защищенности от внешних невзгод и психологического благополучия (В.И. Слободчиков), значимость для участников события индивидуальных и совместных

рефлексивных процессов, позволяющих осознать и проявить им свою субъектность (И.Ю. Шустова), понимание события как «точки возможного поворота и одновременно движения вперед» (А.Н. Кимберг) и т.д.

Однако в собственно педагогическом аспекте эти положения до сих пор не стали массово востребованными основаниями проектирования современных образовательных систем, ориентированных на становление индивидуальности ребенка в процессе его вхождения в различные событийные общности и личностного самоопределения во взаимодействии с другими людьми. В советский период вопросы формирования личности успешно решались в плоскости представлений о «коллективизме» и «сплоченности». В более позднее время идеи событийности в практике образования стали развиваться в двух отчасти взаимосвязанных аспектах: как сущностная характеристика демократического уклада жизни школы (М.А. Балабан, Ф.С. Гельфер, В.А. Караковский, А.Н. Тубельский) и как особый формат образовательного процесса, основу которого составляет общность познавательных и социальных мотивов его участников, реализуемых ими в процессе совместного решения творческих задач (А.И. Адамский, В.П. Бедерханова, М.М. Миркес, Н.А. Муха, Е.Г. Ушакова и др.). Именно в этом контексте возникает часто используемое в последнее время понятие «образовательное событие». Событийность в данном случае противостоит традиционной классно-урочной системе обучения. Однако практическое воплощение этой идеи требует разработки особых теоретико-методологических и психолого-педагогических оснований, недостаточно представленных в системе современного научно-педагогического знания.

Одним из актуальных направлений исследования в этом смысле выступает обоснование характеристик психологического пространства-времени образовательных событий. Объясняется это тем, что событийная общность становится именно на внутреннем, психологическом уровне взаимодействия участников образовательного события не только друг с другом, но и с Культурой в целом, где необходимый для познания человеком самого себя Другой может пребывать в самых разных пространствах и культурно-исторических эпохах. Только таким путем возникает описанная В.М. Розиным триада «Я - Другой - Культура», в пространстве которой возможны подлинные самопознание, самореализация и самоопределение современного человека [1].

В свою очередь сам способ обращения человека (его Я) к Другому и к Культуре определяется им не свободно, но в рамках базисного культурного сценария, понимаемого нами вслед за В.М. Розиным как «базисные представления, <...> которые являются центральными и сохраняются в течение жизни культуры» [2, с. 10]. Применительно к рассматриваемому понятию образовательного события, разворачивающегося в субъективно проживаемом участниками пространстве-времени, базисный сценарий может быть проинтерпретирован как совокупность устойчивых представлений и установок, детерминирующих ценностно-смысловую направленность взаимодействий участников образовательного события (подробнее об этом в [3]). Именно этот сценарий в конечном счете оказывает наибольшее влияние на характер результатов, достигаемых совместными усилиями участников образовательного события.

Таким образом, можно зафиксировать следующее противоречие: с одной стороны, существует необходимость учитывать характеристики психологического пространства-времени образовательного события при определении его базисного сценария, воспроизводящегося в индивидуальном опыте и детерминирующего характер достигаемых образовательных результатов учащихся; с другой стороны, в современной науке эти характеристики разработаны недостаточно, что затрудняет не только решение задач проектирования конкретных образовательных событий, но и, в целом, препятствует преодолению разрыва между базовыми характеристиками системы образования и требованиями современного общества к его качеству. В этой связи наша работа посвящена решению задачи выявления пространственно-временных психологических характеристик и отвечающих им базисных сценариев образовательного события.

Методы и материалы

Поставленную задачу мы решали методом моделирования совместной деятельности участников образовательных событий, реализуемой в различных пространственных и временных измерениях. Теоретическими основаниями для этого выступали:

- идея со-бытийности как потребности человека в Другом, через которого он себя понимает, выражает и презентует обществу (М.М. Бахтин, В.И. Слободчиков, В.А. Петровский);
- идея «хронотопа» как субъективно (психологически) переживаемого человеком единства пространства и времени его бытия, определяющего его сопричастность к Вечности (М.М. Бахтин, В.П. Зинченко и др.);
- теория трех типов культур (М. Мид) и концепция базисного культурного сценария, реализуемого в условиях определенного типа культуры (В.М. Розин);
- представления о ведущей роли творческого воображения в освоении человеком жизненного пространства (В.Т. Кудрявцев, Е.Е. Кравцова) и, в прикладном аспекте, сочетаемости реального и воображаемого планов действий участников совместной деятельности как условия активизации их мышления (Н.С. Пряжников);
- представления о внешних условиях (факторах) социализации, определяющих масштабы и виды социальных общностей, во взаимодействии с которыми человек присваивает нормы и ценности, принятые в этих общностях (А.В. Мудрик).

Результаты и обсуждение

Приступая к обсуждению выделенных теоретических оснований нашего исследования, отметим, что становление со-бытийных людских общностей - это объективный процесс, подчиненный конкретно-историческим условиям определенного типа культуры. В свое время М.А. Балабан отмечал, что «в европейских цивилизациях, кроме внешнего административного подчинения старшим и угнетения младших (в любом смысле), неизбежно формировался и действовал духовный аспект защитной связи младшего со старшим: от ребенка со взрослым, раба с рабовладельцем, крепостного с феодалом до нынешнего наемного работника и его нанимателя. Эти сугубо внутренние переживания личности мало занимают педагогику». И, далее, перенося эту мысль в плоскость проблем современного образования, автор отмечает: «Конечно, в чем-то явно тираничная учебная программа создала иерархию классов в школе, а в классе - социальное расслоение на сильных и слабых... Но именно такие остатки духовного феодализма до сих пор тренируют какие-то защитные механизмы в жизни ребенка» [4, с. 118].

Следуя этой логике, можно отметить, что образовательное событие субъективно выступает для его участников средством преодоления той вынужденной необходимости, которая задается традиционным укладом жизни школы (в более широкой рамке - общества), возможностью проявить и реализовать свое Я в новых взаимоотношениях с другими людьми, не представленными в традиционной модели.

Сказанное вполне также можно проинтерпретировать с точки зрения соотношения «бытия» и «со-бытия». Сам М.А. Балабан утверждает следующее: «Всем хорошо известен порок организма массовой школы, которая часто не способна обучать тому, на что претендуют ее учебные планы. Как удалось выяснить, этот порок связан с “бытийной” патологией передачи готового знания. На школьных уроках ученики приобретают нужный им в жизни, но скорее “бытийный”, чем познавательный, опыт осмысленного обращения с разными по содержанию и по уровню сложности текстами... С этим анализом видного ученого (Дж. Дьюи. - В.И.) давно согласились почти все, но не замечают патологии “доминанты бытия”, которая явно перешла в разряд врожденных пороков класс-школы» [5, с. 119]. Вполне очевидно, что в данном случае понятие «бытие» использовано автором не в широком философском смысле, а как синоним внешней заданности образа жизни людей, противоречащей их собственным, личностным проявлениям. (В этой связи, возможно, более уместно по смыслу использование вместо «бытия» его устаревшей формы «бы-

тьё»). Другими словами, становление событийной общности инициируется как «ответ» людей на внешнее принуждение, на запрограммированность «бытия», как попытка «очеловечить» заведенный миропорядок в соответствии с целями и ценностями самого Человека. Но суть состоит именно в том, что сам характер этого «ответа» подчинен определенному базисному культурному сценарию, по которому живет событийная общность. В разные исторические эпохи реализовались разные базовые сценарии становления событийных общностей. Характерно, что в ситуации, когда эта внешняя, запрограммированная принужденность, казалось бы, исчезает (как это происходит в эпоху постмодерна), потребность людей в со-бытии в значительной мере утрачивается, перестает себя проявлять, о чем, в частности, пишет З. Бауман [6]. Поэтому, в самом широком смысле, реализуемый в ходе проектирования образовательных событий базисный сценарий отвечает за то, какой именно тип культуры воспроизводится в образовательном процессе и каковы в этом плане перспективы обретения человеком своей культурной идентичности.

В концепции М.М. Бахтина и его современных последователей со-бытие трактуется как совместное бытие личности с Другим, который необходим ей в пространстве собственного бытия. Другой - это культурный знак, для которого личность сама также становится культурным знаком; это носитель других смыслов, вступая в диалог с которыми личность определяет и осмысляет саму себя. В контексте наших представлений о психологическом пространстве-времени образовательного события этот Другой может пребывать в разных временных измерениях (и в прошлом и в будущем), но при этом между личностью и этим Другим возникают отношения, сродни тем, о которых М.М. Бахтин писал в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Выступая в роли «автора», личность реагирует на своего «героя» из другого времени именно как на художественный образ, то есть как на целостность: «В художественном же произведении в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на целое героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого как моменты его. Специфически эстетической и является эта реакция на целое человека-героя, собирающая все познавательно-этические определения и оценки и завершающая их в единое и единственное конкретно-воззрительное, но и смысловое целое» [7]. Только в этом случае у личности возникает возможность диалогического общения с Другим, становления между ними субъект-субъектных отношений. Мы высказываем также предположение о том, что именно отнесенность Другого к другому временному измерению может в наибольшей степени стать для непосредственных участников образовательного события источником новых смыслов и переживаний.

В этом же контексте идея психологического пространства-времени («хронотопа») образовательного события порождает следующий вопрос: каким образом, за счет чего именно возникает субъективно переживаемая событийная общность собственного Я и Другого, персонифицирующего определенные культурно-исторические пласты? Другими словами, что именно служит источником коллективного смыслообразования, в процессе которого прошлое (опыт) и будущее (цели, мечты, планы, надежды) «длется», говоря словами В.П. Зинченко [8], в настоящем? Каким образом возникает событийное пространство, в котором и происходит встреча («сретение») собственного Я с Другим и с Культурой?

Полной ясности по этому вопросу нет. Среди современных публикаций немало таких, в которых этот вопрос фактически игнорируется, событийность носит характер декларации и, по умолчанию, предполагается, что она возникает «сама собой», если организовано взаимодействие различных субъектов образования «по поводу», например, досуговой деятельности детей. Однако, если вести речь о более содержательных позициях, то мнения ученых разнятся. Так, например, А.А. Остапенко в качестве главного условия становления событийности в отношениях участников педагогического процесса указывает на социальную полезность осуществляемой ими совместной деятельности в противовес «понарошечной» игровой основе традиционных воспитательных мероприятий (термин

«игра» используется здесь автором в откровенно негативной коннотации) [9]. По мнению автора, именно «настоящность» этой деятельности определяет субъектную включенность в нее самого ребенка, возникновение у него собственных целей и смыслов.

Иной точки зрения на этот счет придерживается Б.Д. Эльконин, утверждающий, что подлинная событийность в отношениях участников деятельности возникает именно благодаря игровой смыслообразующей основе (логике) этой деятельности [10]. Игру как вид деятельности, в концепции автора, характеризует пробный характер совершаемых субъектом действий, когда использование уже освоенных способов этих действий тем не менее не гарантируют получение заранее известного результата, а выводит его на новый уровень совершаемых проб.

Зафиксированное различие имеет важное значение для нашего исследования, поскольку эти два противоположных взгляда относятся к принципиально различным культурным сценариям, могущим составлять основу образовательного события. Так, базисный сценарий, основанный на представлениях о «деле», обладающем социальной полезностью, приводит нас к «логике труда» (выражение Б.Д. Эльконина), в то время как идея пробного действия целиком относится к «логике игры», то есть к совершенно иному культурному сценарию, основу которого составляет «проблематизация культуры» как психологический механизм смыслообразования (В.Т. Кудрявцев [11]).

В этом же контексте далее мы обращаемся к культурологической концепции М. Мид, основанной на представлениях о трех типах культур, каждый из которых характеризуется ориентацией в одно из временных измерений - прошлое, настоящее и будущее как основной источник передаваемого детям социального опыта. Эта ориентация полностью определяет характер отношений детей и взрослых в процессе воспитания: трансляция и воспроизводство опыта прошлого в каждом новом поколении (культура постфигуративного типа); конкуренция в ходе усвоения нового опыта, возникающего «здесь и сейчас» (культура кофигуративного типа); сотрудничество в процессе создания нового культурного опыта, порождаемого креативными способностями «проникновения» в будущее, еще не наступившее, но наиболее значимое для решения актуальных проблем (культура префигуративного типа) [12].

В свою очередь, в концепции В.М. Розина каждому культурному сценарию отвечает определенный, исторически сформировавшийся тип личности, характеризующийся, в целом, степенью самостоятельности его социального поведения и культурной проблематикой, в разрешении которой эта самостоятельность реализуется [13]. Соотнося эти позиции в контексте решаемой здесь задачи, мы высказываем предположение, что интересующий нас базисный сценарий образовательного события может характеризоваться его смысловой направленностью, выявляемой в системе координат «Прошлое - Настоящее - Будущее». Люди же (участники образовательного события), реализующие данный базисный сценарий, характеризуются занимаемой ими позицией (субъектной или объектной) по отношению к воображаемому Другому, персонифицирующему эти временные планы.

Сочетание реального и воображаемого плана действий участников образовательного события, с точки зрения сказанного выше, выступает необходимым условием решения ими творческой задачи, в процессе чего ими моделируются разнообразные контакты с прошлым и будущим. Творческое воображение становится основным «ключом», при помощи которого возможно со-бытие с Другим, пребывающим в ином времени и в ином пространстве, будь то реальный исторический персонаж, вымышленный «культурный герой» либо просто обобщенный представитель определенной культурной эпохи. Именно в воображаемом плане деятельности этот Другой наделяется свойствами субъекта, с которым реальная личность способна вступить в диалог.

И, наконец, описания факторов социализации в концепции А.В. Мудрика позволяют нам очертить пространственные характеристики психологического пространства-времени образовательного события. Собственно факторы социализации, описанные ав-

тором [14], представляют собой характеристики внешних влияний на субъекта социализации, исходящие из его ближайшего окружения (микрофакторы), больших социальных групп и воспитательных организаций (мезофакторы), страны и государства (макрофакторы) и человечества в целом (мегафакторы). Используя эти представления в наших целях, мы исходим из того, что внешние влияния могут достигать своих социализирующих целей только в случае сопричастности самого субъекта социокультурным процессам, порождающим эти влияния. С этой позиции можно предположить, что участники образовательного события обладают возможностью ощущать свою сопричастность именно тем процессам, которыми порождена проживаемая ими культурная проблематика, что, собственно говоря, и формирует психологическое пространство этого события. В этой связи существенное значение имеет разделение психологического пространства на два уровня. Первый (психологическое микропространство) характеризуется ориентацией только лишь на Другого, существующего в реальном жизненном пространстве субъекта. Второй (психологическое макропространство) - ориентацией на Другого, контакт с которым возможен лишь средствами творческого воображения. Очевидно, что только на втором уровне психологическое пространство-время образовательного события действительно становится хронотопом, объединяющим в себе прошлое, настоящее и будущее как неделимое целое. На первом же уровне психологическое и историческое время не имеют для субъекта значимых различий.

Охарактеризовав, таким образом, теоретические основания решаемой задачи, далее мы переходим непосредственно к обсуждению самой модели психологического пространства-времени образовательного события.

В контексте сказанного выше под психологическим пространством-временем образовательного события мы будем здесь понимать субъективно переживаемые соразмерность совместной деятельности участников определенным масштабам жизненного пространства личности и соотносительность этой деятельности, осуществляемой в настоящем, измерениям прошлого и будущего времени. В качестве рабочего определения самого образовательного события мы используем следующее: образовательное событие - специально проектируемое совместное смыслопорождающее действие субъектов освоения социокультурной практики, в ходе которого данная практика становится предметом групповой рефлексии [15, с. 210].

Прежде всего, обратимся к субъективно переживаемому времени образовательного события. Формально это прошлое, настоящее и будущее. Однако это только формально. Неверно думать, что если участниками образовательного события определенными дидактическими средствами прорабатывается проблематика прошедших исторических событий, то они пребывают в психологическом прошлом и т.д. С учетом сказанного ранее о реальном и воображаемом планах совместной деятельности участников следует отметить, что реальный план любого образовательного события представлен в настоящем времени, прошлое и будущее при этом перемещены в воображаемый план. Поэтому психологическое время образовательного события определяется как сочетание взаимопроникающих планов настоящего, прошлого и будущего. Крайне важное значение при этом имеет «вектор развертывания» этих планов образовательного события. Здесь будет уместно обратиться к постмодернистской философской концепции Ж. Делеза, согласно которой «концептуально возможно двоякое видение исторического времени: одно составлено только из сплетающихся настоящих, а другое постоянно разлагается на растянутые прошлые и будущие». Именно во втором времени, именуемом автором как «бестелесный Эон», выстраиваются как бы живущие своей собственной жизнью событийные цепочки - «тропинки, простирающиеся вперед и назад» и «ускользающие в двух смыслах направлениях сразу: в прошлое и будущее» (цит. по: [16]).

Время образовательного события, субъективно воспринимаемое его участниками, обладает указанными характеристиками Эона: событие может развертываться как из прошлого в настоящее, так и из настоящего в прошлое; как из настоящего в будущее, так

и из будущего в настоящее. При этом «вектор развертывания» субъективно определяется занимаемой участниками образовательного события позицией.

Для пояснения сказанного рассмотрим возможные позиции Личности непосредственных участников образовательного события в настоящем и воображаемого Другого в прошлом и будущем с точки зрения их субъектности либо объектности. Отметим также, что именно на полюсе субъекта обнаруживается культурная проблематика, вокруг которой строится взаимодействие участников.

Очевидно, что в системе отношений «Настоящее - Прошлое» возможны следующие варианты.

Вариант первый: Личность пребывает в субъектной позиции, Другой - в объектной. В этой ситуации событие развертывается из настоящего - в прошлое, лишенное в данном случае самооценности, и существует исключительно для того, чтобы современный субъект «вписал» самого себя, свои ценности, нормы и представления в Другого, находящегося на полюсе прошлого. Поскольку обратной связи с Другим как субъектом в этом случае нет, со-бытийность ограничивается исключительно временным планом настоящего, и личность (Я) не имеет возможности обнаружить другие смыслы, точнее соотнести свои собственные смыслы со смыслами Другого.

Вариант второй: Личность занимает объектную позицию, Другой - субъектную. Психологическое время образовательного события развертывается из прошлого в настоящее, и этот процесс обретает черты «экспансии» прошлого исторического опыта в настоящее. Вопрос о том, насколько этот опыт исторического прошлого соответствует реалиям настоящего, не имеет смысла, так как объектная позиция Я растворяет его в Другом, лишает возможности соотнесения собственных ценностей с нормами прошлого времени.

Вариант третий: и Я, и Другой пребывают в субъектной позиции. В ходе образовательного события встречаются два противоположно направленных «потока времени»: из прошлого в настоящее и из настоящего в прошлое. Их встреча требует установления контакта и равноправного диалога Я и Другого. На границах прошлого и настоящего опыта возникает «культурная область», то есть те проблемные содержания, которые в процессе диалога оформляются в предмет совместной деятельности субъектов образовательного события. (Именно «граница» выступает здесь наиболее смыслоемким понятием. В этой связи уместно еще одно обращение к наследию М.М. Бахтина: «Внутренней территории у культурной области нет, она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» (цит. по: [17, с. 21]).)

Вариант четвертый: и Я, и Другой пребывают в объектной позиции. В этом случае между ними не возникает никаких связей, «поток времени» отсутствует.

Аналогичным образом обстоит дело и в системе отношений «Настоящее» - «Будущее». Однако одну оговорку здесь сделать необходимо. Если в отношениях с прошлым субъектность Другого представлена в уже существующем историческом опыте, способ отношения к которому современного человека в большей степени определен, то субъектность Другого, персонифицирующего будущее, скорее представлена «вызовами», способ отношения к которым определен в значительно меньшей степени (иногда вообще не определен). Надо сказать, что тема «вызовов», исходящих из будущего, стала одной из центральных в исследованиях XX-XXI вв. в областях социологии, футурологии, политологии, психологии и собственно педагогики в связи с резким ростом степени неопределенности ситуации социокультурного развития современного общества, усиления его многообразия и непредсказуемости развития (П. Бурдье, З. Бауман, А. Тоффлер, А. Турен, А.Г. Асмолов, Б.М. Бим-Бад, И.Д. Фрумин и др.). (Для сравнения, в прежние времена относительной социокультурной определенности мира субъектность Другого из будущего, скорее, проявлялась в его готовности содействовать реализации целей, надежд и мечтаний личности из настоящего). Спектр этих «вызовов» достаточно широк - от исчерпаемо-

сти природных ресурсов, грозящей гибелью всему человечеству, до глобальной утраты человеческих ценностей, ставящих мир на грань культурной катастрофы.

В этом контексте характеристики соотношения планов настоящего и будущего в образовательном событии имеют значимые отличия. Так, развертывание образовательного события из будущего в настоящее (Я - в объектной, Другой - в субъектной позиции) не растворяет в себе личность Я, но обнаруживает ее социокультурную несостоятельность перед лицом грядущих перемен (либо растворяет эту личность, но уже в неких высших силах, на которые она в этом случае стремится перенести собственную ответственность за свою судьбу и судьбы будущих поколений). Вариант же развертывания встречных потоков сознания из будущего и настоящего предполагает диалог субъектов (Я и Другой) не в историческом, а в проектном пространстве. В остальных двух вариантах (Другой из будущего - в объектной позиции) характер взаимоотношений настоящего с будущим мало чем отличается от аналогичных отношений настоящего с прошлым. Если личность также занимает объектную позицию, то эффект событийности вообще не возникает, если же Я личности пребывает в субъектной позиции, событийность носит иллюзорный характер и опирается на механический перенос в будущее опыта прошлого и настоящего.

Как было сказано, пространственные характеристики определяются социальными масштабами субъективно ощущаемой сопричастности участников образовательного события некой общей проблематике, которая, имея важное общественное значение, в то же время проникает и во внутренний мир человека, становится для него предметом личностного самоопределения. Сказанное ранее позволяет нам выделить два типа образовательных событий. Первый - это образовательные события, психологическое пространство-время которых «привязано» к микросреде, то есть к ближайшему окружению, в котором все участники находятся на «расстоянии вытянутой руки». Но речь здесь идет не о реальных пространственных масштабах (классная комната, актовый зал и т.д.), а об отсутствии тех Других, встреча с которыми опосредована решаемой «задачей на смысл». Вся культурная проблематика этого события замкнута на взаимоотношения его непосредственных участников. Важно, что в этом случае и временное измерение образовательного события, его «длящееся настоящее» точно так же привязано к реальному времени, проекции в Вечность оно не имеет. Как следствие, воображаемый план осуществляемой совместной деятельности участников в этом случае излишен.

Второй тип образовательных событий характеризуется сопричастностью субъектов тем социокультурным процессам, которые протекают в макропространстве этих событий. Другой в этом случае может (и должен) пребывать в ином пространственном измерении, уже не на «расстоянии вытянутой руки», а на той психологически проживаемой дистанции, преодолеть которую возможно лишь при условии культурного (знакового) опосредования этого взаимодействия. В этой связи уместно обратиться к высказыванию И. Ильина: «Русский ребенок должен увидеть воображением пространственный простор своей страны... Он должен почувствовать, что русская национальная территория уже освоена и еще недостаточно освоена русским народом. Национальная территория не есть пустое пространство "от столба до столба", но и исторически данное и взятое духовное пастбище народа, его творческое задание, жилище его грядущих поколений» (цит. по: [18, с. 50]). Это высказывание, на наш взгляд, служит очень удачным примером того, как территория страны становится для ребенка психологическим макропространством становления его индивидуальности, в котором осуществляется широкий спектр его межличностных взаимодействий со значимыми Другими, осуществляемых средствами развитого творческого воображения.

На этом основании можно утверждать, что базисный культурный сценарий образовательного события начинает проявляться именно как культурный только тогда, когда событие выходит в психологическое макропространство его участников. Соответственно и временной план формируется в единстве с пространственным (собственно, возникно-

вание хронотопа), только когда Другой из другого пространства обретает способность пребывать и в другом времени. В противном случае сценарий образовательного события может быть представлен лишь в тривиальном («некультурном») выражении - вместе решаем интересную задачу, либо «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Поэтому далее мы переходим к рассмотрению тех базисных сценариев образовательного события, которые разворачиваются в условиях становящегося психологического макространства-времени, где потоки времени действительно могут разворачиваться в логике Эноса, то есть пересекаться на встречах курсах. Но и сами базисные культурные сценарии в этом случае должны быть охарактеризованы именно в категориях Культуры и культурно-исторического подхода, а также с учетом взаимного позиционирования субъектов и объектов осуществляемой совместной творческой деятельности.

Теоретически можно выделить четыре таких базисных сценария: объект-объектный, объект-субъектный, субъект-объектный и субъект-субъектный.

Описания таких сценариев были обнаружены нами в работах М.М. Бахтина, В.М. Розина и др. авторов. Сразу же отметим, что объект-объектный базисный культурный сценарий в принципе не соотносится с понятием со-бытийности. Его сущность как спектакля, к которому его участники не имеют собственного отношения, в свое время очень емко охарактеризовал Ги Дебор: «Реальность, рассматриваемая по частям, является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдо-мира, доступного лишь созерцанию. Спектакль - это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами. Во всех своих проявлениях, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль являет собой модель преобладающего в обществе образа жизни. Если рассматривать спектакль через призму его собственного о себе мнения, он подтверждает эту видимость, а также подтверждает то, что человеческая, социальная жизнь является всего-навсего простой видимостью. Спектаклю не нужно ничего иного, кроме самого себя» [19]. По этой же причине объект-объектный сценарий не порождает в сознании участников «спектакля» чувства совместно проживаемого времени, в нем никак не проявляется их личностное отношение к Другому, дислоцированному на полюсе Прошлого или Будущего (поскольку этого Другого попросту не существует). В практике образования этот сценарий представлен формально организуемыми «воспитательными мероприятиями», в ходе которых участники под руководством педагога механически воспроизводят предписанные им действия, не испытывая при этом никаких чувств и эмоций. Видимо, не случайно такие «мероприятия» довольно часто проводятся в форме именно «спектакля» с заученными ролями и текстами, не содержащими в себе никакой смысловой нагрузки для сознания воспитанников, а лишь воспроизводящими общепризнанные либо «предписанные» значения. В силу сказанного в дальнейшем мы исключим этот сценарий из дальнейшего анализа образовательного события.

Первый из оставшихся трех сценариев (объект-субъектный) относится к образовательному событию, психологическое время которого разворачивается из прошлого либо из будущего в настоящее. В первом случае (субъект локализован на полюсе Прошлого) этот сценарий, на наш взгляд, лучше всего характеризуется понятием «ритуал». Напомним, что как архаичная культурная практика и атрибут культуры Древнего мира ритуал представлял собой не просто «воспоминание» о событиях, запечатленных в мифических сюжетах, но призван был «оживить» эти сюжеты, добиться их реального повторения в ритуальном действии. При этом собственное Я его участников (как их внутренний мир) не существовало в современном понимании [20]. Ритуальное действие (мистерия, инициация) основывалось на «реальности» вызываемого Божества и «нереальности» его рядовых участников. Последние были «растворены» в этом действии. В этом состоял особый смысл, например, обряда инициации, в котором необходимо было даже не простое вторжение в сознание, а его полное «отметание», «вычеркивание» в существующем виде. Как пишет по этому поводу В.Т. Кудрявцев, «в ходе инициации ребенок или юноша как бы

уничтожался в своем старом качестве, отрицался в своем прошлом бытии. Мы сказали "как бы уничтожался" ... Но ведь это для нас - "как бы"! А для своих соплеменников и даже для самого себя прошедший инициацию действительно мыслился как объективно другой, а не как лишь обновленный прежний» [21, с. 52]. Очевидно, что именно таким путем в индивидуальной биографии воспроизводится («вживляется» туда) миф о «прарождении» культурного героя, ставшего по воле высших сил и противопоставленного воле самого человека (современника).

Смысловую основу ритуала, таким образом, составляет некое «первособытие», «прадействие», которое «воспроизводится не только путем подчинения (следования) законам и древним устоям жизни, но и буквального воссоздания их в культе и ритуале» [22, с. 60]. Как базисный культурный сценарий ритуал полностью отвечает культуре «пост-фигуративного» типа (по М. Мид), поскольку настоящее и будущее здесь выступают всего лишь повторением прошлого опыта без права современного субъекта вносить в этот опыт какие-либо существенные изменения. Весь этот опыт концентрированно запечатлен в ритуале в качестве того первособытия, которое и воспроизводится во всех значимых событиях настоящего и будущего.

В другом случае (субъект локализован на полюсе Будущего) данный сценарий по своему смыслу напоминает миф о «Страшном Суде», к которому необходимо готовиться, но влиять на этот процесс из Настоящего невозможно. По сути, это тот же самый ритуал, но переориентированный во времени.

Образовательные события, основанные на данном базисном сценарии, в первую очередь характеризуются принципиальной невозможностью изменения его участниками той реальности (Прошлого или Будущего), которая воспроизводится в этом действии. Любая такая попытка неизбежно квалифицируется как «нигилизм», «глумление», «попрание святого» (список определений может быть продолжен). И это вовсе не косность и консерватизм педагогов - организаторов события, это - норма, заложенная в самом сценарии. Способ же осуществления этой нормы неизбежно связан с «обожествлением» и/или мифологизацией того Другого, который открывает свою субъектность участникам образовательного события. Другими словами, образовательное событие, основанное на объект-субъектном базисном культурном сценарии, предполагает общение его участников с «культурным героем», «памятником истории», диалог с которым если и возможен, то исключительно по правилам и нормам самого «памятника». Другая сторона этого сценария - предписание данных правил и норм тем современникам, которые прошли этот ритуал и поместили в себя мифологизированного культурного героя как вновь обретенную (что самое существенное - заданную извне) норму.

Однако, как было сказано, односторонний поток субъективного времени из прошлого в настоящее не может обеспечить со-бытийность общности участников этого действия. В данном случае уместнее говорить об «образовательном квазисобытии», поскольку эффект событийности достигается здесь только за счет обезличивания коллективного Я в Настоящем и его перемещения в Прошлое или Будущее, где и локализуется в этом случае собственная идентичность участников. В прошлые годы данный сценарий успешно реализовывался в совместных действиях педагогов и детей, центром которых чаще всего выступал Памятник (и в прямом, и в переносном смысле), в смысловом поле которого совершались различные ритуальные действия, произнесение клятв, торжественных обещаний и т.п. В противоположном случае (встречи с Будущим) успешно эксплуатировались запрограммированные представления о светлом коммунистическом будущем, наступление которого было неизбежно. В более поздние времена недавней отечественной истории, связанные с переоценкой ценностей, этот сценарий по-прежнему широко применялся в практике образования, менялись лишь исторические оценки и интерпретации Прошлого. К счастью, система образования избежала переноса данного сценария в сферу отношений современного человека с Будущим, где одним из возможных вариантов такого «квазисобытия» является коллективное ожидание Конца Света.

Противоположное направление развертывания психологического времени образовательного события - из Настоящего в Прошлое или из Настоящего в Будущее - в нашей концепции определяет иной базисный культурный сценарий, возникший в эпоху Античности. Для характеристики этого субъект-объектного сценария во взаимоотношениях Настоящего и Прошлого времени мы используем термин «суд» в контексте описания античной культуры В.М. Розина. Опираясь, в свою очередь, на исследования А. Ахутина, он отмечает следующее: «Античная личность складывается в попытке разрешить следующее противоречие: человек должен действовать в соответствии с традицией и не может этого сделать, поскольку нарушит традицию. В этой драматической ситуации герой вынужден принимать самостоятельное решение, также нарушающее традицию. Так вот, суд и театр оказываются той единственной формой, в которой вынужденный самостоятельный поступок героя получает санкцию со стороны общества, одновременно формой становления личности и его сознания. Не то чтобы общество оправдывает поступок героя, оно осмысляет этот поступок, переживает его, вынуждено согласиться, что у героя не было другого выхода (курсив наш. - В.И.)» [23, с. 62].

В сравнении с «ритуалом» сценарий «суда» характерен тем, что носителем традиции (нормы) выступает здесь субъект настоящего, с этой позиции оценивающий действия и поступки Другого из прошлого. Этот Другой лишен собственной субъектности потому, что прошлое уже завершено и не подлежит переделыванию. Но «суд» над ним вершится именно по нормам, носителем которых является субъект настоящего. Отсюда и ситуация - «не то чтоб оправдать, но осмыслить и согласиться».

Каким же образом в этом случае возникает со-бытийность субъектов настоящего и объектов прошлого? Ответ на этот вопрос мы также находим в процитированном источнике В.М. Розина: «Зритель видит себя под взглядом героя и меняется с ним местами... Этот взгляд *возможного* (курсив наш. - В.И.) свидетеля и судьи, взгляд, под которым я не просто делаю что-то дурное или хорошее, а впервые могу предстать как герой, в эстетической завершенности тела, лица, судьбы...» [24, с. 63-64].

Комментируя это высказывание, обратим внимание на два взаимно противоположных обстоятельства. С одной стороны, возможность субъекта Настоящего поменяться местами с объектом Прошлого существует, но именно как возможность, допускаемая лишь условно, умозрительно («на его месте мог оказаться я»). Однако это вовсе не означает возможности изменить что-либо в Прошлом, поскольку, как было сказано, объективно оно завершено и за рамки данной завершенности сценарий «суда» не выходит. В свою очередь, это определяет условно-умозрительный характер становящейся событийности участников «суда». С другой стороны, условный перенос, проекция себя на образ Другого возможен в данном случае именно потому, что Другой воспринимается субъектом Настоящего целостно, то есть как содержание культуры, к которому можно определить свое целостное, смысловое отношение. В этой связи можно утверждать, что культурный сценарий «суда» так же, как и в предыдущем случае, соответствует «образовательному квазисобытию», где перспективы становления со-бытийной общности реальных и воображаемых участников ограничены именно объективной невозможностью принятия Другим иных решений и совершения им иных поступков. Возникающая же у участников проекция себя на образ культурного героя не равна возможности по-новому взглянуть на самого себя, преодолеть себя, ощутить состоявшийся шаг своего индивидуального развития.

Необходимо сделать еще одно важное замечание по поводу «суда». Этот сценарий не имеет ничего общего с распространенной в прошлом формой воспитательного мероприятия с таким же названием, но изначально (по умолчанию) допускающим, что «подсудимые» - реальные исторические персонажи - могли действовать иначе, если бы проявили более высокий уровень «исторической компетентности». Несмотря на то, что эта форма работы претендовала на определенную объективность в анализе событий, конечным результатом здесь, как правило, выступал приговор, выносимый «продвинутыми»

потомками по поводу того, как на самом деле нужно было действовать их участникам. Очень емко это обстоятельство отражено в реплике персонажа знаменитого фильма С. Ростоцкого - учителя истории Ильи Семеновича Мельникова: «...складывается впечатление, что в истории действовала компания двоечников». Более реалистичным аналогом использования данного культурного сценария в педагогической практике выступает организация исследовательской деятельности учащихся, осуществляемой ими на историческом материале. Базисный культурный сценарий «суда» воспроизводится здесь в форме методологического принципа: данные исследования должны базироваться исключительно на объективных фактах и исключать всякую возможность их субъективного толкования. Именно это обстоятельство определяет завершенность действия в историческом времени и отношение к нему с полюса Настоящего как к тексту, творческое преобразование которого объективно невозможно.

Этот же культурный сценарий, «перевернутый» во времени (его разворачивание из Настоящего в Будущее), может быть проинтерпретирован как «утопия». Его общий смысл в этом случае характеризуется убежденностью участников события в том, что Будущее обязательно должно быть таким, каким мы, ныне живущие, хотим его видеть. Оно полностью подчинено нашим ценностям, нашей воле и не может преподнести нам что-либо, не укладывающееся в нашу картину мира. Такой сценарий реализуется всякий раз, когда участники образовательного события пытаются совершить «рывок в будущее», опираясь исключительно на опыт пребывания в Настоящем, воспринимая это Будущее лишь как некоторое линейное приращение к тому, что уже известно и освоено сегодня.

Совершенно иной взгляд в Прошлое и Будущее возникает в рамках третьего культурного сценария, при котором локализованный там Другой обладает субъектностью в той же степени, что и современные участники образовательного события. Сущность субъект-субъектного культурного сценария определяется понятием «диалог» и характеризуется встречным движением потоков времени из Прошлого (Будущего) в Настоящее и из Настоящего в Прошлое (Будущее). В этой связи уместно процитировать высказывание О.И. Генисаретского: «Известно, что наше отношение к прошлому есть следствие отношения к настоящему, и напротив - наше отношение к настоящему есть следствие отношения к прошлому. Если, однако, вспомнить, что отношения эти, во-первых, могут иметь обе направленности сразу (то есть от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому), а во-вторых, что они могут осуществляться и как действия, и как знания (то есть относиться к поведению или к сознанию), то возникнет правдоподобное впечатление о многократной и нескончаемой отраженности «настоящего» и «прошлого» как состояний сознательного поведения, отраженности, совокупный образ которой скорее похож на узловатый клубок, нежели на ясное и легко уразумеваемое "известное"» [25]. Каковы же возможности участников образовательного события распутать этот «клубок»? Нужно признать, что в современной культуре такой подход к познанию истории представлен в первую очередь в методологии современных гуманитарных исследований. Об этом, в частности, пишет В.М. Розин: «Еще одна особенность гуманитарного познания: оно разворачивается в пространстве разных точек зрения и подходов, в силу чего гуманитарий вынужден позиционироваться в этом "поле", заявляя особенности своего подхода и видения» [26]. Это значит, что исследователь, стремящийся вступить в со-бытийный диалог с Культурой, вынужден проявлять свою субъектность («откровение личности» по М.М. Бахтину), вслушиваясь и вчитываясь в Другого, воздействуя на него и получая при этом ответ, не сводимый к набору эмпирически устанавливаемых фактов. Так, в цитируемой работе В.М. Розина автор в качестве примера приводит свое обращение к личности А.С. Пушкина: «Я предоставил голос самому Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого я искал в его письмах ответы на мои вопросы, пытался встать в позицию Пушкина, увидеть мир его глазами, сам ... реконструировал его время, нравы, обычаи и т.д. и т.п.» [27].

Разумеется, владение неклассической методологией гуманитарного ния - прерогатива высококвалифицированного ученого. Однако исторические корни этого подхода можно обнаружить в феномене «карнавальной культуры», о которой писал М.М. Бахтин: «Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений - площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое - все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры» [28]. (Вспомним отмеченную в начале этой статьи миссию событийности как альтернативы внешнему принуждению). По данным психологических исследований, именно карнавальная культура проявляет себя в специфических формах познания мира, присущих миру Детства. Ее главный принцип состоит в познании действительности через ее творческое преобразование. Раскрывая этот принцип на примере такого атрибута карнавальной культуры, как «перевертыши», В.Т. Кудрявцев особо подчеркивает, что в них «наизнанку выворачивается подсказываемое здравым смыслом обычное положение вещей, радикально меняется их координация, проблематизируются, подводятся под вопросы общепринятые представления об окружающем. Очевидному здесь придается парадоксальное звучание» [29, с. 117]. Именно в этом проявляется диалогичный характер познания ребенком Культуры, его субъектность как позиция «экспериментатора», не просто усваивающего заданную норму, но стремящегося выйти за ее пределы, познав таким путем ее культурный смысл.

Из востребованных в современной педагогической действительности средств для организации образовательных событий на основе субъект-субъектного (диалогового) базисного культурного сценария наиболее эффективной представляется совместная проектная деятельность, направленная на решение проблемных, творческих задач. Формы такой деятельности разнообразны - деловая игра, театрализация, образовательное путешествие, дискуссия и т.д. Однако ее основным содержанием в любом случае должен выступать поиск креативного решения, осуществляемый через моделирование возможного. Именно таким путем достигается подлинное со-бытие участников, для которых встречи с Прошлым и Будущим подчинены главному принципу, сформулированному персонажем известной повести братьев Стругацких: «Постарайтесь понять.., что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них» [30, с. 188].

Выводы

Образовательное событие представляет собой сложную форму творческого взаимодействия педагогов и учащихся, характеризующуюся, кроме всего, их совместным психологическим пространством-временем и реализуемым базисным культурным сценарием. Психологическое пространство-время возникает как эффект обращенности совместной деятельности участников события к значимому Другому, общение с которым происходит на ценностно-смысловом уровне. В зависимости от локализации полюса субъектности можно различить объект-объектный, объект-субъектный, субъект-объектный и субъект-субъектный базисные культурные сценарии. По своим культурным смыслам эти сценарии воспроизводят укорененные в Культуре способы отношения человека к Прошлему, Настоящему и Будущему. При этом лишь один - субъект-субъектный - культурный сценарий способен обеспечить подлинную со-бытийность отношений между участниками. Основу этого сценария составляет диалог с Другим, осуществляемый посредством творческого преобразования действительности и моделирования возможного. Большую роль в реализации этого сценария играет творческое воображение участников события, его включенность в процессы решения проблемных задач. Главным результа-

том реализации данного культурного сценария в проектировании образовательных событий становится личностное самоопределение участников через освоение ими позиции субъекта творческого преобразования окружающего мира, познания Культуры и Истории. Именно таким путем осуществляется принцип, сформулированный Ги Дебором: «Субъектом истории может стать лишь человек самосозидающий, являющийся господином и обладателем собственного мира, собственной истории и осознающий правила своей игры» [31, с. 74].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. - М.: Изд-во МПСИ; - Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. - 304 с.
2. Розин В.М. Указ. соч.
3. Игнатович В.К., Игнатович С.С. Социокультурные основания выбора учащимися индивидуального образовательного маршрута // *European Journal of Contemporary Education*. - 2014. - Vol.(10). - № 4.
4. Балабан М.А. Бытие и сознание в системе образования // *Демократическая ла.* - 2005. - № 1.
5. Балабан М.А. Указ. соч.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. - 390 с.
7. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою. - URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url> (дата обращения: 26.11.2015).
8. Зинченко В.П. Человек в пространстве времен // *Развитие личности*. - 2002. - № 3.
9. Остапенко А.А. Настоящность событий и «понарошечность» мероприятий в воспитании // *Событийность в образовательной и педагогической деятельности* / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Науч. ред. серии Н.Б. Крылова. - 2010. - Вып. 1(43).
10. Эльконин Б.Д. Педагогика развития: пробное действие как основа образования // *Вестник*. - 2003. - № 11. - URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik_11/v11_elkonin.htm (дата обращения: 17.11.2015).
11. Кудрявцев В.Т. Развитое детство и развивающее образование: культурно-исторический подход. Ч. 1. Современное детство и инновации в дошкольном образовании. - Дубна: ИЦ семьи и детства РАО, 1997. - 174 с.
12. Мид М. Культура и мир детства / пер. с англ. - М.: Наука, 1988. - 429 с.
13. Розин В.М. Указ. соч.
14. Мудрик А.В. Социальная педагогика: люди, идеи, проблемы: сборник науч.-мет. м-лов / под общ. ред. Т.А. Ромм, Т.Т. Щелиной. - Арзамас: АГПИ, 2011.
15. Гребенникова В.М., Игнатович В.К., Игнатович С.С. Принцип событийности в организации социокультурных практик учащихся как проектных единиц их индивидуальных образовательных маршрутов. *Историческая и социально-образовательная мысль*: 2015;7(5/1):207-213. <https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.207-213>
16. История Философии: Энциклопедия. - Минск: Книжный дом, 2002. - URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/488/.
17. Розин В.М. Указ. соч.
18. Кудрявцев В.Т. Указ. соч.
19. Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с франц. Б. Немана. - М.: Логос, 2000. - 184 с.
20. Розин В.М. Указ. соч.
21. Кудрявцев В.Т. Указ. соч.
22. Розин В.М. Указ. соч.
23. Там же.
24. Там же.
25. Генисаретский О.И. Свидание с историей // *Кентавр*. - 1993. - № 2 (вып. 9).
26. Розин В.М. Семиотический подход, а также можно ли понять искусство на его ве? - URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fvox-journal.org%2Fcontent%2Fvox9rosin.doc&name=vox9rosin.doc&lang=ru&c=56dd692d6fbe>
27. Там же.

28. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и са. - URL. [http\Bim-Bad.ru>docs/bakhtin_rablai.pdf](http://Bim-Bad.ru/docs/bakhtin_rablai.pdf) (дата обращения: 23.11.2015).
29. Кудрявцев В.Т. Указ. соч.
30. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу // Собр. соч. - М., 1992. - Т. 4. - 319 с.
31. Дебор Ги. Указ. соч.

REFERENCES

1. Rozin V.M. A cultured man. Introduction to anthropology. Moscow: Publishing House of the Ministry of Information and Communications, Voronezh: Publishing house of the NGO "MODEC", 2003. 304 p. (In Russ.).
2. Rozin V.M. Decree. ed. (In Russ.).
3. Ignatovich VK, Ignatovich SS Sotsiokulturnye basis for students to choose an individual educational route. European Journal of Contemporary Education, 2014, Vol. (10), No. 4. (In Russ.).
4. Balaban M.A. Genesis and consciousness in the educational system. Democratic School. 2005. No. 1. (In Russ.).
5. Balaban M.A. Decree. ed. (In Russ.).
6. Bauman Z. Individualized Society. Trans. with English. Ed. (In Russ.). V.L. Inozemtseva. Moscow: Logos, 2002. 390 p. (In Russ.).
7. Bakhtin M.M. Author and hero in aesthetic activity. The problem of the author's relationship to the hero. Available at: URL. <https://docviewer.yandex.ru/?url> (accessed: 26.11.15). (In Russ.).
8. Zinchenko V.P. Man in the space of time. Development of personality. 2002. № 3. (In Russ.).
9. Ostapenko A.A. The reality of the events and the "fairness" of the events in the upbringing. Events in the educational and pedagogical activity. ed. N.B. Krylova, M.Yu. Zhilina. Scientific editor of the series N.B. Krylova. Issue. 1 (43). 2010. (In Russ.).
10. El'konin B.D. Pedagogy of development: trial action as a basis of education. Herald. 2003. № 11. Available at: URL. http://www.experiment.lv/eng/biblio/vestnik_11/v11_elkonin.htm (accessed: 17.11.15). (In Russ.).
11. Kudryavtsev V.T. Developed childhood and developing education: a cultural-historical approach. Part 1. Modern childhood and innovations in preschool education. Dubna: IC of the Family and Childhood of RAO, 1997. 174 p. (In Russ.).
12. Mead M. Culture and the world of childhood. trans. with English. Moscow: Nauka, 1988. 429 p. (In Russ.).
13. Rozin V.M. Decree. ed. (In Russ.).
14. Mudrik A.V. Social pedagogy: people, ideas, problems: a collection of scientific-met. m-lov. under total. Ed. T.A. Romm, TT A slit. Arzamas: AGPI, 2011. (In Russ.).
15. Grebennikova VM, Ignatovich VK, Ignatovich SS The principle of eventfulness in organization of students" sociocultural practices as project units of their individual educational routes. *Historical and Social-Educational Idea*. 2015;7(5/1):207-213. <https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.207-213>. (In Russ.).
16. History of Philosophy: Encyclopedia. Minsk: The Book House, 2002. Available at: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/488/. (In Russ.).
17. Rozin V.M. Decree. ed. (In Russ.).
18. Kudryavtsev V.T. Decree. ed. (In Russ.).
19. Deborah Guy. Society of Performance. Trans. with frants. B. Neman. M.: Logos, 2000. 184 p. (In Russ.).
20. Rozin V.M. Decree. ed. (In Russ.).
21. Kudryavtsev V.T. Decree. ed. (In Russ.).
22. Rozin V.M. Decree. ed. (In Russ.).
23. Ibid. (In Russ.).
24. Ibid. (In Russ.).
25. Genisaretsky OI. A date with a story. Centaur. 1993 No. 2, (issue 9). (In Russ.).
26. Rozin V.M. Semiotic approach, and also can you understand art on its basis? Available at: URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fvox-journal.org%2Fcontent%2Fvox9rosin.doc&name=vox9rosin.doc&lang=en&c=56dd692d6fbe>. (In Russ.).
27. Ibid. (In Russ.). (In Russ.).

28. Bakhtin M.M. Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Available at: URL. [http \\\: Bim-Bad.ru> docs. Bakhtin_rablai.pdf](http://Bim-Bad.ru/docs/Bakhtin_rablai.pdf) (accessed: 23.11.15). (In Russ.).
29. Kudryavtsev V.T. Decree. ed. (In Russ.).
30. Strugatsky AN, Strugatsky BN Monday begins on Saturday. *Sobr. op.* M., 1992. Vol. 4. 319 p. (In Russ.).
31. Deborah Guy. Decree. ed. (In Russ.).

Информация об авторах:

Игнатович Владлен Константинович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
vign62@mail.ru

Получена: 17.05.2018

Для цитирования: Игнатович В.К. Психологическое пространство-время и базисные культурные сценарии образовательного события. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.134-149.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-134-149.

Information about the authors:

Vladlen K. Ignatovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia
vign62@mail.ru

Received: 17.05.2018

For citation: Ignatovich V.K. Psychological space-time and basic cultural scenarios of the educational event. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 134-149.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-134-149. (in Russ)

УДК 01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-150-155

КОДОЛА Валерий Григорьевич
Международная академия проблем человека
в авиации и космонавтике
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Valery G. KODOLA
International Academy of Human Problems in
Aviation and Cosmonautics
Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

КРИТИКА ЧИСТОЙ АБСТРАКЦИИ

PURE ABSTRACTION'S CRITIQUE

Классическая философия рассматривает понятия абстракции и конкретности и как категории логики, и как непосредственно данное, чувственно воспринимаемое и представляемое целое. Данные категории противопоставляются друг другу как некоторое существование предмета «простого» и предмета «сложного» как для их восприятия в ощущении, так и для понимания в мышлении. При этом предполагается наличие некоторого предмета «первоначального» «простого» элемента всего существующего, на основании которого создаются условия для проявления признаков изменения состояний и свойств существования всего существующего и который «дает начало» возникновению, развитию, совершенствованию предметов в данной области существования в возможности и действительности. В данной гипотезе проявляются признаки противоречия между возможностью представления о существовании неопределенно малого «простого» предмета (элемента) и невозможностью представления о существовании неопределенно большого «простого» предмета (элемента). Поэтому как категории логики понятия конкретного и абстрактного носят характер относительного суждения, обеспечивающего объяснение свойств мышления в процессах опытов существа мыслящего. Однако существа мыслящие, существующие в данной области существования в возможности и действительности, способны ощущать и мыслить признаки своего существования в опыте чувственного восприятия и словесного мышления, и для их ограниченных изменений свойств и состояний не могут быть доступны наблюдения и мысли о понятии предмета «чистой абстракции», и все доступные наблюдению и мышлению предметы для них существуют конкретно. Предмет, существующий в данной области, доступной опыту, конкретен; предмет, существующий за пределами опыта, «чисто абстрактен». Для попытки представить понятие о предмете «чистой абстракции» необходимо «выйти» из представления об области конкретного существования предмета в опыте и «взглянуть» на все существующее как бы с «точки зрения» самого всего существующего в «отсутствии» наблюдающего его существа мыслящего. При наличии наблюдающего все наблюдаемое приобретает в его представлениях четко упорядоченное и оформленное конкретное понятие.

Classical philosophy considers the concepts of abstraction and concreteness and as categories of logic, and as an immediately given, sensuously perceived and represented whole. These categories are opposed to each other as some existence of the object of "simple" and the object of "complex" both for their perception in sensation and for understanding in thinking. At the same time it is assumed that there is a certain object of the "original" "simple" element of all that exists, on the basis of which conditions are created for the manifestation of signs of a change in the states and properties of the existence of all that exists, and which "gives rise" to the emergence, development, improvement of objects in a given field of existence in possibility and reality. In this hypothesis signs of contradiction between the possibilities of representing the existence indefinitely small "simple" object (element) and the inability to know about the existence indefinitely large "simple" object (element). Therefore both the categories of the logic of the concept of concrete and abstract have the character of a relative judgment that provides an explanation of the properties of thinking in the processes of experiences of the being of the thinker. However those who think in the given field of existence in the possibility and reality are able to feel and think the signs of their existence in the experience of sensory perception and verbal thinking, and for their limited changes in properties and states, observations and thoughts about the concept of the object of "pure abstraction", and all objects accessible to observation and thinking for them exist specifically. Object existing in this field, available for experience, is concrete, and object existing outside of experience is "purely abstract". To attempt to introduce the concept of the object matter of "pure abstraction" is necessary to "get out" of the idea of the existence of a specific space of the object in the experiment and the "look" on all things like a "point of view" of all that exists in the "absence" of his being a thinking observer. In the presence of an observer, everything observed becomes, in his representations, a clearly ordered and formalized concrete concept.

Ключевые слова: абстрактное, конкретное, трансцендентальный материализм, существование, форма, возможность, действительность, свойства, состояния, изменения

Keywords: abstract, concrete, transcendental materialism, existence, form, possibility, reality, properties, states, changes

Судя по доступным источникам [2, с. 95] [3, с. 56-73] [6, с. 9-11] [11, с. 307, 309] [14, с. 25], то, чему нельзя сформулировать конкретного определения в понятиях существа мыслящего, древние философы определяли понятием абстракции. К абстрактному относили то, представляемое существующим, к признакам существования которого нельзя

было представить никакой акциденции, что, по их мнению, существует без акциденций (атом, идея, энтелехия). В «классической» философии представлялись определения абстрактного и конкретного как категории методологии мышления, в которой «простые» понятия определялись абстракцией, а «сложные» - конкретностью [1, с. 5] [4, с. 256-260, 262, 263, 266, 269-271] [5, с. 29-38] [7, с. 274-275] [8, с. 172-210] [9, с. 27-28, 37-38, 43, 52-54, 65-68, 73-75, 82-87, 92.] [10, с. 260-290] [12] [13, с. 6-14] [15]. При этом как в древней, так и в современной философии развивалось противоречие, связанное с попытками дать конкретные определения абстрактным понятиям материи и сознания, бытия и мышления. Данные понятия являются «творениями» существа мыслящего, для определения которого стали использовать эти понятия в качестве основных первых его акциденций: бытия как материального существования и мышления как осознания этого существования. Поэтому понятия «абстракции» и «конкретности» стали олицетворять признаки «простых» и «сложных» предметов осознания (познания) существа мыслящего, для наблюдения которых выбирался путь «от простого к сложному». Однако все, что может быть наблюдаемо как существующее в данной области существования, в представлениях существа мыслящего имеет определенный конкретный смысл упорядоченного и сформулированного понятия. Само существование существа мыслящего есть опыт наблюдения, восприятия и осмысления признаков своего существования в данной области существования в действительности и возможности. Все, данное существу мыслящему в наблюдении и осмыслении, имеет признаки изменения конкретных состояний и свойств всего существующего, а представления о «простых» и «сложных» предметах имеет характер «относительного», потому что то, что ранее представлялось «простым», теперь может быть представлено как «сложное», и наоборот. Понятие «материи» имеет конкретное воплощение во всем, что ощущается и мыслится существом мыслящим, понятие «сознания» конкретизируется в творениях существа мыслящего. Только то существующее, признаки существования которого недоступны для наблюдения и осознания в опыте существа мыслящего, может быть представлено в понятии «чистой абстракции».

Не имея возможности наблюдать и мыслить признаки изменения состояний и свойств всего того, что существует вне опыта существ мыслящих, будем называть это существующее, не ощущаемое и не мыслимое, «чистой абстракцией». Рассматривая все наблюдаемое и мыслимое как существующее в опыте, будем утверждать, что понятия «материи» и «сознания» для существа мыслящего не являются абстракцией, а наблюдаются и мыслятся как конкретные предметы и представления. Эти понятия воплощены во всех признаках существования существа мыслящего как единство простых и сложных представлений об изменениях состояний и свойств своего существования и существовании всех других предметов данной области существования в возможности и действительности. Непрерывно повторяющееся «запоминание» и «вспоминание» признаков изменения состояний и свойств всего существующего создают условия для наблюдения и осмысления этих изменений в виде упорядоченных и оформленных конкретных предметов, существующих в данной области существования в действительности как в «физической» форме существования и в возможности как в «интеллектуальной» форме существования. При этом наблюдаемость признаков изменений состояний и свойств предмета существующего требует существования предмета наблюдающего, признаки изменений состояний и свойств которого будут взаимодействовать с признаками изменений состояний и свойств предмета наблюдаемого.

Предмет «чистой абстракции» проявляет признаки изменений состояний и свойств своего существования только в отсутствии опыта их наблюдения и поэтому не может быть определяемым в понятиях предмета существа мыслящего. Предмет «чистой абстракции» существует без определения своих акциденций. В опыте наблюдения существа мыслящего признаки изменений состояний и свойств предмета «чистой абстракции» перевоплощаются в признаки изменений состояний и свойств конкретных предметов, обладающих определенной формой, содержанием и понятием. Причем признаки изменений состояний и свойств предмета «чистой абстракции» не могут быть представлены ни формой, ни числом, ни цветом, ни проницаемостью. В опыте наблюдения существа мыс-

лящего предмет «чистой абстракции» представляется определенным в понятиях линий, точек и их численного количества. Две линии, исходящие из одной точки, определяются понятием об угле. Три линии, сходящиеся попарно в точке, представляются понятием о треугольнике, которое дает определение понятию о фигуре. Осмысление наблюдаемого признака «чисто абстрактного» неопределенно малого изменения состояний и свойств существующего за неопределенно малый период существования создает условия для «чисто конкретного» его представления в оформленном виде в словесных символах как dx / dt . Кроме того, признаки физической формы изменений состояний и свойств существования могут проявляться в виде механических, электрических, атомных, квантовых, химических, биологических форм признаков изменений состояний и свойств предметов, существующих в данной области существования в действительности. А признаки интеллектуальной формы изменений состояний и свойств существования могут проявляться в виде мыслей о закономерных изменениях состояний и свойств предметов, существующих в данной области существования в возможности. При этом неопределенно малое изменение свойств существования происходят при неопределенно малых изменениях состояний существования из состояния в возможности в состояние в действительности, и наоборот, за неопределенно малый период их существования.

«Первичным» свойством всего существующего может быть «стремление» быть наблюдаемым в определенной области существования в возможности и действительности, в которой могут создаваться условия для проявления признаков предмета существа мыслящего, способного наблюдать все существующее в данной области существования в возможности и действительности в виде предметов и явлений взаимодействия изменений их состояний и свойств. «Чистая абстракция» не имеет признаков упорядоченного и оформленного существования, поэтому может иметь неопределенно большое множество родов, видов и форм признаков своего существования. Ограниченные определенной областью существования конкретные формы существующего, доступные для наблюдения существа мыслящего, могут иметь определенное множество родов и видов признаков изменений состояний и свойств конкретных предметов. Одномоментно может существовать неопределенно большое множество областей существования в возможности и действительности, однако для наблюдения конкретных видов рода существ мыслящих могут быть доступны признаки изменений состояний и свойств существования только той области существования, в которой проявляются признаки изменений состояний и свойств их существования в возможности и действительности.

Прекращение проявления признаков существования предмета создает условия для проявления признаков существования другого предмета. Форма проявления признаков существования предмета имеет характер относительного. Изменения состояний и свойств существующего в виде конкретного предмета может иметь характер абсолютно-го только в период проявления признаков предмета существа мыслящего, существующего в данной области существования в возможности и действительности. Изменения характера форм существования может создать условия для «перевоплощения» форм признаков данной области существования в новые формы признаков изменений состояний и свойств существования, и при этом они могут превращаться в некоторые неупорядоченные формы, близкие по свойствам и состояниям к «чистой абстракции».

Признаки существования «чистой абстракции» не воспринимаются в ощущениях и не мыслятся в мышлении существа мыслящего. «Конкретность существования» проявляется как опредмеченная в ощущениях и мыслях существа мыслящего «чистая абстракция», поэтому предмет может быть определен как конкретность существующего в данной области существования в возможности и действительности (во «Вселенной»), признаки изменений состояний и свойств которой взаимодействуют с признаками изменений состояний и свойств неопределенно большого множества других предметов данной области существования. При этом признаки изменений состояний и свойств физической формы существования предмета взаимодействуют с признаками изменений состояний и свойств физической формы существования существа мыслящего в виде его ощущений как существующие в действительности, а признаки изменений состояний и свойств ин-

теллектуальной формы существования предмета взаимодействуют с такими же признаками интеллектуальной формы существования существа мыслящего в виде его мыслей как существующие в возможности. Причем в ощущениях и мыслях существа мыслящего признаки изменений состояний и свойств взаимодействующего с ним предмета в физической и интеллектуальной формах проявляются одновременно. Понятие о «чистой абстракции» относится к трансцендентальной области существования всего существующего, и признаки ее существования не могут быть доступны наблюдению, а понятие о «конкретности» относится к данной области существования всего в ней существующего и является наблюдаемой в опыте взаимодействия существа мыслящего с физической и интеллектуальной формами существования в ней неопределенно большого множества предметов. Признаки акта взаимодействия изменений состояний и свойств единичного предмета или множества предметов с признаками изменений состояний и свойств существа мыслящего в виде чувств и мыслей определяем как явление данной области существования в действительности. Всякое «ощущаемое» и «мыслимое» существование конкретно, потому что ощущать и мыслить свое существование и существование других предметов данной области существования в возможности и действительности существо мыслящее может только как существующее в «конкретном месте» и в «конкретное время» существования.

Признаки изменения состояний и свойств предметов проявляют «стремление» к взаимодействию с признаками изменений состояний и свойств других предметов данной области существования в возможности и действительности. Причем это взаимодействие происходит одновременно в интеллектуальной и физической форме их существования, что создает условия для «представления» о форме их образа и содержании закономерностей изменения их свойств и состояний. При этом форма и содержание конкретных предметов проявляются для существа мыслящего в форме «конкретного» предмета, а в его отсутствии для самого существующего в форме «чистой абстракции». Признаки существования предметов становятся «конкретными» благодаря основным свойствам всего существующего, к которым отнесем свойство «запоминания» изменений состояний и свойств существования в действительности и «вспоминания» изменений состояний и свойств существования в возможности. Данные свойства могут быть конкретизированы в гипотезе о том, что при «запоминании» изменений свойств в состоянии существования в действительности может происходить «поглощение» признаков существования, а при «вспоминании» изменений свойств в состоянии существования в возможности может происходить испускание «новых» признаков существования. Поэтому основным «интеллектуальным» свойством всего существующего может быть «стремление» к перевоплощению существования в неупорядоченной «чистой абстракции» в существование в оформленной «конкретности».

Можно представить, что закон «чистой абстракции» будет формулироваться относительно данной области существования в возможности и действительности для всего в ней существующего, названного нами «чистой абстракцией», за неопределенно большой период существования изменений состояний и свойств предметов этой Вселенной, представляемый существами мыслящими периодом в «миллиарды лет», для самого всего существующего проявляет признаки своего существования как «одно мгновение». «Продуктом» трансцендентальной философии не может быть «чистое знание» о «чистой абстракции», в качестве такого «продукта» может быть «чистое незнание», в основе которого формулируются «суждения» и «образы» априорной фантазии в мышлении существа мыслящего. Таким образом, первая максима трансцендентальной философии проявляется как акт созерцания мыслимых признаков «чистой абстракции», а ее путем является отвлечение от признаков изменений состояний и свойств в области существования предметов данной области, доступных для ощущений и мыслей существа мыслящего, и «выход» за область опыта его существования.

Изложенное мнение о понятии «чистой абстракции» имеет трансцендентальный характер и в опыте не может быть подвергнуто ни умозрительному доказательству, ни практическому опровержению. При этом практическое значение изложенных взглядов

состоит в том, что в них неопровержимо утверждается факт того, что существование всего существующего не зависит от наличия или отсутствия его наблюдающего во всякой области проявления признаков существования как существующего в возможности, так и существующего в действительности. Таким образом, необходимо рассматривать тот факт, что изменения свойств всего существующего существовало в развитии и будет существовать в развитии в неопределенно большом множестве циклов перевоплощения своих свойств из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот, для «достижения целей» совершенствования признаков своего существования до воплощения в предметы наблюдающие эти признаки в других наблюдаемых ими предметах в неопределенно большом множестве областей возможного и действительного существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апрелева В.А. Философия: Учеб. пос. - Курган: Пайдейя, 2006. - 633 с.
2. Аристотель Сочинения в 4 т. Т. 1 / ред. В.Ф. Асмус. - М.: Мысль, 1976. - 550 с.
3. Бруно Д. О бесконечности, вселенной и мирах. / ред. В. Вандек, пер. с итальянского А. Рубина. - М.: ОГИЗ, 1936. - 259 с.
4. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. - М.: Республика, 1997. - 495 с. (Философия на пороге нового тысячелетия).
5. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Г 27 Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1971. - 248 с.
6. Дао. Гармония мира. - М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. - 864 с. (Серия «Антология мысли»).
7. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). - М., 2002. - 321 с.
8. Ильенков Э.В. Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике. Диалектика и логика. Формы мышления. - М., 1962. - С. 172-210.
9. «Квантовый кот вселенной / Эрвин Шредингер»: Алгоритм. - М., 2017. - 94 с. / http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25553973
10. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. - М.: Территория будущего, 2005. - 304 с.
11. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1990. - 860 [2] с.
12. Розен Гидеон. Абстрактные объекты // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL = http://philosophy.ru/abstract_objects/
13. Файер М. Абсолютный минимум. - СПб.: Питер, 2015. - 246 с.
14. Чжуан-цзы. Путь полноты свойств. - М.: ЭКСМО, 2005. - 432 с.
15. Швырёв В.С., Рузавин Г.И. Абстрактное и конкретное. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002-2018 (последняя редакция: 05.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7161>

REFERENCES

1. Apreleva V.A. Philosophy: Studies. POS. Kurgan: Paideia, 2006. 633 p.
2. Aristotle Works: in 4 t. T. 1. ed. by V. F. Asmus. M.: Thought, 1976. 550 p.
3. Bruno D. O beskonechnosti, vselennoj i mirah. red. V. Vandek, per. s ital'yanskogo A. Rubina. [On infinity, the universe and the worlds. ed Vantec, translated from Italian by A. Rubin.] Moscow: ogiz, 1936. 259 p.
4. Gajdenko P.P. Proryv k transcendentnomu: Novaya ontologiya XX veka. (Filosofiya na poroge novogo tysyacheletiya). [Breakthrough to the transcendent: a New ontology of the XX century. (Philosophy on the threshold of the new Millennium)]. M.:Republic, 1997. 495 p.
5. Gegel' Georg Vil'gel'm Fridrih. G 27 Nauka logiki. V 3 t. T. 2. [Hegel Georg Wilhelm Friedrich. G 27 science of logic. In 3 vol. 2.]. M.: Thought, 1971. 248 p.
6. Dao. Garmoniya mira. (Seriya: Antologiya mysli) [The harmony of the world. (Series: anthology of thought).]. M.: EKSMO-Press; Kharkiv: Folio, 1999. 864 p.
7. Zinov'ev A.A. Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale «Kapitala» K. Marksa). [Ascent from the abstract to the concrete (by the material of K. Marx's capital).]. M., 2002. 321 p.

8. Il'enkov E.V. Ponimanie abstraktnogo i konkretnogo v dialektike i formal'noj logike. Dialektika i logika. Formy myshleniya. [Ilyenkov, E. V. Understanding of abstract and concrete in dialectics and formal logic. Dialectics and logic. Form of thinking]. M., 1962. PP. 172-210.
9. Kvantovyy kot vselennoj. E.Hrvin SHredinger: Algoritm. [Quantum cat of the universe. Erwin schrödinger: an Algorithm]. M., 2017. P. 94. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25553973
10. Mach, E. Analiz oshchushchenij i otnoshenie fizicheskogo k psichicheskomu. [Analysis of sensations and the relation of the physical to the mental]. M.: Territoriya budushchego, 2005. 304 p.
11. Platon. Sobranie sochinenij v 4 t.: T. 1. obshch. red. A.F. Loseva i dr.; avt. vstup. stat'i A.F. Losev; primech. A.A. Taho-Godi; per. s drevnegrech. [Collected works in 4 volumes: vol. 1. the General editorship of A. F. Losev, etc.; ed. Intro. article Notes: A. A. Takho-godi; transl. from ancient Greek]. M.: Thought, 1990. 860 p.
12. Rosen Gideon. Abstraktnye ob"ekty. Stehnfordskaya filosofskaya ehnciklopediya: perevody izbrannykh statej. pod red. D.B. Volkova, V.V. Vasil'eva, M.O. Kedrovoj. [Abstract objects the Stanford encyclopedia of philosophy: translations of selected articles. edited by D. B. Volkov, V. V. Vasiliev, M. O. Kedrovoj. Available at: URL: <http://philosophy.ru/abstract_objects/>
13. Fire M. Absolyutnyj minimum. [Absolute minimum]. SPb.: Peter, 2015. 246 p.
14. Chzhuan-czy. Put' polnoty svojstv. [Chuang-Tzu. Property completeness path]. M.: EKSMO, 2005. 432 p.
15. Shvyrev V. S., Ruzavin G. I. Abstraktnoe i konkretnoe. Gumanitarnaya ehnciklopediya [Abstract and concrete. Humanitarian encyclopedia]. Center for humanitarian technologies, 2002 2018 (last edition: 05.08.2018). Available at: URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7161>

Информация об авторе:

Кодола Валерий Григорьевич, доктор педагогических наук, академик Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике,
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Получена: 05.08.2018

Для цитирования: Кодола В.Г. Критика чистой абстракции. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.150-155.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-150-155.

Information about the author:

Valery G. Kodola, Doctor of Pedagogical Sciences, Academician of the International Academy of Human Problems in Aviation and Cosmonautics, Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

Received: 05.08.2018

For citation: Kodola V.G. Pure abstraction's critique. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 150-155.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-150-155. (in Russ)

УДК 94(47).073

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-156-163

ШАПИРО Бэлла Львовна
Российский государственный гуманитарный
университет
г. Москва, Россия
b.shapiro@mail.ru

Bella L. SHAPIRO
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
b.shapiro@mail.ru

**«РУССКИЕ ЦЕНТАВРЫ»: КАВАЛЕРИЙСКИЕ
ШКОЛЫ В ПРАВЛЕНИЕ НИКОЛАЯ I**

**“RUSSIAN CENTAURS”: CAVALRY SCHOOLS IN
THE REIGN OF NICHOLAS I**

Предмет настоящего исследования - кавалерийские школы второй четверти XIX в. как самостоятельная часть военно-специального образования - находится на пересечении нескольких актуальных для современной отечественной истории направлений. Это история Российской императорской армии, российского военного образования и военных Николаевских реформ. Цель исследования - анализ динамики развития кавалерийских школ в правление Николая I. Задачи исследования: воссоздать историю военно-специального образования по кавалерии в правление Николая I и выявить ее ключевые моменты. Источники изучения - военно-административные документы второй четверти XIX столетия и «летописи» военно-учебных заведений. Методологическая основа исследования - хронологически-проблемный метод. Акцент в работе сделан на процессе оформления ведущих школ, а также на состоянии вопроса на периферии Российской империи. Охарактеризовано кавалерийское образование всех уровней, начиная от рекрутских школ кантонистов и ознакомительной езды в непрофильных кадетских корпусах до узкоспециализированных курсов Гвардейской берейторской школы и Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Высшую ступень образования предоставляла Императорская военная академия. Проведенный анализ позволил выявить и охарактеризовать динамику развития кавалерийского образования во второй четверти XIX столетия и заключить, что в этот период оно было приведено в единую систему и получило продуманную иерархическую структуру.

The subject of this study is the cavalry schools of the second quarter of the 19th century as an independent part of Russian special military education. It is at the intersection of several relevant areas for modern National history. This is the history of the Russian Imperial army, Russian military education and the Military Reforms of Nicholas I. The objective of the study is to analyze of development dynamics of the Russian cavalry schools in the reign of Nicholas I. The research tasks: to reconstruct the history of special military education in Russian cavalry in 1801-1825 and to reveal its key moments. The sources for the study are military and administrative documents of the second quarter of the 19th century and the “annals” of Russian military schools. The methodological basis of the study is the chronological and problem method. The emphasis is the formation process of the leading St. Petersburg schools, as well as on the state of the matter on the periphery of the Russian Empire. We characterized Russian cavalry education of all levels: from canonist’s recruiting schools and preliminary horse riding in non-core cadet corps to highly specialized courses in the Guards Riding-master School and the School of Guards Sub-lieutenant and Cavalry Junkers. The Imperial Military Academy is the highest level of education. This research allowed identifying and characterizing the development dynamics of Russian cavalry education in the second quarter of the 19th century. We conclude that during this period it received a unified system and a considered hierarchical structure.

Ключевые слова: история России, XIX век, Николай I, Русская императорская армия, гвардия, кавалерия, военное образование, военное обучение

Keywords: history of Russia, 19th century, Nicholas I, Imperial Russian army, guards, cavalry, military education, military training

Постановка проблемы

Российская система военного образования периода правления Николая I имеет давнюю историю. Фрагментарно эта проблема рассматривалась в трудах И.И. Пушкарева, П.А. Иванова, М.С. Лалаева, П.А. Зайончковского, В.А. Потто и др. Особое место в вопросах военно-специального образования кавалеристов в 1825-1855 гг. занимает исследование Ф.В. Кагана.

Кавалерийские школы второй четверти XIX в. как самостоятельная часть военно-специального образования находятся на пересечении актуальных для современной отечественной истории направлений. «Ни одно искусство не требует таких подробных объяснений, как верховая езда, в которой два живых существа соединяются теснейшим образом» [1, с. 1].

История развития кавалерийского искусства тесно связана с историей русской армии и военного образования. С начала XIX столетия основным каналом, по которому корпус кавалерии пополнялся кадрами со специальным образованием, были военно-учебные заведения. После заграничных походов русской армии в 1813-1814 гг. отечественная школа обогатилась прогрессивными методами европейской манежной работы. К концу правления Александра I «школа» была успешно перенесена в армию, однако система специального кавалерийского образования имела слабые места. Не хватало преподавателей - узких специалистов, учебных программ и пособий, лошадей и манежей, успешно применявшихся в Европе (например, со специальной гимнастикой).

С первых дней пребывания на российском престоле Николай I обратился к реформированию системы гражданского и военного образования. Требовалось «сличить и уравнивать все уставы учебных заведений Империи, а также рассмотреть и подробно определить... все курсы учений» [2, с. 3]. Так было выявлено отсутствие единообразия российского военного образования, «постановка курсов зависела лишь от начальников заведений, а еще более от самих преподавателей... Не было полной гармонии между разными отделами военных наук» [3, с. 1].

Динамика развития кавалерийских школ в правление Николая I

В рамках реорганизации кавалерийских школ упразднены московское училище колонновожатых и Дворянский кавалерийский эскадрон [3, с. 4; 4, с. 27]. На материальные средства Дворянского кавалерийского эскадрона в том же году учрежден новый эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии при Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Управление школой было передано брату императора Михаилу Павловичу.

Первоначально состав эскадрона был определен в 99 юнкеров (по 14 от каждого из 7 гвардейских полков, расквартированных в Петербурге и его окрестностях; 99-м числился так называемый «земной бог» - старший вахмистр). Для обучения принимались недоросли из потомственных дворян и пажы, желавшие служить в гвардии [5, с. 29, 33]. В школе продолжали образование выпускники губернских кадетских корпусов [6, с. 16, 20].

Двухлетняя учебная программа разрабатывалась применительно к нуждам кавалерии. В занятия по тактике для низшего класса были включены основы ветеринарии и «признаки лет и качеств лошадей», краткое знакомство с основами ипповетеринарии [5, с. 38-39; 7, с. 267].

Существенной проблемой являлось отсутствие материальной базы для занятий. В первое время, за неимением собственных лошадей, конюшен и манежа, эскадрон занимался только пешей выправкой. Затем из Образцового кавалерийского полка были присланы первые 16 (по другим данным - 14) лошадей. Они содержались при Измайловском полку, в конюшне Лейб-гвардии Конно-Пионерного эскадрона.

В 1826-1828 гг., накануне выпуска, воспитанники брали уроки в частном манеже Моргенштерна. Первый смотр оказался неудачным, Михаил Павлович допустил к производству в офицеры только юнкеров кирасирских полков [5, с. 44-45; 7, с. 37, 56-57].

Строительство конюшен и манежа было завершено только в конце 1828 г. [7, с. 59-60]. В 1838 г. школа реорганизована в четырехклассное военное училище. После реорганизации в эскадроне предполагалось 108 юнкеров. Возраст учеников колебался от 13 до 15 лет. Часть вакансий предоставлялась кандидатам из Пажеского корпуса. В низших классах обучались по программе кадетских корпусов, в высших - по специальной. Манежное обучение сменялось совместными лагерными сборами военно-учебных заведений и армии. Курс заканчивался публичными строевыми экзаменами в высочайшем присутствии [5, с. 52; 7, с. 164-167, 258].

Обучение верховой езде проводилось с постепенно возрастающей сложностью, согласно действующему на тот момент Александровскому кавалерийскому уставу (от 1812 г. и более поздним «прибавлениям» к нему 1815-1820 гг.). Начинали обучение на простом оголовье без стремян, затем со стремянами, позже дополняли мундштуками. К концу обучения юнкера ездили в полной амуниции на седлах с полным вьюком. Отрабатывались

элементы, требующиеся на смотрах и разводах [5, с. 45]. Основные затруднения вызывало обучение 13-летних юнкеров, «не всегда способных к этому по молодости и физическому сложению [5, с. 72].

На эскадрон полагалось 113 строевых гнедых лошадей стоимостью от 30 до 700 руб. Для обучения 13-летних мальчиков приобретали смирных, хорошо выезженных лошадей из брака гвардейских полков; для юнкеров-ординарцев, которые являлись на смотр к государю, нужно было иметь кровных дорогих лошадей. Для выездки молодых лошадей при школе состоял берейтор [5, с. 56; 7, с. 51].

Кавалерийскому искусству обучали и гвардейских подпрапорщиков, которых готовили к карьере адъютантов, полковых жалонеров и младших штаб-офицеров. Для этого приобретались разномастные лошади [5, с. 33-34, 56; 7, с. 95]. Снабжение лошадьми производилось профессиональным ремонтером Кирасирского Его Императорского Величества полка. Для практического применения знания устава и навыка к строю юнкера прикомандировывались к полкам 1-й кирасирской бригады, с которой выезжали на конные учения [7, с. 60-61].

В 1839 г. школа получила новое здание на месте плац-парада Измайловского полка и Кондукторской школы, в надворных строениях которой расположились школьные конюшни [5, с. 55-56; 7, с. 170]. В 1840 г. юнкера впервые удостоились чести быть конными ординарцами императора. С 1841 г. эскадрон кавалерийских юнкеров принимал участие в высочайших смотрах и парадах (впервые взвод от школы участвовал в разводе в 1828 г. по случаю победы в Ахалцихском сражении И.Ф. Паскевича-Эриванского [7, с. 61]).

Причиной успешного развития школы стал блестящий состав преподавателей. Воспитание юнкерской молодежи поручалось лучшим наставникам, таким как герой турецкой кампании 1828-1829 гг. штаб-ротмистр Лейб-гвардии Уланского полка И.С. Клерон, получивший прозвище «центавр русской кавалерии» [7, с. 104-105]. Молодежь видела в нем идеал кавалериста. В 1842 г. состоялся первый выпуск [5, с. 35]. В 1851 г. в школе открылся хорошо оборудованный иппологический кабинет, где преподавал академик А.Ф. Миддендорф (в 1851-1855 гг.), в числе его посетителей были и великие князья Романовы [5, с. 70-71; 7, с. 307].

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров давала армии высококвалифицированных специалистов. Наряду со школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров был учрежден Образцовый кавалерийский полк (1826), который не являлся военно-учебным заведением. Его задачей было введение в армейской кавалерии «однообразных правил..., обмундирования, амуниции, седлания иковки лошадей, а также подготовка учителей для кавалерийского образования» [8, с. 80].

Штат полка в составе четырех эскадронов был утвержден в 1829 г. Полк формировался из 15 кавалерийских дивизий, каждая дивизия давала взвод. Взводы сводились в команды по родам конницы: кирасирскую, драгунскую, конно-егерскую, гусарскую и уланскую (жандармерия для обучения кавалерийской службе прикомандировывалась к состоящему при гвардейском корпусе Лейб-гвардии полевому жандармскому эскадрону, сформированному из нижних чинов гвардейской кавалерии. [ГАРФ. Ф.110. Оп.2. Д.969. Л.1, 1об.]). Численность постоянных кадров Образцового полка составляла 209 нижних чинов, переменных - 465.

В 1834 г. к полку был присоединен Учебный эскадрон. К полку на полгода перед производством в офицеры кавалерии прикомандировывались воспитанники кадетских (в том числе губернских) корпусов [9, с. 1-7] и Дворянского полка в звании юнкеров. Это делалось для ознакомления с правилами кавалерийской службы и обучения верховой езде [2, с. 86; 4, с. 27]. Для них назначались учебные «доброезжие» лошади. Дворянский полк продолжал выпуск в кавалерию и после упразднения кавалерийского эскадрона. За годы правления Николая I Дворянский полк дал кавалерии 544 офицера [4, с. 124, 138].

С 1829 г. в Дворянском полку обучались горцы Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Его Императорского Величества конвоя; в 1830 г. в Дворянский полк, Александровский, Павловский и 2-й кадетский корпус для обучения прибыло 40 человек, а в 1834 г. - еще 70; в дальнейшем количество воспитанников из кавказских и

закавказских народов возрастало [10, с. 58, 61]. Возраст для поступления в юнкера определялся от 11 до 15 лет. Юнкера-горцы, за исключением определяющихся в Кавказско-Горский полуэскадрон, зачислялись в кавалерию [10, с. 88]. На время лагерных сборов составлялся особый взвод под Петергофом (в отсутствие собственных, на придворных разгонных лошадях). Лагерные учения горцы проводили «на свой манер», который отличался лихой ездой, лавой (особым порядком атаки) и джигитовкой «с пальбой из ружей и пистолетов» [10, с. 92, 151-152], то есть стрельбой с коня.

Юнкера Кавказско-Горского полуэскадрона непродолжительное время находились в составе конных ординарцев императора; затем эта практика была отменена, так как они не имели собственных лошадей и оружия [10, с. 110]. Посредственное материальное обеспечение школ «второго круга» (Дворянский полк не относился к ведущим школам) нужно назвать главной проблемой военно-учебных заведений этого периода. Так, на 1834 г. собственные строевые лошади (в количестве 45 голов) показаны только у Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров [ГАРФ. Ф.672. Оп.1. Д.70. Л.1].

Казаки отрабатывали и владение шашкой [10, с. 152]. При этом в казачьих заведениях материальная база также оставляла желать лучшего. Лошади давались воспитанникам из полков. Из учебных пособий в конце 1830-х годов был лишь перевод с французского П.Х. Граббе «Карманной книжки о службе легкой кавалерии в поле», журнальная статья «Об организации конной кавалерии» и записки из Школы гвардейских подпрапорщиков [12, с. 42]. Не было собственных учебных лошадей и у петербургского Артиллерийского училища, юнкера которого для обучения верховой езде прикомандировывались к петербургской Гвардейской берейторской школе. С 1832 г. обучение артиллерийских юнкеров в берейторской школе прекращено, занятия стали проводиться на лошадях учебной бригады в ее манеже (училище было отделено от артиллерийской учебной бригады с 1834 г.) или в манеже Инженерного замка; постепенно училище обзавелось собственным манежем, лошадьми и берейтором [13, с. 101, 127].

В 1827 г. В.В. Левашов приступил к реорганизации учебной программы Гвардейской берейторской школы. Кроме практических занятий, воспитанникам преподавались теория верховой езды и теория иппологии. Ежегодный набор составлял 50 вольноопределяющихся. С 1829 г. поступающие были ограничены возрастом в промежутке от 16 до 21 года. В 1844 г. программа занятий пересмотрена. Число воспитанников сократилось до 40, что позволило усилить манежные занятия.

С 1850 г. в школе проводилось освидетельствование поступающих командиром школы, обер-берейтором и врачом. Особое внимание обращалось на способность к верховой езде, при этом испытательный срок длился шесть месяцев. Шестилетний курс обучения делился на старшие и младшие классы; воспитанникам выдавались конспекты лекций. Значительная роль отводилась теории верховой езды и иппологии. Школа приобрела коллекцию анатомических моделей и макетов в Париже (военно-учебные заведения имели право беспоплатно получать из-за границы учебные пособия всех видов) [2, с. 72].

Классные занятия ежедневно длились не более двух часов, практические - по шесть часов. Первые два с половиной года доводили воспитанника до «степени ездока» [15, с. 273], занятия проходили в просторном манеже, оборудованном зеркалами. Остальное время воспитанники под руководством опытных берейторов обучались искусству выездки молодых лошадей, которых для школы приобретала комиссия гвардейской кавалерии после освидетельствования на предмет способности к высшей школе верховой езды по цене до 286 р. серебром.

С 1829 по 1852 г. из Гвардейской берейторской школы было выпущено 120 берейторов, в том числе и 10 лучших, принятых ко двору. Школа к концу указанного срока по праву приобрела репутацию одной из лучших в Европе [15, с. 272-274], ее ученики по завершении обучения разъезжались по своим полкам, передавали полученные знания.

Более высокий уровень образования давала Императорская военная академия, образованная в 1832 г. «... для вящего распространения знаний в армии» [3, с. 12]. Прототипом академии считается офицерская школа при главной квартире 1-й армии и училища колонновожатых [3, с. 37; 4, с. 173-188]. Правом поступления в академию пользовались

обер-офицеры, дослужившиеся до чина штабс-капитана гвардии, артиллерии и капитана армии. Могли быть представлены к зачислению отлично аттестованные офицеры из выпусков военно-учебных заведений возрастом не моложе 18 лет. В каждом классе насчитывалось до 30 офицеров.

Учебная программа представляла двухлетний курс; младший - теоретический, старший - практический. «Практическое знание фронтовой службы должно почитать важнейшим предметом для офицера» [ПСЗРИ. Т. XV. Ч. 1. 1840. ст. 13288], для ознакомления с обязанностями субалтерн-офицера каждого рода войск (рода оружия) причисленные к академии в первый год обучения прикомандировывались к пехоте, во второй - к артиллерии и кавалерии [3, с. 114-115]. Обучение кавалерийскому искусству в академии было обязательным в течение всего курса. По программе предполагались занятия верховой ездой трижды в неделю в манеже Гвардейской берейторской школы, офицеры занимались и в частных манежах [3, с. 34-35]. В 1854 г. академия присоединена к Ведомству военно-учебных заведений, где заняла центральное место в системе военного образования России. С открытием академии преподавание военных наук было выведено из учебных программ университетов: в 1831 г. «...положенную уставом Императорского Дерптского университета кафедру военных наук [закрыли] как излишнюю», с 1832 г. «...преподавание военных наук в университетах и гимназиях [уничтожено] повсеместно» [16, с. 404].

В Царскосельском лицее в военную службу было произведено пять выпусков лицестов: в 1817, 1820, 1823, 1826 и 1829 гг. [17, с. 148-153, 184]. В учебных заведениях, не выпускающих в кавалерию, верховая езда преподавалась для общего ознакомления в выпускном классе один раз в неделю. Лошади и инструкторы брались от ближайшего полка, в том числе из запасных кавалерийских частей. Юнкера и кадеты, желавшие получить более прочные знания, брали уроки в частных манежах.

С 1836 г. обучение кавалерийскому искусству распространялось и на кантонистов, из них были созданы эскадроны по 120 и батареи по 136 человек для комплектования унтер-офицерами поселенных полков и батарей 1-го, 2-го и 3-го резервных кавалерийских корпусов и 5-й легкой кавалерийской дивизии. В марте 1840 г. сформированы эскадроны кантонистов для комплектования 1-й кавалерийской дивизии, по одному эскадрону для каждого полка [18, с. 333-342; ПСЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 9466; ПСЗРИ. Т. XI. Ч. 2. ст. 9690; ПСЗРИ. Т. XV. Ч. 1. ст. 13244]. Двухлетняя учебная программа здесь состояла из фронтовых и классных занятий. Фронтовые занятия заключались в «правильной выправке, маршировке, знании рекрутской школы, фланкировании и рубке саблями, аванпостной службе, сигналах, а также учении пешему по конному, эскадронному и полковому». Кантонисты эскадронов обучались и верховой езде, сообразно их силам и возрасту [18, с. 341]. В первом классе преподавалась сборка-разборка ружья и гимнастика; во втором - гимнастика и фехтование (в кавалерии - ружьем, саблей и палашом). В классах изучали краткое наставление об обязанностях кавалерийского унтер-офицера и солдата [18, с. 350]. Порядок рекрутской школы был уточнен в 1843-1845 гг. в 1-й части нового кавалерийского устава.

Начальное образование рекрут длилось девять месяцев. Учителя обращали внимание на нравственные качества обучаемых, давая им возможность осмотреться, свыкнуться с важнейшими требованиями, предъявляемыми военной службой. Затем рекрута учили обращению с лошадью, постепенно усложняя занятия. «Однообразие правил манежной езды, ясность толкования, внушение солдатам уверенности в важности и необходимости этого предмета... вели к достижению желаемой цели при обучении рекрутов» [19, с. 28-29]. Гимнастика как обязательный предмет вошла в учебные программы военно-учебных заведений с 1834 г. [2, с. 74]. Наиболее важными для кавалерийской подготовки считались занятия на деревянном «коне» («кобыле») и на укороченном «козле», которые использовались для обучения вольтижировке.

В Николаевской кавалерии одним из важнейших пунктов в подготовке кавалериста стал «русский стипль-чез» - ежегодные Императорские Царскосельские скачки, открытые

с 1841 г. для «господ офицеров, на лошадях служащих» [20, с. 227]. С этого момента качественная кавалерийская подготовка стала более востребованной.

Заключение

Таким образом, годы правления Николая I стали важным этапом в организации военно-учебных заведений. Они были приведены в единую систему и получили продуманную иерархическую структуру. Благодаря реформам, к середине XIX в. оформились ведущие школы с качественной материальной базой, продуманными учебными программами и талантливыми наставниками - истинными «русскими центрами».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кюне. Кавалерист и его лошадь. - СПб.: Тип. М. Эттингера, 1859. - 348 с.
2. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. 1700-1880. Ч. I-II. - СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. - 465 с.
3. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. - СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. - 385, 205, 98 с.
4. Гольмдорф М.Г. Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807-1859. - СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. - 199 с.
5. Шкот П.П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1832-1898. - СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. - 133, 120 с.
6. Рыкалов И.И. Историческая записка о Михайловском Воронежском кадетском се. - Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1895. - 157 с.
7. Потто В.А. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823-1873. - СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. - 344, 326 с.
8. Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого. Т. 17. - Петроград: Тип. И.Д. Сытина, 1914. - 320 с.
9. Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса. 1843-1893 гг. - Орел: Тип. газеты «Орловский вестник» Н.А. Сентяниной, 1893. - 135 с.
10. Петин С.И. Собственный Его Императорского Величества Конвой. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. - 436 с.
11. Данилевич М.К. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // Военная быль. - № 45. - С. 10-11.
12. Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813-1913. - М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев, 1915. - 448 с.
13. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. - СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1870. - 378 с.
14. Иванов П.А. Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии. - СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1864. - 317; 28 с.
15. Военный энциклопедический лексикон. Т. 2. - СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1853. - 632 с.
16. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России / МГУ им. М.В. Ломоносова, Гос. ист. музей. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. - М.: Издательство МГУ, 2003. - 479 с.
17. Селезнев И.Я. Исторический очерк Императорского лицея. 1811-1861. - СПб.: Тип. В. Безобразова, 1861. - 524, 199 с.
18. Свод военных постановлений. Ч. 1. Образование военных учреждений. Кн. 3. Образование военно-учебных заведений с их управлениями. - СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. - 360; 64 с.
19. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главный штаб. Образование (обучение) войск. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. Вып. II. Уставы и наставления / гл. ред. Д.А. Скалон, сост. А.И. Гиппиус. - СПб.: Тип. М. Вольф, 1914. - 279 с.
20. Современные заметки // Современник. - 1852. - Т. 35. Отд. VI. - С. 214-280.

REFERENCES

1. Kyune. Kavalerist i ego loshad'. [Cavalryman and his horse]. SPb.: Tip. M. Ettingera, 1859. 348 p. (in Russ.)
2. Lalaev M. S. Istoricheskiy ocherk voenno-uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh Glavnomu ikh Upravleniyu. 1700-1880. Ch. I-II. [Historical sketch of military educational institutions subordinated to the Chief of the Office. 1700-1880. Part I-II]. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1880. 465 p. (in Russ.)
3. Glinoetskiy N. P. Istoricheskiy ocherk Nikolaevskoy akademii General'nogo Shtaba. [Historical sketch of the Nikolaev Academy of the General Staff]. SPb.: Tip. Shtaba voysk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. 385, 205, 98 p. (in Russ.)
4. Gol'mdorf M. G. Materialy dlya istorii byvshego Dvoryanskogo polka do pereimenovaniya ego v Konstantinovskoe voennoe uchilishche. 1807-1859. [Materials for the history of the former Nobility Regiment before renaming it into the Constantine Military School. 1807-1859]. SPb.: Tip. Shtaba voysk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. 199 p. (in Russ.)
5. Shkot P. P. Istoricheskiy ocherk Nikolaevskogo kavaleriyskogo uchilishcha, byvshey shkoly gvardeyskikh podpraporshchikov i kavaleriyskikh yunkerov. 1832-1898. [A historical sketch of the Nikolayev Cavalry School, a former school of guard sub-lieutenants and cavalry cadets. 1832-1898]. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1898. 133, 120 p. (in Russ.)
6. Rykalov I. I. Istoricheskaya zapiska o Mikhaylovskom Voronezhskom kadetskom korpuse. [Historical note about the Mikhailovsky Voronezh Cadet Corps]. Voronezh: Tip. V.I. Isaeva, 1895. 157 p. (in Russ.)
7. Potto V. A. Istoricheskiy ocherk Nikolaevskogo kavaleriyskogo uchilishcha. Shkola gvardeyskikh podpraporshchikov i kavaleriyskikh yunkerov. 1823-1873. [A historical sketch of the Nikolayev Cavalry School. School of guard sub-ensigns and cavalry cadets. 1823-1873]. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1873. 344, 326 p. (in Russ.)
8. Voennaya entsiklopediya: v 18 v. pod red. V. F. Novitskogo. T. 17. [Military encyclopedia: 18 vol. ed. by V. F. Novitsky. Vol. 17.] Petrograd, Tip. I.D. Sytina, 1914. 320 p. (in Russ.)
9. Kratkiy istoricheskiy ocherk Orlovskogo-Bakhtina kadetskogo korpusa. 1843-1893 gg. [A short historical essay of Orlovsky-Bakhtin Cadet Corps. 1843-1893 years]. Orel: Tip. gazety «Orlovskiy vestnik» N.A. Sentyaninoy, 1893. 135 p.
10. Petin S. I. Sobstvennyy Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoy. [Own Convoy of His Imperial Majesty]. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1899. 436 p. (in Russ.)
11. Danilevich M. K. Orenburgskiy Nepleuyevskiy kadetskiy korpus. [Orenburg Nepleuyevsky Cadet Corps]. *Voennaya byl' = Military life*. No 45. Pp. 10-11. (in Russ.)
12. Kratkiy istoricheskiy ocherk Pervogo Sibirskogo imperatora Aleksandra I kadetskogo korpusa. 1813-1913. [A brief historical sketch of the First Siberian Emperor Alexander I of the Cadet Corps. 1813-1913]. M.: Tipo-lit. I. N. Kushnerev, 1915. 448 p. (in Russ.)
13. Istoricheskiy ocherk obrazovaniya i razvitiya Artilleriyskogo uchilishcha. 1820-1870. [Historical essay on the formation and development of the Artillery School. 1820-1870]. SPb.: Tip. 2-go otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1870. 378 p. (in Russ.)
14. Ivanov P. A. Obozrenie sostava i ustroystva regulyarnoy russkoy kavalerii. [Review of the composition and arrangement of the regular Russian cavalry]. SPb.: Tip. N. Tiblena, 1864. 317; 28 p. (in Russ.)
15. Voennyi entsiklopedicheskiy leksikon. T. 2. [Military encyclopedic lexicon. Vol. 2]. SPb.: Tip. Shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy, 1853. 632 p. (in Russ.)
16. Petrov F. A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. MGU im. M. V. Lomonosova, Gos. ist. muzey. T. 3: Universitetskaya professura i podgotovka Ustava 1835 goda. [Formation of the system of university education in Russia. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, State Historical Museum. T. 3: University professorship and preparation of the Charter of 1835]. M.: Izdatel'stvo MGU, 2003. 479 p. (in Russ.)
17. Seleznev I. Ya. Istoricheskiy ocherk Imperatorskogo litseya. 1811-1861. [Historical essay of the Imperial Lyceum. 1811-1861]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1861. 524, 199 p. (in Russ.)
18. Svod voennykh postanovleniy. Ch. 1. Obrazovanie voennykh uchrezhdeniy. Kn. 3. Obrazovanie voenno-uchebnykh zavedeniy s ikh upravleniyami. [Code of military regulations. Part 1. Education of military institutions. Book. 3. Formation of military schools with their administrations]. SPb.: Tip. 2-go otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1838. 360; 64 p. (in Russ.)
19. Stoletie Voennogo ministerstva. 1802-1902. Glavnyy shtab. Obrazovanie (obuchenie) voysk. T. 4. Ch. 1. Kn. 2. Otd. 3. Vyp. II. Ustavy i nastavleniya. gl. red. D.A. Skalon, sost. A.I. Gippius. [Centenary

of the War Ministry. 1802-1902. Main Headquarters. Education (training) of troops. T. 4. Part 1. Book. 2. Dep. 3. Issue. II. Charters and instructions. Ch. ed. D. A. Skalon, comp. A. I. Gippius]. SPb.: Tip. M. Vol'f, 1914. 279 p. (in Russ.)

20. Sovremennye zametki. [Modern notes]. *Sovremennik = Contemporary*. 1852. Vol. 35. P. VI. Pp. 214-280. (in Russ.)

Информация об авторе:

Шапиро Бэлла Львовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра музеологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
b.shapiro@mail.ru

Получена: 01.08.2018

Для цитирования: Шапиро Б.Л. «Русские центавры»: кавалерийские школы в правление Николая I. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2 . с.156-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-156-163.

Information about the author:

Bella L. Shapiro, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Museology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
b.shapiro@mail.ru

Received: 01.08.2018

For citation: Shapiro B.L. "Russian centaurs": cavalry schools in the reign of Nicholas I. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 156-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-156-163. (in Russ)

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В 2018 году исполняется 160 лет включения Северного Приамурья и 158 лет вхождения Уссурийского края в состав Российской империи, а 20 октября этого же года – 80 лет со дня образования Хабаровского и Приморского краев. Однако не только юбилейные даты, но и современное развитие российского Дальнего Востока как одна из приоритетных национальных задач находятся в центре внимания представителей разных научных направлений и практиков-экспертов. К числу важнейших сегодняшних проблем относятся поиски ответа на вопрос как обеспечить развитие территории во благо всей России и дальневосточников. В современной познавательной ситуации важны не только оценка экономического, демографического, культурного потенциалов и возможностей страны с точки зрения реализации амбициозных целей и задач, но и адекватная оценка роли и места в этом процессе основных его участников, историографического осмысления, а также последствий принятых программ для населения. Наступило время подвести некоторые итоги осмысления дальневосточной проблематики.

На страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2018 г. в формате специального раздела **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** предлагается обсудить следующие теоретико-методологические и прикладные проблемы:

- научные концепции, особенности, участники разработки стратегии развития Дальнего Востока;
- подходы к оценкам ее реализации в научном и экспертном сообществе;
- отражение последствий радикально-рыночных реформ и результатов осуществления планов развития региона в публицистике и др.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются к публикации оригинальных текстов аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарна Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

160 years of inclusion of the Northern Amur Region and 158 years of the Ussuriisk Region's entry into the Russian Empire will be celebrated in 2018, and on October 20 of the same year will be 80 years from the date of the formation of the Khabarovsk and Primorsky Regions. However, not only the jubilee dates, but also the modern development of the Russian Far East as one of the priority national tasks are at the center of attention of representatives of various scientific trends and experts. Among the most important current problems are the search for an answer to the question of how to ensure the development of the territory for the benefit of all of Russia and the Far East community. In the modern cognitive situation, it is important not only to assess the country's economic, demographic, cultural potential and capabilities from the viewpoint of achieving ambitious goals and objectives, but also to adequately assess the role and place in this process of its main participants, historiographical comprehension, as well as the consequences of the adopted programs for the population. And it is time to sum up some of the results of understanding the Far Eastern issues.

On the pages of the journal "Historical and Social-Educational Idea" for 2018 in the format of a special section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"***. It is proposed to discuss the following theoretical, methodological and applied problems:

- scientific concepts, features, participants in the development of the strategy for the development of the Far East;
- approaches to assessing its implementation in the scientific and expert community;
- reflection of the consequences of radical market reforms and the results of the implementation of plans for the development of the region in columns and notes, etc.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Post-graduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited to publish original texts. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"*** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

The editorial board of the journal "Historical and Social-Educational Idea" examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: "Antiplagiat.ru" and "Advego Plagiatus".

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a republication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid

обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ОТЗЫВ ПУБЛИКАЦИИ

Отзыв из печати статьи Кицай Ю.А. «СОВЕТ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ»

Статья Кицай Ю.А. «Совет многоквартирного дома: некоторые особенности функционирования», опубликованная в научном журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» 2012. № 3. С 270-271 (журнал сдан в типографию 29.07.2012), отзывается редактором с согласия издателя. Изъятие (ретракция) статьи обусловлено наличием признаков неоформленного заимствования из статьи Рыжова А. Совет многоквартирного дома / Жилищное право, 2011, №11.

Протокол заседания Комиссии по публикационной этике редакционной коллегии научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» на основании отчета (экспертизы) вольного сетевого сообщества «ДИССЕРНЕТ» от 27.08.2018 г.

RETRACTON OF THE PUBLICATION

Retraction of Y.A. Kitsay «COUNCIL OF APARTMENT HOUSE: SOME PECULIARITIES OF FUNCTIONING».

Y.A. Kitsay's article «COUNCIL OF APARTMENT HOUSE: SOME PECULIARITIES OF FUNCTIONING», published in a scientific journal "Historical and Social-Educational Idea" 2012. № 3. С 270-271 (the journal was handed over to the printing house on 29.07.2012), is retract by the editor with the publisher's consent. The retraction of the article is due to the presence of signs unarranged borrowing from the article Ryzhov A. The Board of apartment buildings / Housing law, 2011, No. 11.

Report of the meeting of the Commission on the Publication Ethics of the Editorial Board of the Scientific Journal "Historical and Social-Educational Idea" on the basis of the report (expertise) of the free network community "DISSERNET" of 27.08.2018.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки <http://www.antiplagiat.ru>). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате A4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12, междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, междустрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи.* Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова.* Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>.
4. *Abstract & Keywords.* Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. *Информация о спонсорстве* (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. *Благодарности* (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. *Текст статьи* (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

например: [1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. *Библиографические ссылки* (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. *References* (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком «//» и «–», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в *References* для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ.).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;

- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;

- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;

- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;

- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;

- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс П4427), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: <http://www.hist-edu.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

**Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала
и авторам статей.**

**Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно
отражают позицию редколлегии.**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «Historical and Social-Educational Ideas»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»
доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг.
номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2018. Том 10 № 4/2

Подписной индекс П4427
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.08.2018
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 177 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»